

НОВОЕ ВРЕМЯ

Олег
Гордиевский:
Как я
перешел
границу

январь 1992

2

Индекс 70621

По
ДОГОВОРНОЙ
цене

ISSN 0137 - 0723

PARK
TOURS
REISE
TOEGE
TRAVEL

**Ведущая компания ЮАР
предлагает все виды
туристического бизнеса:**

- профессиональный, культурный, спортивный и молодежный обмен;
- организация контактов деловых людей;
- обучение руководителей туристического бизнеса;
- торговля туристическим, спортивным оборудованием;
- посреднические функции между туристическими фирмами ЮАР и СССР.

Наши координаты:

30 Polleys Arcade Polleys-deurloop 30 Pretoriusstr/str 235, Pretoria 0002
☎ (012) 21-5291/2 21-5537/8/9 SA 322206 ☎ 9, Pretoria 0001
Fax : (012) 325-6763 Reg. No. : 71/01542/07

Takkanloor / Branch :

250 Esselenstr/str 200 ☎ 2022, Pretoria 0001 ☎ (012) 341-6403/4/5/6
Fax : (012) 44 3098

Читайте в этом номере:**СОДРУЖЕСТВО**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М.Шакина</i> ПРИЗРАЧНАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ	4
ГРУЗИЯ <i>А.Соколов</i> ЧАС ОППОЗИЦИИ	7
ЭКОНОМИКА <i>Э.Онтиверос, Э.Шнайдер, Д.Тархус</i> ЦЕНЫ СВОБОДНЫ. СВОБОДА ЦЕННА	8
СЛОВО ЗА СЛОВО <i>Ю.Оклянский</i> ЗОМБИ И СЫНОВЬЯ	12
МЫ И МИР <i>К.Плешаков</i> РОССИЙСКАЯ ДИЛЕММА	14

Правительство может отпустить цены, но наполнить прилавки оно не в состоянии. Кто же это делает?
Стр.8

МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ <i>Е.Бажанов</i> НЕ СПЕШИТЕ ОТПЕВАТЬ ДЕРЖАВУ	16
РОССИЯ-КОРЕЯ <i>Л.Млечин</i> БЫВШИХ КЛИЕНТОВ НЕ ОБСЛУЖИВАТЬ	19
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ <i>И.Валента</i> ГДЕ У ЧЕЛОВЕКА ДОМ?	20
ГЕРМАНИЯ <i>И.Млечина</i> ЗАБЫТЫЙ БАРАБАН	22
НИГЕРИЯ <i>Я.Боровой</i> ЕСЛИ ПОЗВОЛИТ ДОДО	25

Наш корреспондент в Нигерии убеждается в том, что вожди на то и вожди, что они всегда правы
Стр.25

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ИНТЕРВЬЮ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» <i>О.Гордиевский</i> СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР – МОЯ НАГРАДА	28
СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ <i>И.Филиппова</i> ВТОРОГО КОТА В МЕШОК	33
ЭМИГРАЦИЯ <i>А.Аджубей</i> БЛАЖЕННЫ ИЗГНАННЫЕ ПРАВДЫ РАДИ	34
ПОЧТА «НВ» <i>Ю.Савенко</i> ЮБИЛЕЙ ПСИХУШКИ	36
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Ги Сорман</i> КАК ВЫЙТИ ИЗ СОЦИАЛИЗМА?	38
НАУКА <i>А.Полюхов</i> СПИДУ – 70 ЛЕТ	41
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>Че Кагов</i> КАПИТАЛИЗМ – ЭТО ПРОСТО (продолжение)	42
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>Е.Русаков</i> МИСТЕР ПИТКИН В ТЫЛУ ПАРТНЕРА	46
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА <i>Э.Лам</i> «МИСС ХАНОЙ» ОСТАЛАСЬ БЕЗ РАБОТЫ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Бежавший на Запад советский разведчик появляется на людях в парике и гриме. Он все еще боится бывших коллег по КГБ

Стр.28

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Никита ЖОЛКВЕР,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Сеуле, Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

**Рекламное агентство
«НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN»
Тел. 209-92-82, 209-76-52,
209-95-71**

Печатается в типографии
«Московская правда»

Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 1 руб. 85 коп.

© «Новое время»

■ Меня всегда возмущали нападки на прессу с обвинениями в необъективности, тенденциозности и прочих грехах. Журнал «Новое время» всегда был для меня верхом достоверной информации. Но вот № 43 за прошлый год. Как жалко стало вашего корреспондента Н. Калинин, который чуть не погиб, добывая материал по Карабаху! Но когда увидел фотографию «бронетранспортера», которым азербайджанцы «вооружают» армян, понял, как разжигает пресса межнациональные конфликты.

На фотографии не бронетранспортер, а обыкновенный тягач, которым «вооружены» все нефтедобытчики Севера, геологи. У тягача не только вооружения, брони нет. Так что я теперь не удивлюсь, увидев велосипед с ракетными «земля-земля» или инвалидную коляску с пушкой. Видимо, для вашего журнала все это пустяки.

Е. Нижнев
Серпухов

■ Автор материала «Команданте и другие» (№ 44/91) утверждает, что сегодня на Кубе «досыта не ест даже «гуахино» — кубинский кре-

стьянин, традиционно кормивший страну».

Сегодня вообще мало кто ест досыта, тем более что сытость — понятие растяжимое. Но Куба никогда не была традиционно крестьянской страной. В период испанского колониализма вся земля была в руках у плантаторов, а на плантациях работали рабы. В период неоконизации американские монополии насадили в стране латифундии, на которых работали те же рабы: после изгнания испанских колонизаторов крестьяне землю не получили, американскому капиталу было выгодно превратить их в пролетариев. В 20-е годы янки согнали крестьян с земли — для этого действовала вооруженная до зубов сельская жандармерия.

Только после победы революции за крестьянами закрепили право на землю. В 1987 году экономическая комиссия при ООН после изучения документа «О ликвидации сельской нищеты на Кубе» рекомендовала опыт Кубы другим латиноамериканским странам, включая и Чили, об успехах которой так много сегодня пишут.

До революции только 8 процентов населения имело доступ к медицинскому обслуживанию, в сельской местности был единственный госпиталь на всю страну.

Зоя Соколова
Москва

■ Скоро десять лет как я на пенсии по старости. Работала на тяжелой и грязной работе в душном, темном цехе. Чтобы выполнить план, заставляли работать по десять часов в день почти без выходных. По тем временам зарабатывала неплохо — 120–150 рублей в месяц. На «черный день» откладывала деньги в сберкассе. Думала, в старости буду жить без нужды. Но не тут-то было. Прошла павловская реформа, и вклад мой практически обесценился. Выходит, работать заставляли задаром. Такова не только моя судьба, но и всех ветеранов труда. У нас отняли деньги, честно заработанные в течение всей жизни.

За что нас так обидели?

Нина Ладьянина
Краснодар

Многим «оборонщикам» стыдно...

■ До сих пор, несмотря на многочисленные заявления политиков, наша оборонная политика не перестроена рациональным образом. Кстати, «рациональность» куда более четкий критерий, нежели «оборонная достаточность». Переход к «оборонной достаточности» подразумевает, что ранее мы совершили ошибку, создав «избыточный» военный потенциал. В этом есть доля правды, но это не вся правда. Правда также и в том, что многие шаги, предпринятые ранее нашей страной в области обороны, лишены всякого рационального обоснования (включая усиление военной мощи). Самый яркий пример — система противоракетной обороны Москвы. Такого рода ошибки гораздо лучше характеризовать термином «иррациональность оборонной политики».

О какой рациональности может идти речь, если до сих пор мы ежегодно выводим на орбиту около 70 космических аппаратов, в большинстве военного назначения? Реальная потребность вряд ли больше десятка в год. Если мы до сих пор не демонтируем систему ПРО Москвы, абсолютно бессмысленную в военном отношении и весьма обременительную

экономически? Если мы (по американским данным) занимаемся одновременно модернизацией доброго десятка носителей стратегического ядерного оружия? Чего стоит одна лишь история с «Энергией» и «Бураном»!

Работают на оборонке (как и везде) разные люди. Популярная шутка среди моих коллег: для того чтобы получить 416 рублей 66 копеек (размер обычной для нас премии), достаточно истратить 10 миллионов рублей из оборонного бюджета. К сожалению, есть люди, для которых это не шутка, а руководящий жизненный принцип. Но не все таковы. Многие из «оборонщиков» испытывают стыд за нерационально потраченные сотни миллиардов рублей, за разоренную страну.

Дело военных историков разобраться в причинах этих растрат. Подозреваю, что правильный ответ будет не так прост: здесь и синдром 1941 года, и неопытность (история совершается лишь один раз), и эгоизм ведомств, и многое другое.

Откуда мы могли знать, что число типов носителей стратегического ядерного оружия до-

Бронетранспортер — не пустяк

Разумно ли аморальное?

Ярлык для сионизма

■ В № 38 вы поместили рекламу своего журнала, снабдив ее сексуальными рисунками. Не кажется ли вам, что это нравственная нечистоплотность? Испокон веков интимные отношения между людьми разного пола были сокровенной тайной. То, что вы делаете, аморально. Да и разумно ли? Неужели нас, читателей, вы рассматриваете как потребительскую корзину, куда можно отправлять все что вздумается?

Ненавижу аморальность и безнравственность. Прерываю свою многолетнюю подписку на «НВ». Раньше считал, что цели вашего еженедельника более благородные.

А. Коплев
Москва

■ Согласен с основными положениями материала Д. Згерского «Легенды о сионизме» (№ 40/91).

Целью сионизма было вернуть еврейскому народу родину, покончить с его положением вечного изгнанника.

Простая и ясная цель. Но даже самую благородную цель можно опорочить, используя проверенный метод навешивания ярлыков: сионизм — крайне реакционная идеология, оголтелый шовинизм, расизм. Ах как охотно подхватили эти бредни наши отечественные фашисты.

Когда еврейское государство было возрождено, большинство исламских стран и весь арабский мир не признали право Израиля на существование. Среди 23 арабских государств с их монархиями, диктатурами и тоталитарными режимами демократический Израиль выглядел белой вороной. Потерпев неудачу в вооруженной борьбе с Израилем, арабские страны решили публично осудить сионизм как идеологию и тем самым унижить это государство перед всем миром, а антисемитам дать почву для новых инсинуаций. И они добились своей цели. Произошло это не в недрах геббельсовского ведомства, а в самой уважаемой международной организации — ООН. В ноябре 1975 года XXX сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла 72 голосами резолюцию, осуждающую сионизм как форму расизма. Советский Союз (3 голоса) сыграл здесь не последнюю роль. Почему так произошло? После арабо-израильской войны 1973 года арабы ввели в действие свое главное оружие — нефтяной шантаж. На 1 января 1976 года в

Рисунок Виктора Богорада

ООН состояли 144 государства. Кто же голосовал «за»? Эти страны можно разбить на три группы. К первой относятся 23 арабских государства и 15 мусульманских и полумусульманских государств Азии и Африки. Во многих странах Африки наряду с обычными традицион-

ными верованиями исповедуется и ислам — большими группами населения, оказывающими влияние на государственную политику. К этой группе следует отнести шесть африканских стран, которые по настоянию Организации африканского единства и из-за шантажа арабских государств порвали в 1973 году дипломатические отношения с Израилем.

Вторая группа — это более 20 стран, входивших в так называемый социалистический лагерь. Третья — государства, полностью зависящие от арабской нефти.

Еще в декабре 1989 года вице-президент США Дэн Куэйл обратился к советскому правительству с предложением поднять в Генеральной Ассамблее ООН вопрос об отмене постыдной антисионистской резолюции. Ответ был туманным и неопределенным. Понадобился августовский путч, чтобы Советский Союз восстановил дипломатические отношения с Израилем. Отменена и резолюция 1975 года. Не слишком ли много времени понадобилось для осознания очевидного?

А. Кинопв
Харьков

Подборку подготовила Т. Чернова

стигло в СССР 27! Сейчас мы это знаем из американских публикаций.

Необходимо контролировать военные расходы по сотням отдельных позиций, нужны сотни экспертиз работ и расходов по отдельным позициям. Необходим мощный механизм контроля при Верховном Совете. Механизм этот создается крайне медленно, да и вряд ли его можно создать в атмосфере безудержных эмоций и презрения к сухим «бухгалтерским» аргументам.

Так следует ли нам сейчас возобновить испытания ядерного оружия?

Если мы их не возобновим, то рискуем потерей квалификации разработчиков, снижением надежности ядерных арсеналов. Если же мы их возобновим, то откроем «запорный кран» гонки вооружений: министерство общего машиностроения оснастит новыми зарядами свои новые носители, США среагируют на угрозу и так далее. Существует типичная ситуация цейтнота: пока Верховный Совет тратит время и силы на дразги (а мы, кстати сказать, никогда не видели в Арзамасе-16 членов комиссии Верховного Совета по обороне и безопасности, они могли бы многое узнать и о проблемах обороны, и о проблемах конверсии

в одном отдельно взятом закрытом городе), институты минатомэнергопрома деградировали. Да, эти институты следует конвертировать на 70 процентов и частично приватизировать, следует открыть альтернативные мирные производства в закрытых городах (в нашем городе вопрос об этом поставлен 20 лет назад и до сих пор не сдвинулся с мертвой точки), но нельзя же просто повернуть стоп-кран и оставить эти организации в состоянии деградации.

Ядерные испытания сейчас возобновлять нельзя — слишком велики связанные с этим опасности. Возможно, их следует возобновить на низком уровне (4–6 испытаний в год) после того, как наша оборонная политика станет наконец рациональной. И эти 4–6 испытаний должны будут иметь своей целью подготовку почвы для полного и бессрочного запрещения всех ядерных испытаний во всем мире. Впрочем, немедленный двусторонний запрет испытаний тоже был бы отличным выходом.

Евгений Домиловский,
кандидат физико-математических наук
Арзамас

Призрачная прозрачность

Рисунок Игоря Шейна

Векселя, выданные лидерами республик в Минске, девальвируются все больше и больше. Что это — неизбежная реальность или неосмотрительность республик? Оптимистов — и на Западе, и у нас — становится все меньше

Марина Шакина

Предновогодняя встреча 11-ти в Минске показала: эйфория по поводу СНГ была преждевременной. Бывшие республики бывшего Союза с традиционной охотой и готовностью создают бюрократические структуры, но решительно не готовы поступиться ни пядью собственных интересов. Выражаясь бытовым языком, каждая в основном тянет «одеяло на себя», не особенно заботясь о том, что оно может и порваться. Документы, появившиеся в Минске 30 декабря, обтекаемы и беспомощны, расхождения углубляются. Первоначальные беловежские декларации были откорректированы уже не один раз — в пользу эгоцентризма республик.

По поводу будущего СНГ существуют в основном два прогноза. Первый: СНГ — это цивилизованная форма развода бывших республик Союза. «Домостроевский» брак заменен свободным, однако стороны все равно смотрят на сторону, хотя еще по осознанной необходимости в силу многолетних и запутанных отношений ведут общее хозяйство. Второй: СНГ — переходный этап к возрождению имперского центра. Именно этот вариант постоянно мерещится независимым парламентам, заставляя их при ратификации вытравлять и тень «имперскости» из документов. Известен и еще один — наверное, оторванный от жизни и прекраснотушный — взгляд на Содружество. Некоторые ученые надеялись, что оно создаст новое, да-да, представьте, невиданное качество сосуществования и взаимодействия независимых государств, достойное внимания всего мира. Ох уж эти ученые в своих башнях из слоновой кости!..

Да, конечно, республики по идее вольны делать то, что им заблагорассудится, в том числе и игнорировать собственные интересы. Они никому ничем не обязаны. Но не даром говорится: моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Независимость на самом деле — в осознании меры своей зависимости от других.

Вот офицеров поделим...

Неудивительно, если последняя минская встреча даст аналитикам повод утверждать: точно так же, как народы бывшего СССР мало готовы к демократии, так и целевые республики мало готовы к цивилизованному сотрудничеству. Но и ту и другую готовность невозможно мановением руки сотворить из воздуха. Очевидно, СНГ и есть тот самый противоречивый, временами непоследовательный и результативный лишь в долговременной перспективе путь к взаимодействию и — чем черт не шутит! — совместному процветанию. Главное все-таки в том, что это путь, никем не навязанный и предоставляющий возможность приобретения опять-таки никем не навязываемого опыта. Это возможность самим заваривать кашу и самим ее расхлебывать, набивать шишки исключительно

по собственной воле и поэтому каждую шишку ценить на вес золота.

Республики сегодня явно заняты смакованием вкуса независимости, испытывая «глубокое удовлетворение» от исчезновения бывшего центра. И еще не успели ощутить горький привкус ответственности за все происходящее на их территории, невозможности кивать на «дядю из Кремля». Пожалуй, исключением является только Грузия, в которой политики, приведшие республику к независимости, сегодня выясняют отношения с помощью оружия и рассчитывать могут только на себя. Как они порешат, так и будет — либо кровавая бойня, либо национальное согласие через компромисс и трудные переговоры.

Беловежские договоренности поначалу порадовали двумя главными достижениями — сохранением финансово-денежного и военного пространства. Однако сегодня выясняется, что победные реляции были преждевременными — и то и другое достаточно условно. Украина вводит на своей территории купоны на покупку продовольствия, то же самое готовится сделать Беларусь. Не одна республика уже разместила за границей заказ на печатание собственной валюты. Российское руководство тоже прорабатывает вариант с собственной валютой и защитой российского рынка. Кстати, прозрачность границ в этом контексте сильно замутняется — там, где, очевидно, все же будут процветать. Как гласит один из последних указов Ельцина, за вывоз товара с территории Российской Федерации без лицензии с предпринимателей будет взиматься в пользу казны штраф в триста процентов. Значит, все-таки схема такова: создаем барьеры, чтобы затем их самоотверженно преодолевать.

По поводу армии было объявлено, что ядерные стратегические силы, военно-воздушный флот, военно-морской флот останутся объединенными. Долго «висела в воздухе» ядерная кнопка, пока окончательно не перешла к президенту России. Настойчивость Запада, очевидно, сыграла свою роль — Бейкеру удалось уговорить даже самых независимых. Однако флот придется делить, причем самое удивительное — не только снаряжение и технику, но и людей, как каких-то рабов разделим между республиками. Так что советский офицер, которого по традиции каждые несколько лет переводили служить из тайги на Кушку, из Восточной Европы на Чукотку, однажды, проснувшись утром, может с изумлением узнать, что вошел в национальную армию, скажем, Азербайджана.

Рисунок Виктора Богорада

Что ни говорите, а военные вправе упрекнуть наших политиков по меньшей мере в бесцеремонности, а по большей — в безголовости. Вывод войск из Восточной Европы ничему не научил наших политиков. Не сеем ли мы ветер?

Объединения по интересам

Бывшие союзные республики разбрелись. В России РКП и КПСС запрещены, а в Таджикистане недавно реабилитирована коммунистическая партия. В Узбекистане выпущены на свободу обвиняемые по шумевшим «хлопковым» делам. Пересматривается дело Адылова — Героя Социалистического Труда, председателя колхоза, обвиненного в свое время в коррупции, превышении власти и самоуправстве. Республики Средней Азии заявили, что у них пока не созрели условия для приватизации. Давно пришло время взглянуть правде в глаза и сказать о том, что в ближайшее время бывшие республики СССР и политически тоже станут весьма неоднородными. Не исключено, что членами Содружества станут коммунистические диктатуры, парламентские, президентские и исламские республики, авторитарные режимы. До объединения в 1922 году республики прошли разный путь, и это неизбежно выявляется сегодня, когда время буквально смелод все, что было «надстроено» в жизни народов в последние семьдесят лет. Полная же независимость, которую неустанно подчеркивают лидеры республик — членов СНГ, будет благоприятствовать усилению политических различий. Установка на своеобразие пока превышает осознание необходимости «притираться» друг к другу. Оставляет ли это хоть какие-то шансы цивилизованному сотрудничеству? Скорее, это соз-

дает предпосылки для разнородного и неравномерного сообщества республик. И это проявилось уже сейчас: документы Содружества представляют из себя некие «объединения по интересам», особенно, кажется, ни к чему и не обязывающие.

Пока рабочие органы Содружества не созданы и даже пока не ясно, в каких именно общих институтах есть нужда, СНГ вряд ли сможет эффективно влиять на внешнюю и внутреннюю политику своих членов, хотя координация внешней политики также предусмотрена в совместных декларациях. Республики становятся полными хозяевами на своей территории, а в некоторых случаях это не будет способствовать внутренней стабильности. Все проблемы республик становятся их внутренними делами, в которые не вправе вмешиваться никто. Карабах — прерогатива Азербайджана, Приднестровье — внутреннее дело Молдовы. И так далее. Раньше центр означал хотя бы слабую призрачную надежду для национальных меньшинств в республиках. Сегодня нет и этой надежды. Раньше и республики в случаях межэтнических или внутриполитических конфликтов могли апеллировать к центру. Теперь такого нет и, очевидно, не будет никогда. Если вспомнить кровавые межнациональные столкновения времен перестройки — Сумгаит, Фергана, Ош... Кто сегодня гарантирует народам безопасность? Пока никто не дал ответа. А исключить возможность повторения этих событий нельзя.

Сами республики на первых порах обрадуются, почувствовав, что у них развязаны руки и никто не мешает наводить порядок так, как они считают нужным. Но цивилизованное, именно цивилизованное решение внутренних проблем — теперь исключительно их нелегкая задача. Решенная неверно, она подложит бомбу под стабильность республики, законсервирует исторические обиды, которые, как показывает жизнь, никогда не забываются и периодически возвращаются в политический оборот. Кроме того, неправильно решенная внутриполитическая проблема способна сильно подпортить и внешний образ страны.

Республики пребывают в блаженном младенческом себялюбии, но не будем их упрекать, а лучше посочувствуем — эта пора долго не затянется. Хотя, может быть, больше стоит посочувствовать нам — бывшему населению бывшего СССР...

Военный совет Грузии, сформированный лидерами штурмующей Дом правительства оппозиции, объявил Звиада Гамсахурдия узурпатором и диктатором. Президент Грузии не остался в долгу, назвав своих противников хунтой. Оппозиция объявила комендантский час, а Гамсахурдия — всеобщую мобилизацию. Классическое двоевластие и классические условия для начала гражданской войны. Сегодня от полномасштабной гражданской войны Грузии может спасти либо индифферентность населения — жители столицы наглядно продемонстрировали ее в дни боев вокруг Дома правительства, — тогда ни из комендантского часа, ни из мобилизации ничего не получится, так как не удастся полностью расколоть общество по типу «сторонники президента — сторонники оппозиции». Или благоразумие тех, кто сегодня творит в республике, так сказать, большую политику, хотя надежды на это тают с каждым днем.

Что предлагает оппозиция кроме смещения Гамсахурдия? На что рассчитывает сам президент?

Александр Соколов,
член совета правозащитного центра «Мемориал»

Продолжаются бои у Дома правительства в столице Грузии. Периодические контратаки засевших в здании сторонников Гамсахурдия наносят чувствительные удары по восставшим. Также наносят серьезный урон прячущиеся в различных домах центра города снайперы из охраны Гамсахурдия и генерала Дудаева. Число активных сторонников президента не превышает во всей грузинской столице десятка тысяч, и попытки их отдельных групп прорваться в центр пока пресекаются. Основную часть жителей грузинской столицы больше беспокоит идущая в России либерализация цен, которая не может не изменить экономическую ситуацию в Грузии.

Люди с ружьем

Президент настаивает на том, что оппозиция его режиму может быть только парламентская, а внепарламентской оппозиции не существует. Последние полгода президент утверждает, что его противники не оппозиция, а только криминальные элементы. Раньше Гамсахурдия называл их в зависимости от обстановки абхазскими, осетинскими, турецкими агентами и вне зависимости от нее «агентами Кремля». Существование сильной внепарламентской оппозиции объясняется тем, что некоторые партии бойкотировали выборы, устроенные еще во времена коммунистов.

Час оппозиции

По решению руководителей восстания в городе отключены телефоны, спутниковая связь, замолчали радио и телевидение. Грузия узнает вчерашние новости обходными путями — уже было несколько слухов о бегстве президента или его смерти. Последнюю возможность исключить не приходится — недаром политическая оппозиция не раз бросала Гамсахурдия в лицо имя румынского диктатора — Чаушеску.

Политическая оппозиция, вынесшая на своих плечах большую часть сопротивления режиму Гамсахурдия и в сентябре выдвинувшая требование его отставки, официально заявляет о своей приверженности только мирному пути разрешения конфликта, однако не скрывает своей симпатии к восставшим гвардейцам.

В лагере противников президента нет единства. Помимо обычных политических неурядиц среди полсотни партий, между радикалами, вошедшими в альтернативный парламенту Национальный конгресс, и умеренными, в него не вошедшими, обозначаются две серьезные течения. Оппозиционные партии не желают приходить к власти путем открытого насилия и тем самым не желают открыть длинную историю военных переворотов в республике. К тому же в случае удачного исхода отобрать оружие у гвардейцев Китовани либо вывести их из-под его контроля будет практически невозможно. Эти соображения в сентябре оттолкнули оппозицию от

прямого союза с мятежной гвардией. Сегодня это не может не беспокоить играющего ва-банк Китовани.

Второе противоречие политическое. Объединенная Национальным конгрессом оппозиция всегда непримиримо относилась к пребыванию Грузии в составе СССР. Все ее крупные партии возглавлялись бывшими грузинскими диссидентами, успешными отсидеть свой срок еще при коммунистах. Их имена были легендами в Грузии — Тамрико Чхеидзе, в начале 80-х ее называли Жанной д'Арк грузинского освободительного движения, Георгий Чантурия, не выходявший из карцера за отказ вставать при входе лагерного начальства, лидер молодежи Ираклий Церетели. Все они считают, что президент Гамсахурдия на самом деле предал идею национальной независимости и не хочет вырвать Грузию из состава империи. Для этих людей отказ от выстраданной идеи необычайно тяжел, хотя даже их ближайшие сторонники признают, что сегодняшняя экономика Грузии развалена и целиком зависит от северного соседа. Обретение независимости без поддержки России по последствиям близко к самоубийству и поэтому следующим шагом после получения независимости должно быть заключение экономического союза с северным соседом.

Четвертая сила нейтральна. Пока...

Возникновение на месте СССР Содружества независимых государств и

участие грузинских официальных наблюдателей в переговорах воспринимались радикальной политической оппозицией как прелюдия к открытому вхождению в возрождаемый Союз. Попытка Звиада Гамсахурдия в период боев обменять свое согласие на участие в СНГ на помощь войск бывшего Союза только подтвердила старое отношение к президенту как к «предателю национального движения».

Для бывшего премьер-министра и профессионального экономиста Тенгиза Сигуа, заключившего тесный союз с Китовани, каждый день самоизоляции Грузии воспринимается как новый удар по экономике. И потому он настроен в отношении Содружества более позитивно.

В последние дни возникли дополнительные факторы, усиливающие политическую оппозицию. «Законное» освобождение Георгия Чантурия и других политзаключенных администрацией следственного изолятора бывшего КГБ увеличивает способность оппозиции к самостоятельным действиям. Освобожденный вместе с Чантурией лидер разгромленной Гамсахурдия и советской армией военизированной организации «Мхедриони» Джаба Иоселиани горит желанием засадить Гамсахурдия в свою бывшую камеру. Со своими сторонниками он становится противовесом «малиновым беретам» Китовани.

Четвертой силой в Тбилиси, которая пока не вмешивается в конфликт, являются войска Закавказского военного округа. В течение всех последних четырех лет они были объектом атак со стороны национального движения. Семьи военнослужащих подвергались нападениям, офицеры боялись появляться в форме за пределами части. Не прекращались митинги радикальной оппозиции у ворот военных частей. Президент же обращался за помощью к армии для борьбы со своими противниками и требовал вывода советских войск только из района грузинско-осетинского конфликта. Правда, говорить о симпатиях армии к Гамсахурдия не приходится. Пока армия соблюдает нейтралитет и не желает ввязываться в бой, хотя в различных частях города происходят нападения на военнослужащих, есть раненые, различные группы пытаются захватить оружие. Однако терпение военных ограничено и, по словам одного из офицеров, в штабе округа обсуждались возможности военного вмешательства. На чьей стороне может оказаться армия, осталось неизвестным. Возможно, это даже не определено, во всяком случае обе стороны обращались к российскому руководству за помощью.

Перестрелка не прекращается, но ряды защитников президента редуют с каждым днём

Цены свободны. Свобода ценна

Реформы, объявленные несколько лет назад, наконец стартовали. Потребитель пока ничего определенного не ощутил

Второго января ждали — с опаской, надеждой и любопытством. Что будет? Некоторые экономисты категорически отказывались пророчествовать и исполнять вариации на тему «после второго января» — слишком много неизвестных. Кто-то вспоминал, что в голодной и разрушенной стране на следующий же день после провозглашения нэпа полки в магазинах ломались от товаров. Ходили слухи о забитых до отказа подсобках магазинов и складах предприятий — в ожидании долгожданной свободы цен. Первый вице-премьер правительства России обещал, что первые несколько месяцев мы будем ходить в магазины как в музеи и выставочные залы. Народ уже, кажется, подготовился к культпоходам в торговлю — хоть глаз порадовать!.. Но второго января никакого преобразования страны не произошло.

Формула «на следующий день они проснулись, а в магазинах всего полно, но по бешеным ценам» не оправдалась — как не было ничего, так и нет. Вполне возможно, что и для правительства ничем не нарушаемая гармония пустоты на прилавках стала откровением. Теперь задача правительства и близких к нему экономистов объяснить нам почему? Хотя ответ достаточно очевиден: откуда взяться изобилию при либерализации цен в условиях спада производства? Пока не найдены стимулы для производителя, для капитальных вложений, для приобретения собственности, главным интересом наших бизнесменов останется — сорвать куш, поделить и разбежаться. Пока не продуманы система налогов и налоговая инспекция, процедура банкротства, контроль за эмиссией, нашим предприятиям будет выгодно производить товары для узкого круга — для тех, кто в состоянии выложить полторы тысячи за килограмм ветчины и шесть тысяч за женские сапожки.

Второго января мы поняли: либерализация цен сегодня — лишь декларация, и именно этим она сегодня и ценна. Это лишь ничем физически не подкрепленный протокол

о намерениях, это символ — для кого-то ужасающий, для кого-то долгожданный — рыночной экономики. Второго января мы поняли: либерализация цен, как и всякая свобода, самоценна, даже когда нет условий для ее реализации, — в этом, очевидно, и был главный смысл столь долго оттягиваемого шага правительства России. В нашей стране освобождение цен — понятие духовное, а не коммерческое. По крайней мере пока.

Что нас ждет дальше? Никто из российских министров пока не угадал. Может быть, западные эксперты будут удачливее? Мы обратились к трем солидным экономистам из стран «давно победившего капитализма» с просьбой высказать свою точку зрения.

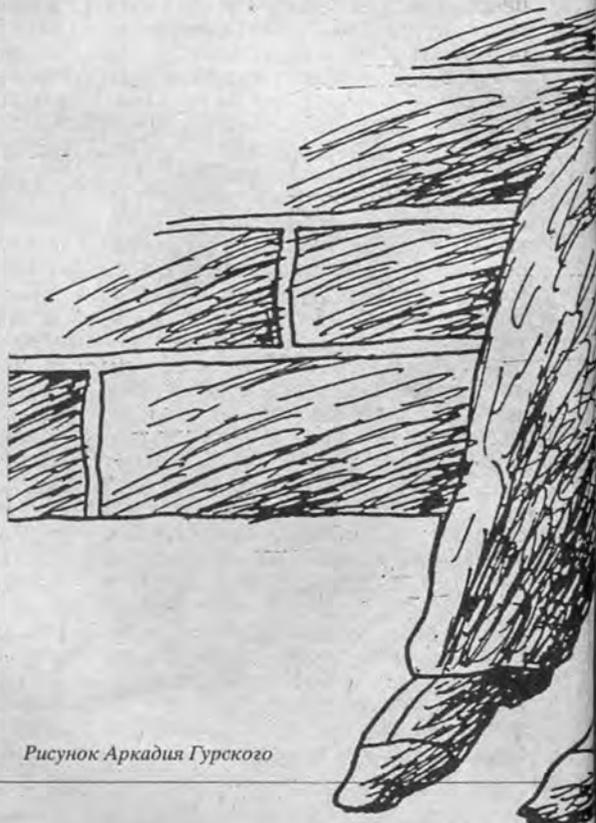

Рисунок Аркадия Гурского

Удар по «распределительной» мафии

Эмилио Онтиверос, ведущий специалист Автономного университета Мадрида, эксперт частной исследовательской группы «Международные финансовые аналитики» (Испания):

Либерализация цен в России является собой крупный шаг в направлении к рыночной экономике. Но следует учесть, что последствия такого решения могут быть самыми противоречивыми в случае, если оно не будет сопровождаться другими реформами, главным образом

в области реорганизации системы производства. Иными словами, либерализация цен без гарантии условий конкуренции в производстве и распределении может привести исключительно к скачку инфляции и соответственно к новому повышению цен.

На ближайшую перспективу просматривается, видимо, следующий вариант развития ситуации:

1. Сильное повышение цен, и это логично.
2. Если при этом не будут расти денежные доходы потребителей и расширяться ассортимент товаров на прилавках, станет труднее избежать обострения и без того существенной социальной напряженности.
3. Благоприятным следствием может стать постепенное исчезновение «распределительной» мафии, существующей за счет разницы между государственными и рыночными ценами.

В долгосрочном плане негативные последствия могут проявляться из-за отсутствия должной

синхронности в процессах экономической либерализации в каждом независимом государстве, образующем СНГ. Прежде всего это касается России и Украины. Нельзя исключать, что договоренность о рубле как общей валюте нового союза будет все чаще подвергаться сомнению. Кроме того, между Москвой и Киевом возможно усиление споров, связанных со значительной разницей в ценах на одни и те же виды товаров и услуг. И все это на фоне намерений Кравчука противостоять росту цен на Украине — сначала с помощью купонной системы, а затем путем выпуска национальной валюты.

Ну и как результат — более высокие цены в России будут стимулировать украинцев к вывозу товаров и продовольствия в российские земли. Правда, для этого им придется каким-то образом преодолеть таможенный контроль на границе.

Обещанного два года ждут?

Доктор Эберхард Шнайдер, Федеральный институт по исследованию стран Восточной Европы и международных проблем (ФРГ):

Освобождение цен приведет к их стремительному росту в два-три раза, что, впрочем, естественно. Продукты и товары появятся, но их будет все равно немного. Конечно, возникнет социальная напряженность, несмотря на то, что обещано контролировать цены на некоторые основные продукты питания. Та часть населения, которая уже сейчас находится за чертой прожиточного минимума, окажется просто в нищете.

Необходимо, чтобы вслед за ценами поднялась и зарплата, ибо нужно наконец платить каждому столько, сколько он заработал, что, собственно, и предусматривается реформой Ельцина. Все свои претензии люди по-прежнему будут адресовать государству — оно должно дать нам то-то и то-то, обеспечить тем-то и тем-то. Я не исключаю, что дело дойдет до демонстраций у Белого дома с требованием отставки Ельцина.

Уже сегодня звучат голоса: обещания выправить положение к осени 1992 года нереальны. Если все пойдет как задумано, то реальное улучшение ситуации может начаться года через два. Но именно это время политически и окажется самым опасным. Однако если не удастся обеспечить минимум снабжения населения продуктами — прежде всего в крупных городах, то могут начаться голодные бунты, которые, естественно, постараются использовать в собственных целях вполне определенные политические силы. Инсценировать новый путч они не станут, а будут просто выжидать, когда подоспел их время.

Время «большого взрыва»

Даниель Тархюс, председатель внешнеполитической комиссии шведского парламента, эксперт по вопросам рынка и государственным финансам (Швеция):

Цены в республиках СНГ давно следовало «выпустить на свободу». Пока их искусственно занижали, экономика не могла нормально функционировать. Среди за-

падных специалистов, правда, вызывало удивление, что заранее и задолго было объявлено о деталях реформы. В результате товары попросту приерживались на складах в расчете на повышенные прибыли от продажи по новым ценам.

Однако решение по ценам — не панацея. Срочно нужны и другие меры. Например, необходимо устранить дефицит госбюджета, сбалансировать денежное обращение. Со временем люди осознают, что не правительство теперь устанавливает цены — они сами устанавливаются в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке. Цены повышаются или понижаются не по вине правительств, а в зависимости от состояния хозяйства страны. В Польше тоже произошел «большой взрыв», когда там отпустили цены. Затем наступили благоприятные перемены в экономике, правда, далеко не все ожидания на сей счет оправдались.

Во избежание неясности подчеркнем основополагающее обстоятельство: в России нет денег для датирования заниженных цен. Кто бы ни находился сегодня у руля, госбюджет лопнул бы при попытке продлить начавшуюся год-два назад агонию старой ценовой системы. Самое главное сейчас — дать живи-

тельные импульсы деятельности мелких субъектов рынка, как удалось сделать в Польше. Это приведет к резкому повышению деловой активности. Трудности в России очевидны — излишняя централизация хозяйственных связей, гигантизм и монополизм. Поэтому и в торговле, и в промышленности неизбежно дробление, если не насильственное деление крупных объединений и трестов, которые сейчас стоят на грани коллапса.

Во внешней торговле повысится гибкость экспортных операций, а структура импорта изменится в пользу закупок необходимых населению товаров. Но остается нерешенным очень важный вопрос — система платежей и иных расчетов с зарубежными партнерами. Сейчас платежеспособность республик бывшего СССР практически на нуле, а их валютные резервы исчерпаны. Возрождение эффективной системы расчетов — задача как для новых властей республик, так и для Запада, который обязан оказать серьезную помощь. Западу, пожалуй, на нынешнем этапе разумно сконцентрировать усилия на трех направлениях: передаче опыта, гуманитарной помощи, сотрудничестве в организации нормальной внешней торговли.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Служба изучения общественного мнения ВР
Руководитель — профессор Борис Грушин

Дело непривычное

Что является главным тормозом частнопредпринимательской деятельности (в процентах к общему числу опрошенных)?

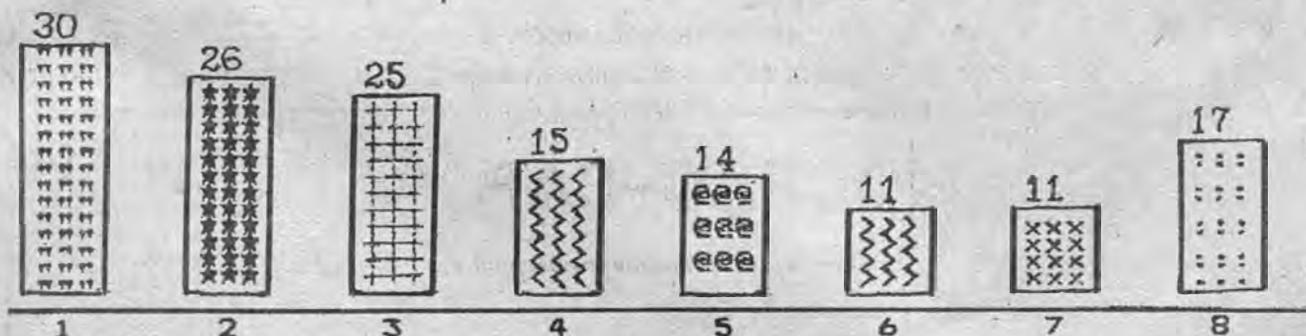
- 1 — неготовность, неумение людей заниматься новым, непривычным делом,
- 2 — отсутствие материальной базы для частного производства,
- 3 — отсутствие законодательства, гарантирующего предпринимателям настоящие права и защиту,

- 4 — нерешительность, косность местных властей,
- 5 — саботаж высших государственных чиновников,
- 6 — нежелание масс отказаться от привычных, традиционных форм жизни,
- 7 — зависть, рэкет, угрозы по отношению к предпринимателям,
- 8 — затруднились ответить.

Результаты репрезентативного опроса 1995 россиян, проведен-

ного в конце минувшего года, дают представление о реальных трудностях, с которыми сталкивается сегодня наше общество в ходе осуществления экономических реформ. Нельзя не видеть, что главной названа неготовность (плюс нежелание) масс идти по пути, предложенному лидерами России.

В середине прошлого года, когда лидеры общественного мнения страны выдвинули лозунг экономических реформ, Служба ВР уже обращала внимание на первостепенное значение этого фактора. Делает ли правительство какие-либо выводы из этого, вносит ли необходимые поправки в стратегию реализации своих программ? Это сегодня вопрос вопросов.

Отправляясь в дальнее путешествие в пустынные и неисследованные места, готовясь к штурму горных вершин, организуя геологические экспедиции или разработки в удаленных и труднодоступных районах, снаряжая в рейс самолеты или вертолеты, не забудьте обезопасить себя и своих спутников от неожиданностей и случайностей — обязательно предусмотрите в составе самого необходимого снаряжения малогабаритный переносной

АВАРИЙНЫЙ РАДИОМАЯК АРБ-406

В комплекте с другими техническими средствами международной спутниковой системы поиска и спасения аварийных объектов **КОСПАС-САРСАТ** радиомаяк.

ОБЕСПЕЧИТ передачу сигнала бедствия на частоте международного спутникового радиоканала,
ПОЗВОЛИТ определить координаты объекта, терпящего бедствие, в любой точке земли,
ДАСТ ВОЗМОЖНОСТЬ обеспечить точное наведение спасательных средств по радиомаяку ближнего привода.
С учетом специфики пользователей выпускаются различные типы радиомаяков.

АРБ-ПК — это миниатюрные габариты и вес.

АРБ-ПК10 — это улучшенная герметизация и повышенная морозоустойчивость.

АРБ-ПК1 — это повышенная точность определения местонахождения и улучшенные сервисные возможности.

Все типы выпускаемых радиомаяков имеют международный сертификат системы.

КОСПАС-САРСАТ

Подробную информацию и оформление заказа на поставку обеспечит изготовитель —
Ярославский радиозавод
Адрес: 150010, г. Ярославль, Индустриальная ул., 13.
Телефоны: 29-90-03, 29-90-19.
Телекс: 217129 «ТОРМОЗ»

Зомби и сыновья

(из коллекции любителя детективов)

Есть что-то символическое в том, что все они сбились в кучу на крыльце-паперти Музея В.И.Ленина. Хотя отношение к самому обитателю музейного храма у них иногда вроде бы прямо противоположное.

В пачках и кипах лежат на гранитных станинах крыльчатого спуска красного дома (бывшей Московской городской думы) газеты и листки разных направлений. Ветер треплет верхние страницы, а за подручным каменным прилавком слаженной шеренгой трудятся газетные продавцы.

День субботний, и от плывущей в сторону соседнего метро публики нет отбоя. Кому не интересно собственными глазами глянуть, как идет «оборона Красного Дома», о которой наслышались по телевизору. Где тут записываются в «ленинскую цепочку», где стоят пикетчики (а кое-кто с самодельным плакатом топчется по углам и теперь!), как жертвуют деньги, о чем дискутируют, а заодно — что это там распродают с каменного парапета? Люди в большинстве усталые, неприкаянные, одуревшие от бессмысленных блужданий по пустым магазинам, отчаявшиеся. Они хотят понять, как же все до этого дошло, докатилось? Они ищут ответа. И им вроде бы предлагают его готовеньким. Так, в базарной суеде попугай тащит для вас счастливый билет из шапки. Тут тоже все сразу — «святое место», торжище, ярмарка.

И люди раскошелливаются. Бойко тают газетные пачки. Каждый из продавцов торгует своим, но дело незаметно вершится общее, артельное. Да и названия газет и листовок дивным образом повторяются, они наперечет. Это — «Наша Россия», «Русский вестник», «День», «Молния» и «Что делать?», «Политика»...

Чтобы испробовать вино, не обязательно, как говорят, пить всю бочку. Выделю только одну тему, одно событие, которое собрало на приступках музея разномастную газетную рать последнего ленинского призыва.

Это — незатихающий гул и пересуд голосов вокруг августовского путча, кораблекрушения, после которого сумевшие выплыть и выбрались среди прочего на этот коралловый риф у Красной площади. Ввиду чиновно-фарсовой необычности путча, этих конвульсий агонизирующего коммунистического режима,

обсуждение темы не смолкает и во всей прессе. Но тут оно идет на особо нервическую и яростную ноте.

Результат неудавшегося переворота хорошо известен: сломана партократическая система КПСС. Прекратил существование и прежний Советский Союз. Так что смысл трех августовских дней еще многократно будет взвешен на весах истории. Как же картина исторического поворота рисуется воображению самих потерпевших? И вот тут-то начинается детектив, частично взрастающий на непроясненности до суда всех обстоятельств «дела», загадочности по сю пору некоторых событий и роли иных заглавных фигур, а еще более питаемый судорожной фантазией авторов.

Общий вопль: никакой попытки реакционного переворота не было. Была гениальная провокация, по типу сравнимая разве что с поджогом рейхстага гитлеровцами в 1933 году. Все было на деле ловко срежиссированным «спектаклем, заранее рассчитанным на неудачу». Прикрываясь «псевдопереворотом», так называемые демократы совершили подлинный государственный переворот с целью захвата власти. Еще сравнительно уклончивую статью «А был ли мальчик?» предлагает читателю газета «Политика», издаваемая депутатской группой «Союз». Об этом же с пафосом и гневом рассуждает в ортодоксально коммунистической газете «Наша Россия» (1991, № 17) известный генерал А.Макашов.

Констатируя низкий профессионализм заговорщицкой верхушки ГКЧП, их многие промахи, А.Макашов произносит им и такую укоризну: «В перевороте не были задействованы известные всей стране лидеры КПСС, общественных организаций, армии... Лично я все эти три дня не мог связаться с Язовым. А ведь будь переворот настоящим, он бы сам нашел строптивого и неугомонного А.Макашова».

Эстафету в той же газете принимает, как он отрекомендован, «наш автор» — спецкор «Правды» А.Головенко. Интервью на полосу с ним озаглавлено: «Кому на руку «гениальная провокация». Ответ сводится к накатанной фразеологии, что Б.Ельцин — легальный представитель «нашей алчной, «дикой», ориентированной на Запад доморощенной буржуазии». Истинный задор публикации в другом — в дальнейшем натягивании колокол и струн детективного сюжета.

Члены ГКЧП выглядят тут уже не просто малоквалифицированными профессионалами, заговорщиками-неумехами, но хорошими парнями, которых пора бы «защитить... от той грязи, которой их бездоказательно обливают». Ведь они «фактически... не провели ни одной акции...». А если и были танки на улицах Москвы, не фанерные все же, то ведь они из пушек не палили. А благородные заговорщики, введя комендантский час, «дали возможность проводить митинги, направленные... против себя». Этакие овечки, пошедшие на заклятие во имя неведомой трансцендентной идеи! Полтора десятка номенклатурных камикадзе, самоотверженно пожелавших поменять правительственные кресла и дачи на многоместные камеры «Матросской тишины»!

Впрочем, покров необъяснимой таинственности, окутывающей детективный замысел, снимается в статье А.Маратова «Путч» по канонам Агаты Кристи?. Дескать, сценарий «псевдопутча» готовили «заокеанские авторы». И лепили его за стальными дверями «именно в стиле Агаты Кристи». А сюжетные повороты эта прославленная романистка, как известно, изощряет так, что дурочит доверчивого читателя до последней страницы. Она ловко расставляет сети улик вокруг мнимого преступника, а в результате «все оказывается иначе и убийца совсем не тот». Августовский путч — политическая трагикомедия в трех актах именно такого свойства.

Цитирую: «Итак, как же был построен сценарий «путча»? Провокатор В.Крючков по заданию сверху должен был спровоцировать создание и действия ГКЧП. Получилось. Неопытные «путчисты» должны были допустить ряд ошибок и потерпеть поражение. Тоже вышло... Итогом разгрома «путча» должны были стать разгон КПСС, развал Союза ССР, смена Кабинета министров...» и так далее. «Проделано блестяще».

Но злодей-обольститель, он же присяжный «провокатор» В.Крючков, сам по себе, разумеется, мелкая сошка. Им правит босс покрупнее. Понятно — кто. Акт второй сценария и состоит в том, что с помощью публикаций в прессе и депутатских выступлений выявляется (полностью подтверждающаяся затем) роль «М.Горбачева как постановщика августовского спектакля». Наконец, следует третий, завершающий акт, но состоянию на сегодняшний день пока лишь грядущий: замена М.Горбачева другим лидером, который «еще энергичнее продолжил бы дело М.Горбачева по превращению СССР в полуконию».

Марш «голодных»... по старому мифу?

Фото ТАСС

Запада, не будучи даже формально связанным клятвами верности социалистическому выбору». И если истинные коммунисты-ленинцы не раскусят вовремя эту дьявольскую интригу, то заокеанскому дядюшке Сэму (он же главбосс и разработчик сценария) останется лишь потирать руки от удовольствия...

Лучшая ложь, как известно, соткана из локутов полуправды. Все закоулки августовских событий, повторюсь, осветит судебное разбирательство. В данном же случае истина меньше всего заботит авторов детективного сюжета. Типовая его колода намерено сбита заранее. И побеги, и ответвления этой фабулы легко просматриваются на страницах почти всех изданий — газетных обитателей музейной паперти.

О зловещих «зондеркомандах», неуловимых устроителях серии загадочных самоубийств (Пуго, Кручина, Ахромеев), смертей и бандитских нападений (групповой расстрел

таможенников поста Мядининкай в Литве и другие) ради вспышки августовского властолюбия «демократов» можно прочитать не только в «Нашей России», но и в «национал-патриотическом» еженедельнике «Русский вестник» (1991, № 22).

Если тот же «Русский вестник» (№ 20) публикует письмо арестованного гэкачеписта В. Стародубцева «Никакого отношения к заговору не имел», то родственная по духу газета «День» (№ 22), издание как-никак литературное, печатает подборку стихов «пленного, незаконно арестованного», как сказано в сопроводительном предисловии, поэта А. Лукьянова-Осенева... В руках убийц томятся безвинные пииты!

Накатанный детективный сценарий в духе Агаты Кристи, возможно, был бы и вовсе без сучка и задоринки, когда бы не явная накладка с одним из действующих лиц, которое в изысканно-салонном и слегка герметичном мире романов леди-писатель-

ницы отсутствует за полной своей ненадобностью. В бюрократических же кабинетах с существованием этого персонажа, увы, приходится считаться. Лицо это — народ, десятки и сотни тысяч людей, уличные толпы, которые, собственно, и сорвали путч. Как быть с ними?

Не волнуйтесь! На то здесь есть свои специалисты. Это «газета рабочего движения» «Молния» и «всесоюзное издание Объединенного фронта трудящихся» «Что делать?». В совместном выпуске (№ 26) они вносят весомый вклад в коллективную разработку детективной фабулы.

Публикация называется «Зомби у «Белого дома». Это интервью с неким доктором философских наук доцентом московского педвуза болгариним по национальности Тодором Дичевым, сделавшим недавно на важной международной встрече сенсационное заявление, что «в период с 19 по 23 августа с.г. защитники Белого дома были «зомбирываны», то есть против них была проведена психологическая диверсия».

Сначала о терминах. Вышедших на сей раз, кажется, из сферы научной фантастики. Зомби — это человек, полностью обезволенный, неосознанно живущий под воздействием навязанной ему извне программы поведения. Существуют, оказывается, и психотронные генераторы, «которые в состоянии программировать людей». Так вот Дичев утверждает, что «именно такой аппарат находился 18–19 августа на борту американского крейсера «Белкап», отшвартовавшегося в Варне. С борта крейсера велось направленное психическое воздействие на москвичей. Такой же прибор действовал в Москве во время знаменитого выступления Б.Н. Ельцина на БТРе.

Итак, путч сорвали, оказывается, многотысячные толпы искусственно созданных маньяков, а по-научному — «зомби». Дичеву (а с ним и редакциям газет «рабочего движения» и «Объединенного фронта трудящихся») хорошо известны и те, кто стоял за спиной американского дяди Сэма, нацеливавшего дорогостоящую заграничную аппаратуру на брег Москвы-реки. Это — «единение всемирного сионизма, панамериканизма и пангерманизма, а также религиозный союз: иудаизма, католицизма и пантуркизма. Объединившись вместе, они являются наиболее опасными для нас, славян».

Одним словом, круг замкнулся. На приступках ленинского музея ортодоксы открыто братаются с «национал-патриотами».

Бульварным идеологическим чтивом стараются завлечь публику, приручить умы. С негаснущей надеждой на тоталитарный реванш.

Зомби и сыновья — снова в походе.

Юрий Оклянский

Российская дилемма

Сквозь все бури, терзавшие Россию, сквозь все многоголосые споры, походившие временами на переключку демонов, сквозь все выборы-альтернативы, через которые России и россиянам пришлось пройти, всегда просвечивала одна специфически российская дилемма

Константин Плешаков

Споры вокруг деспотизма, пределов свободы, суверенности личности, социальных доктрин гремели во всех странах, были универсальны, всеобщы — от Огненной Земли до Поморья. Но было одно сугубо российское: кто мы, Восток или Запад? Хороший вопрос для огромной державы, сначала простиравшейся от границ Запада до границ Востока — где? в черной дыре Евразии? — а уже потом задумавшейся.

«Византийцы с поправкой на Азию...»

Уже стали хрестоматийными строки Вознесенского: «... мы — европейцы... с поправкой на Византию... мы — византийцы с поправкой на Азию, мы — азиаты с поправкой на техреволюцию...»

Русь стала складываться на совершеннейшей периферии, вдалеке от цивилизационных центров как Европы, так и Азии, в местах, не приспособленных для великих цивилизаций. В годы этнического детства вопрос о принадлежности не возникал; затем было решено: мы из Византии. Византия и в самом деле, будучи уже на цивилизационном излете, поделилась с Русью первейшими бытийными основами — от религии, которая закладывала всю понятийную сетку, до принципов государственности. Очевидно, дилемма Восток—Запад возникла бы в будущем и перед Византией, которая была «обязанной» Римом. Но Византия при этом была связана с Европой «по-семейному». Россия же долгие века — до Петра — оставалась изолированной как от европейских, так и от азиатских очагов цивилизации — серпом враждебных держав на севере, западе и юге и глухими пространствами Азии на востоке. Естественно было впоследствии предположить,

что в этой изоляции Россия приобрела совершенно своеобразные, самостоятельно-цивилизационные черты.

Петр решил российскую дилемму в духе своей психологии вечного подростка: мы — недоделанная Европа, велью считать нас европейцами. Когда Россия вошла в пору духовной зрелости — в начале прошлого века, начался спор, который длится по сей день.

Многие решали российскую дилемму однозначно в пользу Запада: Россия — европейская окраина. Но что же, черт подери, она так трагически отличается от Европы?

Другие — в пользу Азии. «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...»

Впрочем, поскольку христианство отчасти восточная религия, постольку Россия и восточна. Но вряд ли более.

Было и еще одно решение: Россия — не Европа и не Азия, а нечто своеобразное, «третий путь», самостоятельная цивилизация. Последнее решение было заманчиво, лестно, но вряд ли вполне правильно, потому что Россия все-таки наследовала Византию, которая хотя и «обязалась», но оставалась сестрой Рима. Что, очевидно, не подлежало сомнению — это роль России как посредника между Востоком и Западом, буфера — геополитического и духовного. Вряд ли случайно, что именно в России появился Рерих.

Бытие России как империи привело к тому, что иными стали ее границы по сравнению с серединой XIX века — границы даже не столько политические (это дело легко поправимое, как говорят сегодня республики, и им нужно верить), сколько этнические.

Россия разжималась, как кулачок. От Москвы — во все стороны. Кулачок хватал когда свои, когда чужие, когда ничейные земли. И заселялись новые земли русскими. Русские приходили и оставались, и сегодня они живут там, где прежде и духу их не было. Это Россию изменяло. Русские вкрапливались в другие культуры, как правило, все свое нося с собой, но иногда и переплавлялись в новые общности, которым и имени-то не было. Как, например, назвать живущих в бывшей Новороссии и на Слободской Украине? В Одессе, Николаеве, Севастополе, Донецке?

Россия дошла до Тихого океана, до северных пределов Востока, и на этой волне освоила Сибирь и стала азиатской державой. Это распространение России вширь было вынужденным: туда, куда хотела империя — в Константинополь-Царьград, водрузить крест на Св. Софии и вернуть византийское приданое, — ее не пускали. Если американцам Тихоокеанское побережье казалось землей обетованной (так оно и получилось), то движение русских на восток, через Сибирь, к океану было подобно полету мотыльков, которые бились в закрытые освещенные окна, но улетели в ночь, потому что дорога в ночь была свободна. Однако восточные пределы России почти ника-

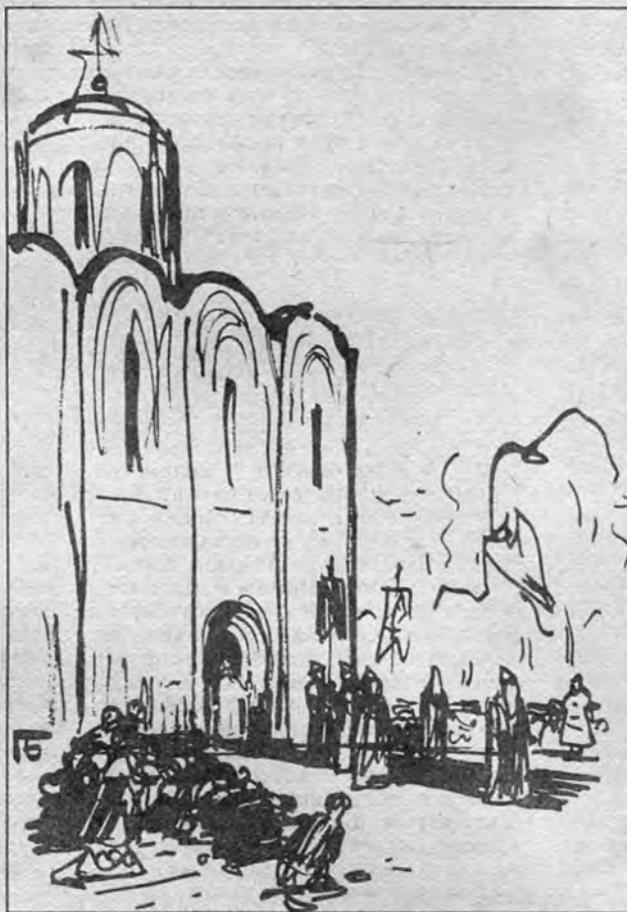

Рисунок Павла Бунина

ких следов Востока не сохранили — великие цивилизации Востока не дошли до этих земель, а немногочисленными аборигенами в цивилизационном смысле можно было и пренебречь.

Казалось бы, на России должно было сказаться сосуществование в пределах империи с исламским Востоком. Однако здесь проявилось характерное свойство России: ни в коем случае не становится «плавильным котлом» (модель Соединенных Штатов). Переселяться на Восток — да. Проводить поверхностную русификацию, не затрагивая глубинных местных структур, — конечно. Сплавления с Востоком Россия не хотела, но в истории нет слова «хотеть», значит — не могла. Почему же за сто с лишним лет не получилось этого «плавильного котла» — не то чтобы Рязань посмуглела, но хотя бы русская Средняя Азия? Что в этом проявилось — имперская брезгливость или что иное? Тем не менее более чем вековое существование в одних границах с огромным исламским миром не привело в цивилизационном смысле ни к чему. Россия смешивалась с Востоком, как вода — с маслом.

Получилось не сплавление, а отталкивание: взаимное отвращение, складывание негативных этнических стереотипов.

Как мы помним, некоторые уже давно решали российскую дилемму так: Россия — не Запад и не Восток, Россия — совершенно особая цивилизация, своего рода третий цивилизационный путь. Впрочем, черная Африка тоже не хотела присоединяться к Западу и уже к Востоку отношения вовсе не имела и, следовательно, тоже могла претендовать на особость...

Однако этот «особый» цивилизационный путь попытались навязать. Когда к власти пришли большевики, они с добрым прищуром оглядели доставшееся им наследство и заявили о том (в полном согласии с Двумя Великими Бородачами), что будут строить свою цивилизацию, универсальную, ни на отсталый Восток, ни на загнивающий Запад не похожую. Интернациональная всемирная империя большевиков отставала свою цивилизацию весьма рьяно, но вот империя рухнула — и в Таллинне с облегчением заговорили по-эстонски, а в Ташкенте — по-узбекски. Но так ли были бесплодны усилия большевиков? Политологи и психологи все чаще сходятся на том, что появилась новая морозоустойчивая, но при этом паразитическая форма жизни *homo soveticus*. Не появился ли на месте России новый мир — *Rax Sovietica*? При том, что решительно все режимы, существующие сегодня на территории бывшего СССР, сохранили в той или иной степени и форме малосимпатичные советские черты, в цивилизационном смысле все же — нет. Когда империя стала шататься (а началось это в 60-е годы), пошел про-

цесс возвращения к прежней национальной самобытности.

В итоге Россия, пережив большевистскую цивилизацию, возвращается к своей дилемме снова, и ее нынешние поиски цивилизационного «я» осложнены кризисом; даже вкус свободы не смыкает горького осадка прошлого.

Однако именно глубочайший кризис поставил вопрос о цивилизационной принадлежности России самым острым образом. Объясняется это рядом практических задач, в которых нужно определиться. Какова должна быть позиция России в отношении исламских островов, существующих в ее пределах? Кто из числа сестринских республик является главным приоритетом сегодня? Где можно с большим основанием надеяться на успех — на Востоке (Япония, Южная Корея, Китай, Тайвань, АСЕАН) или на Западе (США, Германия, Великобритания, Франция)? В перспективе — куда смотреть?

Действительно — куда?

Сегодня Восток, оказавшийся в пределах России в итоге ее тысячелетней истории, восстает. И выясняется, что он остается чужеродным телом: Северный Кавказ — насупленный в середине прошлого века; Казань — спустя четыре с лишним века после Ивана Грозного, после того, как была одной из столиц российского капитала и российской учености. И ясно, что по сию пору Россия и Восток говорят на совершенно разных языках.

Что касается сестринских республик, здесь точки зрения расходятся особенно остро, когда ставится вопрос о концепции российской внешней политики. Главное здесь, на что внятного ответа пока нет, это исчерпывается ли Россия в цивилизационном смысле бывшей РСФСР или Россия — это и «РСФСР», и Украина, и Беларусь. В цивилизационном смысле последнее расширительное толкование кажется все-таки логичнее; в политическом же плане будем говорить о России — «РСФСР». Исходя из видения России как моста между Востоком и Западом, неминуемо приходишь к мысли о безусловной приоритетности исламской Средней Азии, потому что если мост, то он не может лишаться ближайших опор и с апломбом перескакивать сразу в Восточную Азию, к Китаю, Японии и Корее. Впрочем, роль экономического и политического моста вызывает некоторые сомнения. Зачем деревянный, неведомой прочности мост между Западом и Кореей с Японией, когда они уже соединены электронным мостом? Не вернее ли будет сказать, что российское традиционное место — в Европе, а, следовательно, сегодняшний приоритет — Украина и Беларусь? Может ли Россия оставаться великой державой, утратив общность с ними? Скорее всего не может. Дело не в экономических лакунах. Экономические

лакуны будут заполнены той же Украиной в ходе неизбежного тесного экономического взаимодействия, потому что много крупного рынка помимо российского у нее нет и мечта о победоносном шествии по зарубежным рынкам остаются маниловщиной решительно для всех республик, включая Россию: построить беседку и в ней с Японией чай пить. К тому же сама Украина сильно зависит в экономическом отношении от той же России. Однако если посмотреть на дело с геополитической и цивилизационной точек зрения, то отсутствие тесных союзных особых отношений с Беларусью, и особенно Украиной, представляется для России, а может быть, и для них полной потерей лица.

В случае отсутствия особых отношений с Украиной Россия оказывается снова отрезанной от Европы. Возрождаются геополитические и цивилизационные дилеммы XVII—XVIII столетий. Как возьмется решать эти проблемы воинствующий национализм, который в этом случае, несомненно, поднимет голову и будет иметь неплохие шансы стать новой российской гидрой, предсказать нетрудно. А это будет катастрофично для ситуации в Евразии вообще, не говоря уже об Украине и России. Так что здесь надо сказать о безусловной приоритетности европейского направления.

Что же касается того, где искать опору — на Востоке или на Западе, особенно в экономическом плане, то это беспредметный вопрос, и здесь не до рассуждений о цивилизационной принадлежности. В нынешнем отчаянном положении все республики будут брать помощь там, где ее будут давать, — хоть на Мадагаскаре.

Вопрос о дальнейшем направлении российской ориентации — после преодоления кризиса — остается открытым. Однако, возможно, российская дилемма будет в известном смысле снята планетарным цивилизационным потоком. Он становится все более единым, все теснее соединяет Восток и Запад. В условиях такой интеграции было бы наивно ожидать, что вот тут-то Россия и бросит на чашу весов Восток — Запад свою принадлежность. Скорее ее принадлежность и Западу, и Востоку, ее посредническая функция будут лежать как раз в главном русле цивилизационного потока, объединяющего мир. То, что Россия веками пыталась — сознательно или неосознанно — выполнять функцию посредника между Востоком и Западом, превратится в важный инструмент евразийской цивилизационной интеграции. Возможно, тем самым будет снята вечная российская двойственность, дилемма, и то, что представляло мучительными и достаточно бесплодными поисками цивилизационного «я», превратится в процесс, полностью отвечающий планетарному вектору. Дилемма исчезнет, решение будет найдено — и это решение будет иметь не только российское, но и евразийское значение.

Не спешите отпевать державу

Евгений Бажанов

СССР больше нет, но остались его внешнеполитические интересы. Что день грядущий готовит наследникам бывшей сверхдержавы?

Союз Советских Социалистических Республик приказал долго жить. Упразднены или переформированы его институты, преданы анафеме или осмеяны его кумиры. Общество в очередной раз пытается начать с чистого листа. Не удалось в 1917, в 1945, в 1953, в 1964, в 1985 годах. Может, сейчас все-таки получится?

Объявлено об очередном изобретении постсоюзных политиков — Содружестве Независимых Государств. И вновь весь мир гадает, что это такое и что с ним станет? Что сулит такое образование остальному человечеству?

«Перспективы светлые, но путь извилист»

Думается, что СНГ не фикция. Несмотря на гордыню, 11, а то и 12 бывших социалистических республик не посмеют разрезать пуповину, соединяющую их друг с другом. Времена, однако, ждут Содружество непростые.

Межнациональные распри — территориальный передел, мщение за прошлые обиды, растаскивание нежирного экономического пирога — будут в обозримой перспективе сотрясать 1/6 земной суши. Ящик Пандоры открыт, и, как убедительно продемонстрировало молниеносное и бесславное поражение янаевско-крючковского ГКЧП, захлопнуть крышку силовым рывком вряд ли удастся. Рассчитывать на скорое выкарабкавание из экономической ямы тоже нереалистично. В России, что царской, что советской, хозяйство никогда не работало справно и предпосылок для перелома в печальной традиции не создано. В истории человечества нет прецедента кардинального оздоровления экономики в условиях хаоса. Вся энергия людей выливается на митингах, в очередях и того хуже — в потасовках. На созидание мочи не остается.

Ладно бы просто хандрила экономика и всем не хватало продуктов, но ведь на фоне обнищания большинства происходит

стремительное накопление первоначального капитала меньшинством, причем в «лучших» традициях этого процесса, знакомого по книгам Чарльза Диккенса и Джека Лондона. Для населения, возвращенного на идеях уравниловки и нивелировки, смириться с углубляющимся социальным расслоением не так-то просто; голодные и раздетые массы начнут роптать, а то и пускать в ход кулаки.

Мучительным обещает стать формирование новых политических структур. Практически на всех этапах новых органов управления развернулась нешуточная борьба за власть, привилегии, славу. В арсенале противников широкий набор инструментов — от демагогических наскоков на оппонента до прямых попыток перекрыть ему кислород.

Тернист путь к выработке идеологического кредо Содружества. Сейчас общество осталось без веры, в духовном вакууме. Такое уже бывало в мировой истории, в том числе новейшей. Вспомним, в частности, Германию после разгрома фашизма. Но тогда злокачественный строй был выкорчеван иностранными победителями и заменен принципиально новым. В бывшем СССР ситуация иная. Война не проигрывалась, наследие коммунистического режима полностью не отвергнуто и разом отвергнуто быть не может. В результате ориентиры, в том числе внешней политики, стали чрезвычайно запутанными. Не выяснен вопрос, кто друзья, а кто просто партнеры, есть ли у СНГ соперники, что СССР делал в прошлом правильно, а чем грешил. В общем, как любил говаривать Мао Цзэдун в период «большого скачка» и «культурной революции» в Китае, «перспективы нас ждут светлые, но путь извилист».

Стратегические задачи

Вполне естественно, что внутренние дела будут диктовать поведение Содружества независимых государств на мировой арене. Координирующим органам предстоит, в частности, постоянно заниматься примирением и умиротворением участников Содружества, удерживая их от разрыва с СНГ и перехода «под крылышко» какого-либо другого полюса силы. Тяжбами такого рода не ограничатся задачи совмест-

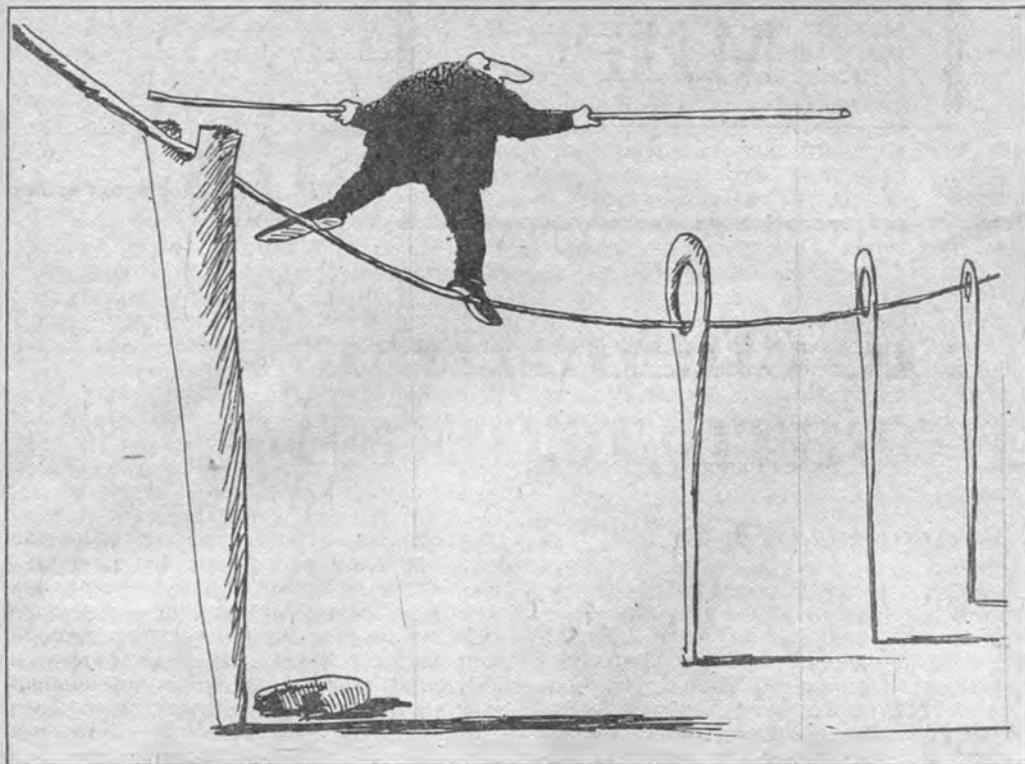

Рисунок Александра Зудина

ной внешней политики. Ей предстоит до конца очиститься от догматического мировосприятия, распрощаться с такими понятиями, как классовые противники или братья по классу.

Придется избавляться от великодержавного синдрома, и как следствие — дальнейшее формирование разоруженческих мероприятий. Несложно предсказать и то, что СНГ будет заигрывать с богатыми мира сего в надежде уговорить или заставить их раскошелиться, подсобить капитулировавшему бывшему противнику.

Главным партнером для Содружества, включая строптивые, но остающиеся в его орбите государства, останутся Соединенные Штаты. Это вполне понятно: с единственной уцелевшей сверхдержавой надо дружить. От нее в решающей степени зависят приток помощи из-за рубежа, моральная поддержка мирового сообщества, шансы дальнейшего сокращения вооружений. Вашингтон полезен и в качестве арбитра при преодолении споров на евразийских просторах.

Из наиболее порицаемой страны Соединенные Штаты быстро превращаются в глазах поникших головной жителей СНГ почти в обетованную землю, рай с молочными реками и кисельными берегами. Людей тянет за океан как магнитом, они оседают там или передвигаются туда и обратно, способствуя закреплению благоприятного имиджа США в пределах Содружества. Рассасываются узлы напряженности в официальных отношениях между

Москвой и Вашингтоном, возникшие вследствие идеологическо-гегемонистского противоборства предыдущих десятилетий. В Латинской Америке и Африке «яблоко раздора» не осталось вовсе. На Ближнем Востоке приоритеты СНГ и Вашингтона быстро сближаются. В Западной Европе единственная заслуживающая внимания проблема — германская, но и по ней США и СНГ продолжают диалог на общем, выработанном за годы перестройки языке. Стороны согласны, чтобы объединившиеся немцы процветали, не помышляя при этом о реванше.

В Азии кануло в Лету разыгрывание «китайской карты». Идеологические и геополитические интересы Пекина нацеливают его на сотрудничество с СНГ и США при сохранении дистанции от партнеров. Тягаться с Соединенными Штатами за влияние в странах АСЕАН или в Австралии Москва и раньше не могла, Содружество о сем и не станет помышлять. Даже на быстрое проникновение Запада во главе с США в соседнюю Монголию СНГ будет взирать безучастно. Не до Улан-Батора.

В отношениях СНГ с США можно выделить две потенциально конфликтные сферы. Первая — вмешательство Белого дома в споры между прежними составными частями СССР. У латышей, армян, литовцев и других есть соблазн апеллировать к Соединенным Штатам в случае столкновений с более мощной Россией. Всегда ли американцы будут корректны и точны в своей

реакции, воздержатся ли от вмешательства и попыток давления на Москву?

Вторая сфера, чреватая трениями, — военная. Москва хоть и укрощает собственные амбиции, но от поддержания стратегического баланса с США не отказывается. Влияют не только сила инерции, но и прагматические соображения: ядерная мощь — это единственный козырь, остающийся в распоряжении России и СНГ в целом. Иначе с Содружеством перестанут считаться. Отечественные генералы кроме всего прочего — гордые профессионалы, и они, конечно, постараются «быть на высоте» в военно-технологической гонке. На противоположном берегу Атлантического океана, в Пентагоне, тоже есть основания для подозрений и тревог: любой шаг по наращиванию боевой мощи России

или Содружества в целом особенно опасен в связи с анархией, царящей в бывшей ядерной империи.

Политические головоломки

На европейском направлении СНГ надеется дополнить то, что недодаст Америка. На предмет помощи новые государства будут тормозить всех западноевропейцев, и в первую очередь немцев, полагая, что те еще не рассчитались сполна за свое объединение. Европейцы не хотят хаоса в СНГ, поэтому помощь будет поступать. Однако плавание в европейских водах не обещает быть совсем уж спокойным. Острые рифы подстерегают Содружество в отношениях с бывшими «товарищами по оружию» из Варшавского Договора. Взаимных обид и претензий накопилось предостаточно. Появятся и новые осложнения в процессе конкурентной борьбы за помощь со стороны преуспевающих государств, из-за взаимных миграционных потоков далеко не всегда законопослушных граждан. Нет гарантии, что в склоки не впутаются западноевропейцы, пытаясь, скажем, защитить поляков или румын от гнева Минска или Москвы. Трения могут возникнуть из-за Прибалтики. Предположим, датшис или эстонцы начинают третировать местных русских, российское руководство вступает за единоплеменников, да так энергично, что французы или скандинавы захотят подсобить слабому.

Самостоятельная и взрывоопас-

ная проблема — возрождение германских притязаний на утраченные территории. Со временем чувство благодарности Москве за объединение Германии притухнет, а раздражение тем, что некогда немецких землях хозяйничают, и не очень умело, другие, выйдет на поверхность.

В последнее время Кремль как-то поостыл к Азии. Согнувшись под грузом внутренних невзгод, его политика на Востоке обмякла и поблекла. Но ни сейчас, ни тем более впредь абстрагироваться от Азии не удастся. Там, в частности, проживает гигантский китайский сосед, с которым участников СНГ «единит» граница длиной более чем в 7 тысяч километров. В КНР опасаются злых идеологических и националистических ветров, грозящих не только расшатать здание социализма с китайской спецификой, но и поднять вихрь сепаратизма и этнической розни. От СНГ требуется деликатность в обращении с Пекином, который, несмотря ни на что, хочет жить в мире с родиной Ленина, предавшей вождя пролетариата анафеме. Способна ли рыхлая многослойная система власти Содружества на требуемую деликатность? Не станут ли демократы и националисты различных мастей слишком бесцеремонно целоваться с китайскими диссидентами и непокорными вождями нацменьшинств, не потеряют ли голову от ухаживаний богатого тайваньского кавалера? А вдруг Китай в свою очередь попытается приласкать среднеазиатских лидеров, чем-то обиженных на Москву? Фигурирует в повестке дня и пограничная проблема. Скорее бы границу разметить и утвердить, чтобы кому-нибудь в будущем (в СНГ или в КНР) не пожелалось вновь поиграть на столь чувствительном вопросе.

Предстоит решать территориальную проблему с японцами. Отказ от удовлетворения претензий Токио на Курилы чреват сохранением гнойника, который, если Япония продолжит восхождение к высотам научно-технического и экономического прогресса, а России суждено барахтаться в болоте кризиса, может породить смертоносные метастазы. Но пусть даже драматического сценария событий удастся избежать. Тем не менее без сатисфакции по территориям японцы не согласятся по-настоящему помогать. Без их участия не пойдут в восточные районы России другие азиатские «драконы», а, значит, Сибирь и Дальний Восток обречут себя на долгое прозябание. Возвращение же островов, не гарантируя приток денег и технологии, усилит раскол внутри российского общества между «патриотами» и «торговцами родной землей», подогреет аппетиты прочих претендентов на зе-

мельный передел (в Германии, Китае, Финляндии).

Нельзя исключать осложнений с соседями на юге: турками, иранцами, афганцами. Они намерены будоражить Кораном и идеями панисламизма мусульманские народы бывшего Союза, вынуждая славян реагировать и принимать ответные меры. Горазда на сюрпризы дальневосточная Корея. В случае «обвального» разрушения северокорейского режима, вмешательства в этот процесс Юга в регионе может вспыхнуть крупная сварка с участием США, Японии, Китая. Вряд ли СНГ или России удастся в данном случае отсидеться.

Подлежит перелицовке политика

Рисунок Дмитрия Москвина

«третьем мире». Отношения с Индией уже увядают. В водовороте событий правопреемники бывшего СССР как-то забыли об испытанном друге Советского Союза. Это обижает индийцев. Расстраивает их и то, что главный бастион социализма и антиимпериализма столь неожиданно драматично пал. Индия лишилась фундамента, на котором держалась ее внешняя политика, оказалась одна против прежних оппонентов — Пакистана, Китая, США. СНГ, конечно, не поссорится с Индией. Их интересы, как и прежде, не сталкиваются, но не предвидится и закадычного сотрудничества, понимания друг друга с полуслова.

Перестанет Москва ходить в героях и на Ближнем Востоке, хотя арабам она по-прежнему нужна в их извечном конфликте с Израилем. СНГ справится с ролью беспристрастного брокера, но в сознании лидеров Содружества ближневосточная тематика отодвинется на задний план (доморощенных головоломов хватает, не до чужих). Юго-Восточная Азия начнет отвыкать от учета советского фактора. В

АСЕАН забудут о ледящей душу «советской угрозе», в Индокитае — о некогда щедром старшем брате. Черная Африка и Латинская Америка скроются за горизонтом внешней политики СНГ.

Русь возродится

Из вышесказанного вроде бы напрашивается вывод о кончине великой державы. Бег на длинную дистанцию закончен, стайер отдал силы без остатка, упал, и жизнь вот-вот покинет его брэнное тело.

Но нет, думается, было бы глубокой ошибкой списывать в анналы истории Великую Россию.

Она-то остается. В наличии многочисленный (более полутора миллиона), образованный, выносливый, суровый народ. Ему по-прежнему подвластно фантастическое жизненное пространство, все еще богатые природные ресурсы. В его распоряжении пусть допотопный, но громадный экономический потенциал. Наконец, этот народ располагает одной из крупнейших и мощнейших армий на земном шаре. Гены русских и российского государства несут память о прошлом величии и методах его достижения. Сохраняется также потребность восстановления спокойствия и стабильности среди сотен народов, проживающих на стыке Европы и Азии. Под вывеской СНГ или какой-нибудь другой, неважно какой, тысячелетняя метрополия от столкновений и склок с соседями перейдет к их очередному собиранию под свое крыло. И они потянутся к России, ибо иначе им не удастся устроить бытие мало-мальски людски, так, чтобы не проливались потоки крови и не разрушались материальные ценности (пример закавказских народов тому подтверждение). Обновленная евразийская держава волеется в мировое сообщество, но сбережет колорит, отличающий ее от западных демократий. Слишком велика она, национально пестра, очень специфичны ее традиции.

Если же это нутро попытаются вынуть без остатка, случится катастрофа — как после 1917-го, с бегством России от мировой цивилизации в край кровавых грез и иллюзий. Сейчас, впрочем, наблюдается противоположная тенденция — возвращение к корням русской цивилизации. Зато налицо иная опасность. Слишком активное «общипывание» ослабшей империи бывшими «меньшими братьями» или чересчур уверенными в себе соседями (японцы, немцы) может вызвать небывалую вспышку русского национализма. В условиях экономической разрухи, всеобщего отчаяния и озлобления, дискредитации идеи «пролетарского интернационализма» такая вспышка особенно реальна.

Бывших клиентов не обслуживать

Москве представилась удобная возможность пересмотреть свою политику в отношении Ким Ир Сена и Северной Кореи

Не только демонстративная передача сыну титула верховного главнокомандующего Корейской народной армии, но главным образом готовность подписать с Южной Кореей документ, объявляющий весь полуостров безъядерной зоной, свидетельствуют о том, что 79-летний Ким Ир Сен готовит своего наследника к восшествию на престол.

Великий вождь давно уже обосновал разумность и необходимость передачи власти над Северной Кореей своему сыну. Многоопытный Ким Ир Сен понимает, что смена социалистических монархов может пройти не совсем гладко, и торопится сам короновать сына.

Поразившая многих готовность поладить с ненавистным врагом — Южной Кореей и успокоить мировое сообщество, уверенное в том, что Пхеньян создаст собственное ядерное оружие, отнюдь не свидетельство того, что Ким Ир Сен меняет курс. Единственная цель его маневра — обеспечить благоприятный международный климат для своего наследника Ким Чен Ира. Отец жаждет признания для сына, но у Ким Чен Ира дурная репутация. Его считают руководителем отличающихся особой жестокостью специальных служб Северной Кореи и вдохновителем двух громких террористических акций: попытки уничтожить южнокорейское правительство, окончившейся смертью 17 человек, и взрыва южнокорейского самолета — 115 убитых. Ядерный проект Пхеньяна не поддержали даже в Китае, где Ким Ир Сен побывал недавно с секретным визитом. Ради сына Ким Ир Сен готов, видимо, отказаться от ядерной бомбы.

Китай — единственная страна, куда ездит Ким Ир Сен. Его 49-летний сын, известный своими пристрастиями к японской электронной технике, хорошей одежде и веселой жизни, явно мечтает увидеть свет. Северная Корея принята в ООН, теоретически это открывает Ким Ир Сену дорогу даже в Нью-Йорк. Правда, в этой семье не любят надолго оставлять столицу, опасаясь дворцового переворота. Рисунки, изображающие Ким Ир Сена и Ким

Чен Ира вместе в окружении преданных сограждан, не имеют ничего общего с реальностью. Отец и сын никогда не показываются вместе, чтобы заговорщики не могли уничтожить их одним ударом. В апреле 1987 года в Пхеньяне на трехдневных торжествах по случаю юбилея великого вождя я тщательно искал пухлую фигуру сына рядом с тучным отцом. Я подумал было, что два единственных толстых человека в Северной Корее избегают появляться вместе, чтобы не раздражать своим сытым видом тонких и полуголодных согра-

Ким Ир Сен торопится сам короновать своего сына

Ким Чен Ир не похож на отца и вряд ли сумеет удержаться на троне

ждан. Но, конечно же, маршал Ким Ир Сен, отличившийся не на поле брани, а в сокрушении политических соперников, думал только о собственной безопасности. Пока отец принимал поздравления, сын следил за порядком.

Честно говоря, мне трудно представить поздравительное послание президента Ельцина любимому руководителю северокорейского народа Ким Чен Иру.

Советский Союз был связан с Северной Кореей союзническим договором. Российской Федерации стоит отказаться от такого наследства. Между новой Россией и диктаторским режимом не может быть союзнических отношений даже на бумаге.

Прежде всего нужно издать Белую книгу об истории отношений между Москвой и Пхеньяном. Народу России будет небезинтересно узнать, во сколько ему обошлось содержание дальневосточного клиента. Необходимо прекратить поставки Северной Корее военной техники, запасных

частей, снаряжения, в том числе двойного назначения.

В российской печати приводились свидетельства того, что северокорейские службы безопасности беспрепятственно орудуют на территории нашей страны, терроризируя работающих здесь корейцев. Не должно ли российское правительство немедленно отдать приказ о пресечении деятельности иностранных спецслужб в России?

Послом СССР в Пхеньяне в прошлом году был назначен Александр Капто. Бывший заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС может, скорее, представлять северокорейский режим в Москве, но никак не новую Россию. Перед назначением нового посла парламентский комитет по международным делам и новое гуманитарное управление МИД должны были бы ясно выразить свое неудовольствие репрессивным режимом в Северной Корее.

Возможен вопрос: зачем делать из дипломатов моралистов? Превыше всего государственные интересы... Ну что ж, есть и чисто прагматические причины, требующие пересмотра корейской политики.

После ухода Ким Ир Сена в мир иной Ким Чен Ир продержится не долго. Это явствует из опыта Китая и Албании. Наследники Мао и Энвера Ходжи довольно быстро утратили свои посты.

Изворотливый и жестокий Ким Ир Сен стал политическим долгожителем, потому что прошел школу выживания в кровавой борьбе с соперниками. Жизненный путь Ким Чен Ира был усыпан розами. Детей с капризами, как у Ким Чен Ира, лицами называли в России барчуками.

Высшие пхеньянские чиновники, вынужденно подчиняющиеся Ким Ир Сену, который периодически расправляется со своей командой, жаждут избавления от страха и вовсе не нуждаются в новом деспоте. Они тоже прошли суровую школу выживания, поопытнее и похитрее Ким Чен Ира.

Конечный итог устранения Ким Чен Ира от власти тоже не трудно предугадать. Его сменщики, сами нуждаясь в стабильности, пойдут на смягчение режима, реформы. С учетом опыта Германии это будет означать неминуемое объединение двух Корей.

Руководителями этой страны, соседки России, станут не пхеньянские, а сеульские политики. По опыту бывшей ГДР можно также предугадать, что северные корейцы не смогут забыть о том, что именно Москва навязала им в 1945-м Ким Ир Сена, который создал концлагерь размером в целую страну. России нет смысла увеличивать свой долг перед корейским народом.

Леонид Млечин

Где у человека дом?

Там, где он свободен, — считает профессор Иржи Валента

Директор Института советских и восточноевропейских исследований и профессор политических наук Высшей школы международных исследований университета в Майами доктор Иржи Валента покинул Чехо-Словакию в сентябре 1968 года. Тогда он был двадцатичетырехлетним начинающим ученым. Сегодня профессор Иржи Валента считается одним из крупнейших специалистов по проблемам СССР и Восточной Европы. В мае 1991 года он вернулся в Прагу, чтобы наладить деятельность Института международных отношений МИД республики.

Недавно профессор **ИРЖИ ВАЛЕНТА** побывал в Москве, где ответил на вопросы корреспондента журнала «Новое время».

«Новое время». Господин профессор, почти четверть века вы посвятили анализу событий, связанных с «пражской весной» 1968 года. Тема, конечно, чрезвычайно обширная, но, если вы не против, коснемся лишь одного аспекта: какое влияние 1968 год оказал на последующее развитие в Чехо-Словакии, СССР, вообще в Восточной Европе?

И. Валента. «Пражская весна» 1968 года — это была пора прекрасных надежд не только для чехов и словаков, но и надежд — возможно, тогда не до конца осознанных — для народов Советского Союза, других стран тогдашнего социалистического блока. Подавление «пражской весны» нанесло жесточайший удар народам Чехо-Словакии, позициям социализма и коммунизма, демократическим силам в СССР и странах Варшавского Договора, сторонникам реформ. Особенно чувствительным оказался этот удар для СССР. Традиционно дружественные чешский и словацкий народы увидели в СССР противника, чувство дружбы уступило место вражде. Был упущен шанс, используя опыт чехо-словацкого перехода к «социализму с человеческим лицом», и самим перейти к более демократической системе, способной перерасти в подлинную демократию.

Думаю, используйте ваши руководители этот опыт, вместо того чтобы его подавлять, и ваша нынешняя перестройка-революция была бы более постепенной, не вела к распаду страны, ее трансформациям, обнищанию населения. Да и в са-

мой Чехо-Словакии не были бы столь сильны антикоммунистические и антисоветские настроения.

«НВ». И сегодня сильны?

И.В. Да, и сегодня, хотя сегодня, если речь идет об антисоветизме, его активность спала в связи с развитием в самом Советском Союзе. Даже противники понимают, что перемены и в Чехо-Словакии, и во всех государствах Центральной и Юго-Восточной Европы стали возможными лишь благодаря позиции, занятой руководством СССР. Михаил Горбачев, похоже, задолго до

Европе, в частности в ЧСФР, то, на мой взгляд, антагонизма тут нет. Просто демократические начинания Горбачева Вацлав Гавел сумел довести до логического завершения. Новая фаза демократизации в странах региона характеризуется развитием плюрализма участвующих в ней сил, в том числе путем создания широких политических и общественных коалиций. По мере того как люди осваивают происходящие изменения, приходит и понимание, что каждая новая общественная сила или тенденция на-

«Демократические начинания Горбачева Вацлав Гавел сумел довести до логического завершения...»
Фото ТАСС

1989 года осознал, что демократизация и распад старой системы в этих странах пойдут очень быстро и что последняя возможность мирного обновления социализма была упущена в 1968 году.

Ни в одном из других социалистических государств руководство этого не поняло и...опоздало на поезд истории. Восточноевропейские коммунисты, до последнего удерживая свои страны от демократии, добились лишь того, что идея социализма умерла в сознании их сограждан. Будущее новых левых партий, которые возникли на развалинах бывших правящих, скорее всего станет связанным с общим путем европейской социал-демократии. А что касается сходства и различий в процессах, проходящих сейчас в бывшем СССР и Восточной

столько же законна, насколько законна власть отдельных лиц в правительстве или в организациях-лидерах. Этот процесс происходит и в ЧСФР, и, насколько я понимаю, в России и других государствах бывшего Союза.

«НВ». Вы сказали, что идея социализма была задавлена танками в 1968 году. Надолго ли? Навсегда? Не думаете ли, что на каком-то новом витке развития цивилизации она обретет новую жизнь?

И.В. Во всяком случае это будет очень долгий процесс. Правда, надо сказать, что в Чехо-Словакии всегда была сильна идея если и не социализма, то социальной справедливости. Сильна она была и в Советском Союзе, хотя, как это уже многим ясно, воспринималась чаще всего превратно.

«НВ». Как именно?

И.В. Как идея всеобщей уравниловки — социальной, национальной, экономической. Но за этим в значительной мере фальшивым фасадом нарастали глубокие противоречия. Когда фасад рухнул, обнаружилось острее проблемы, нерешенности которых и привела к тому глубокому и всеохватывающему кризису, в котором оказался бывший Союз.

«НВ». В чехо-словацком гимне есть великолепные слова: «Кде домов муй?» («Где мой дом?»). Я сегодня не могу сказать, где мой дом, когда речь идет о том, что осталось от Советского Союза. Многие из десятков миллионов русских, украинцев, грузин, армян, всех, кого распад Союза застал вне их этнических территорий, задают себе сегодня этот вопрос. У вас есть опыт человека, уехавшего в эмиграцию и вернувшегося из эмиграции. Как вы ответите на вопрос: где мой дом?

И.В. Я прожил в США половину своей жизни, так как не хотел возвращаться в оккупированную Чехо-Словакию. Сегодня я вернулся на родину и помогаю ей, хотя являюсь американским гражданином. И, возможно, лучший ответ на вопрос, где мой дом, звучит так: мой дом там, где свобода. Где человек чувствует себя свободным. Человек не может чувствовать себя дома у Каддафи, у Кастро, у Саддама Хусейна.

Я не могу чувствовать себя свободным в тоталитарном или авторитарном государстве. Для меня неважно, могу ли я хорошо позавтракать утром, но я хочу иметь возможность прочесть утром свободную газету. Именно поэтому я покинул Чехо-Словакию в 1968 году.

Думаю, это важно и для вас. Если Россия станет демократической, Украина демократической, Казахстан демократическим — ряд этот следует продолжить, — будет не так важно, где человек живет. Важно — как. Какими правами пользуется. Насколько он свободен. И человек будет вдвойне, втройне богат, если сможет понимать, принимать и воспринимать две-три культуры. Вообще мы должны были бы быть гражданами мира, а не только той страны, где родились.

«НВ». Сегодня это и проблема для чехов и словаков.

И.В. Меня чрезвычайно тревожат их этнические и национальные споры. Я понимаю чехов, понимаю словаков, как понимаю русских, украинцев и всех остальных, но считаю, что такие споры принадлежат XIX веку. Не XX. Будущее за интеграцией, а не за разобщением. Страшный пример Югославии должен стать поучительным.

Поэтому и в ЧСФР национальные споры мы должны, обязаны удерживать на цивилизованном парла-

ментском уровне, как бы это ни было трудно.

«НВ». Здесь очень многое, как видите, делает президент ЧСФР Вацлав Гавел. Тем не менее не кажется ли вам, что он может войти в историю как трагическая фигура: продолжатель дела и идей создателя демократического чехо-словацкого государства Масарика Вацлав Гавел вынужден сегодня отстаивать и национальное единство, и демократические нормы...

И.В. Думаю, что Вацлав Гавел — это одновременно и счастливая, и трагическая фигура. Это удивительно честный и чистый человек. Куда более нравственно чистый в своих делах и помыслах, чем многие нынешние чехо-словацкие политики. Мне порой даже кажется, что сама власть ему несколько чужда. Он с радостью вернулся бы к своему положению писателя, драматурга. Это интеллигент, человек идей.

Соглашаясь стать президентом, он думал не о себе, а о своей стране, своем народе. Хотя должен был и испытывать удовлетворение от того, что система, против которой он мужественно боролся двадцать лет, потерпела крах. Но, несомненно, его глубоко огорчают и примитивный национализм, и антидемократизм, с которыми ему приходится сталкиваться в парламенте и в жизни. Это для него трагично. С другой стороны, без него было бы, видимо, очень трудно, даже невозможно объединить всех чехов и словаков в их стремлении к демократическим целям. Другого политика, который мог бы стать таким общим знаменем, нет. Гавел, конечно, сегодня испытывает страшное давление со стороны разных сил. Думаю, что в 1989 году он сделал ошибку, не решившись вернуть к государственному делу многих видных деятелей 1968 года, впоследствии исключенных из КПЧ и отстраненных от политической жизни. Он мог бы найти с ними общий язык.

«НВ». Ситуация Гавела в чем-то напоминает ситуацию Горбачева. Политик, начавший перестройку в СССР, пусть вопреки своей воле, но стал своего рода крестным отцом распада Союза.

И.В. Да, это трагическая судьба. Я думаю, что Горбачев заслуживал бы лучшего. Особенно за 1987–1988 годы. Афганистан, модус вивенди с Америкой, гласность. Но он, с другой стороны, не шел дальше, чем позволяло ему его мировоззрение партийного лидера-реформатора. Дубчек и Ельцин готовы были идти и пошли дальше. Но перед этим им пришлось испытать унижение, пройти через чистилище краха прежних представлений о товарищах, партии, государстве, справедливости. Унижение заставляет думать, заставляет произвести своего рода ревизию, переоценку

политических и нравственных ценностей, норм, представлений. Думаю, что именно в ходе этой переоценки, переосмысления пройденного пути они из партократов превратились в демократов. Горбачев никогда до августа 1991 года в положении униженного не оказывался. Он вознамерился реформировать и в значительной мере реформировал систему и за это заслуживает величайшей благодарности. Но слишком долго не пытался выйти за ее рамки. А когда попытался это сделать, было уже поздно.

И тем не менее и я, и все остальные должны быть ему обязаны за то, что он сделал для СССР, мира и Восточной Европы.

«НВ». Вернемся к отношениям между нашими странами, точнее — между ЧСФР и Россией. Как они вам видятся в 1992 году?

И.В. Думаю, что в основу экономических отношений лягут, как это уже вырисовывается ныне, двусторонние договоры и на правительственном уровне, и на уровне предприятий и фирм. В связи с отсутствием у обеих сторон конвертируемой валюты упор будет делаться на клиринг и бартер. Перспективно и трехстороннее сотрудничество с подключением США и других развитых промышленных стран, способных гарантировать чешские инвестиции в российскую экономику и наоборот. Думаю, самой привлекательной является финская модель двусторонних отношений, причем не только в области торговой, но и политической.

Надеюсь, нечто подобное удастся создать и нам, ибо новая команда политиков российского президента Ельцина более чувствительна к тонкостям как внутренней, так и внешней политики, чем все предшествовавшие кремлевские бояре, вместе взятые.

Я хотел бы воспользоваться случаем и поблагодарить Россию и бывший Советский Союз за поддержку чехо-словацким демократическим силам. В наших отношениях были сложности, но есть и непреходящие ценности. И в этой связи я хочу обратиться ко всем видным деятелям теперешней России, прежде всего к Борису Николаевичу Ельцину, с просьбой помочь в поиске документов, связанных с вторжением в Чехо-Словакию, которые еще хранятся в архивах бывшего ЦК КПСС, КГБ и министерства обороны. Учитывая предвыборную кампанию в Чехо-Словакии, когда общественность особенно чувствительно реагирует на любые неординарные события, передача этих документов способствовала бы дальнейшему улучшению имиджа России в ЧСФР.

Беседу вел
Александр Дидушенко

Забывший барабан

Ирина Млечина

Лет двадцать назад собирала я озорную коллекцию газетных заголовков. Все они варьировали одну тему, горячо любимую международниками тех лет: «Неокоричневые бьют в барабан», «Шабаш недобитых», «Неофашисты поднимают голову», «Вечно вчерашние жаждут реванша», «Еще плодоносит чрево...» ну и так далее в том же духе. Справедливости ради стоит заметить, что тогда и западногерманское общество было весьма взволновано вдруг обострившейся угрозой неонацизма, и вполне серьезная, как говорят на факультете журналистики МГУ, «качественная» немецкая пресса была озабочена тоже, помещая статьи под заголовками типа «Марш Таддена на Бонн» (фон Тадден был тогдашним лидером неонацистской партии и рвался в бундестаг).

«Штурмер» в Москве

Хорошо помню свое ощущение тех лет: тема эта казалась абсолютно не связанной с нашей жизнью, не имеющей к ней никакого отношения. Это были «их» нравы, вечно вчерашние били в свой барабан где-то там, в далеком, малодоступном мире, удаленном от нас в историческом и географическом пространстве на тысячи световых лет. Благодаря прочному тугоумному занавесу наши страны не становились сообщающимися сосудами, как весь остальной мир, и в идеологически стерильный, обеззараженный общественный организм страшные бактерии «оттуда» проникнуть не могли. Потому тема была столь же экзотической, как охота на слонов в Африке. И хотя вспышка неонацистских настроений в ФРГ на рубеже 60–70-х годов действительно беспокоила демократическую общественность этой страны, здесь, у нас, о ней писали с изрядной долей циничного хладнокровия, пусть и в гневно-обличительной форме. Чем возмущеннее были бдительные призывы «не допустить повторения прошлого», тем меньше пишущие (а возможно, и читающие) верили в реальность этой угрозы.

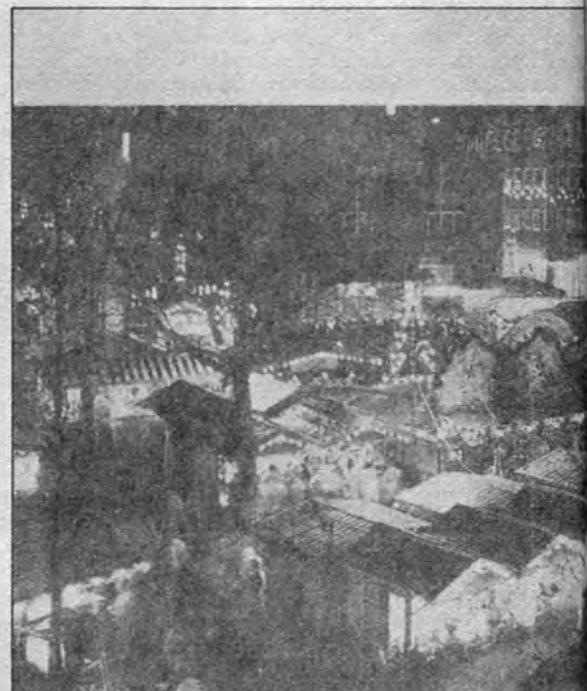
Можно ли было тогда вообразить, что их прошлое станет нашим настоящим? Что у нас открыто и беззастенчиво будут раздаваться вполне фашистские по своему смыслу призывы, куда более откровенные, чем позволяли себе еще не вполне разнузданные западногерманские неонацисты тех лет? Кто и в каком страшном сне мог себе представить, что в московском метро и подземных переходах будут продавать брошюры и расклеивать листовки, которые охотно поместил бы в своем «Штурмере» сам Юлиус Штрейхер, казненный в Нюрнберге военный преступник и один из изощреннейших идеологов антисемитизма в «третьем рейхе»? Что вполне официально будут продаваться на улицах российских городов газеты, в иных разделах ничем не

уступающие печально известному «Фелькишер беобахтер», центральному органу Национал-социалистической германской рабочей партии? Что не таясь будут выступать люди, призывающие граждан России примерно к тому же, к чему призывал немец в начале 30-х годов фюрер, и даже словечко «бесноватый» не покажется таким уж архаичным или надуманным.

Похоже, что вызывавшие шок у добропорядочных граждан ФРГ неонацисты фон Таддена (которые, кстати, обижались, когда их так называли) были куда более сдержанными и умеренными. Они злились, конечно, на турок и прочих иностранных рабочих, наводнивших Западную Германию, требовали «чистоты и порядка», не жаловали американцев и кляли «засилье демократов», но следили, чтобы их нельзя было обвинить в прямом следовании гитлеровским лозунгам, и вообще всячески отрицали, во всяком случае на словах, свою связь с фашизмом и фашистской идеологией.

Ужин с пивом

В 1967 году, впервые попав в ФРГ, я оказалась в небольшой группе журналистов на неонацистском сборище. Не то что бы это было самым завлекательным в стране, произведшей на человека, до того никогда не бывавшего на Западе, ошеломляющее впечатление. Но нужен был материал, а репортаж о «сборище» был беспроигрышен, да и интересно все-таки было. И вот после недолгих, хотя и напряженных, переговоров с устроителями, мы проникли в ресторан, где оно, сборище, имело место. Помню

Германия. Зимняя сказка: урок немецкого в

Красная Шапочка, вечно вчерашние, рабочая мораль в Германии и конвергенция, которая, оказывается, всё-таки происходит

вполне цивилизованных с виду пожилых господ с хорошей военной выправкой; некоторые были в темных очках и выглядели загадочно и злоуще, как эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова»; впрочем, среди них, кажется, действительно был кто-то из войск СС. Молодежи почти не было. Сидя за столиками с неизменным пивом (как тут было не вспомнить «пивной путч») и вообще дух германских пивных, где вызревал и доходил до кондиции гитлеровский фашизм), пожилые ораторы по очереди призывали все к тем же «чистоте и порядку», требовали избавить их от обнаглелых иностранцев, которые вот-вот захватят власть и станут эксплуатировать немецкий народ, навязывая ему чуждые ценности. Аргументация была знакома: Германия — для немцев, не допустим национального унижения и разграбления, турок и прочих — долой. Теперь благодаря гласности и свободе собраний советские граждане легко могут сами добавить соответствующие тезисы из программных заявлений лидеров «Памяти» и других сходных объединений; они не ошибутся, взяв из этих заявлений почти все, только заменяя исторические реалии и слово «русский» на слово «немецкий». Ну например: «Хватит обманывать русский (немецкий) народ. Такова правда о ... (засилье евреев, заговоре мирового капитала)».

Разумеется, немецкие неонацисты 60–70-х годов не были невинными овечками. Просто было ясно, что у них в ФРГ нет ни малейших шансов, что сформировавшаяся в послевоенные годы демократическая система достаточно крепка и стабильна, а идущий в обществе процесс преодо-

ления прошлого настолько глубок (при всех изъянах, о которых не уставали говорить самые известные западногерманские писатели и публицисты), что все эти пожилые господа с хорошей военной выправкой, ведущие в чистеньких пивных свои реваншистско-неонацистские речи, так и останутся экзотическим меньшинством, не составляющим сколько-нибудь серьезной угрозы.

Чемодан-невозвращенец

За четверть века, прошедшие после той первой поездки, открывшей невиданный, совершенно иной мир, мне не раз удавалось (именно удавалось, слово из родного советского лексикона) побывать в ФРГ. И хотя каждый раз, после интервала в несколько лет, первое ощущение при виде городской толпы, улиц, площадей, домов было столь же ошеломляюще ярким, постепенно происходило какое-то едва заметное сближение: ненавистная нашим идеологам конвергенция все же имела место («процесс шел»). И, похоже, влияние распространялось не только с запада на восток, но и с востока на запад в определенном смысле тоже. Так, нравы несколько упростились, особенно после студенческого и молодежного движения конца 60-х годов. Публики с хорошими манерами чуть поубавилось, а с плохими — поприбавилось. «Джинсовая революция» как-то и внешне слегка приблизила ту самую уличную толпу к нашей, хотя джинсы, конечно, были другого качества. Идеально вежливые и одурманивающие лобезные западные немцы с течением времени как-то чуть-чуть утрачивали это замечательное преимущество; иной раз

продавщица в универмаге вдруг чем-то сильно походила на свою советскую коллегу или таксист порой выглядел неприветливым, почти как водитель тогда еще существовавшего московского такси.

Вот и в нынешнюю поездку в декабре чем-то бесконечно родным повелось на меня, когда, прилетев из Мюнхена в Гамбург, я не обнаружила своего чемодана. Сумка, покорно выполнившая свое земное предназначение, одиноко маячила на опустевшем конвейере, а чемодана не было и не было. Единственный находившийся в зале работник аэропорта со знакомым безразличием адресовал меня в бюро «Люфтвагзы», где была засвидетельствована пропажа, выдан соответствующий сертификат и обещано, что чемодан будет немедленно прислан в отель. К ночи, однако, он не прилетел, к утру тоже. Бесконечные звонки в аэропорт опекающих меня немцев и слегка раздраженная реакция служащих «Люфтвагзы» чем-то отдаленно напоминали родные нравы. Когда чемодан, зачем-то отправившийся без меня в путешествие по городам Германии, наконец прибыл в гамбургский аэропорт, я не могла решить, есть все же конвергенция или нет. Судя по выбранному свой путь чемодану, она есть. А судя по тому, что не прошло и суток, как чемодан перестал быть невозвращенцем, ее все же нет.

После крушения берлинской стены процесс взаимопроникновения идей и людей необычайно ускорился. На мюнхенских или франкфуртских улицах бродят выдающие себя угрюмым выражением лица недавние советские граждане. Русская речь, столь непривычно звучащая здесь, обнажает почти те же страхи и заботы, что были дома (жилье, работа, заработок), кроме одной, где достать. С этим все в порядке: страна по-прежнему ломится от изобилия, и тут совершенно определенно конвергенции не наблюдается.

Компостер сломался

После унылой безнадежности пустых московских магазинов открывающийся в своем умопомрачительном богатстве материальный мир Западу уже не просто ошеломляет, он вызывает шок, ощущение призрачной ирреальности, хотя что может быть реальнее многоцветных фруктовых гор на уличных прилавках под ослепительными гирляндами рождественских лампочек, километровых витрин с розовыми окороками, невиданным разнообразием сыров, тортов, затейливых новогодних сладостей, подарков, украшений, сувениров...

Милые молодые женщины, сопровождавшие меня по лабиринтам рождественских магазинов, где я совершила преимущественно «витринные покупки», пыгались понять, как это может быть, чтоб ничего не было во-

терпимости

обще. Они готовы были напрячь все свое воображение и представить себе, что, скажем, сыра существует не двести, а сто пятьдесят, пусть даже сто сортов. Они соглашались допустить, чисто умозрительно, конечно, что ливерной колбасы может быть не двадцать пять, а, скажем, всего десять, ну даже пять(!) видов. Но пред их внутренним взором никак не могли предстать девственно обнаженные полки бывших московских универсамов или многочисловые очереди за продуктом, просто и кратко именуемым колбасой. И я, должна признаться, даже испытывала некоторое снисходительное сочувствие к ним, обделенным таким исторически уникальным опытом.

Подобное же чувство превосходства я испытала однажды в 70-е годы, стоя на кельнском вокзале в очереди, состоявшей примерно из трех человек. Очередь вполне исправно продавалась к билетной кассе, пока вдруг не случилось невероятное: кассир, пробормотав что-то с извиняющейся улыбкой, прикрыл окошечко. Стоявшая впереди пожилая дама в мехах повернулась ко мне и, гневно сверкнув глазами, воскликнула: «So ist die Arbeitsmoral in Deutschland geworden!» — «Вот какова ныне трудовая мораль в Германии!» Разделив ее справедливое негодование, я поинтересовалась, что же произошло. Оказалось, у кассира сломался компютер и его надо было немедленно починить. Вся заминка длилась секунд тридцать. Драма рухнувшей трудовой морали в Германии потрясла меня, приехавшую из страны, где с трудовой моралью, как известно, обстояло особенно хорошо, потому что труд был делом чести, доблести и чего-то еще, уже не помню.

По-видимому, проблема трудовой морали в бывшем Советском Союзе как-то связывалась в сознании моих нынешних немецких собеседников с нынешним же уровнем нашей экономики. Во всяком случае, изъявляя готовность немедленно ответить на все мои вопросы о состоянии немецкого духа, культуры и литературы, они тут же переходили к вопросам сами, желая узнать, что происходит у нас.

Мне хотелось услышать, как оцениваются отсюда, из этих благополучнейших, процветающих городов, наши перспективы. И видится ли какая-то связь между тем, что происходит у нас, и событиями в самой Германии нынешней осенью, когда группы неистовой молодежи, преимущественно в «новых землях», то есть бывшей ГДР, стали нападать на иностранных рабочих, вьетнамцев, африканцев, цыган, румын, да и наших недавних соотечественников. Слушая ответы моих собеседников, я вспоминала «неоколических», бывших в барабан» еще двадцать лет назад. Тогда главным объектом ненависти были турки, теперь к ним добавились граждане из разных неблагоприятных регионов земного шара, включая бывший Советский Союз.

Но, прогуливаясь по роскошно наряженным предрождественским улицам, по надраенным до блеска тротуарам, среди цветущих в декабре роз, блуждая в толпе, свободной, казалось, от каких бы то ни было проблем и забот, трудно было вообразить себе ревущую толпу юных граждан с булыжниками и кастетами в руках, штурмующих общежитие несчастных беженцев. В центре Мюнхена в витринах универсама «Херти», разгуливающих на целый квартал, разыгрывалось очаровательное кукольное представление: подвешенные на невидимых ниточках, управляемые невидимым электронным кукловодом марионетки разыгрывали сцены из знаменитых детских сказок. Красная Шапочка, Снежная королева, Гензель и Гретель... Не только дети, но и взрослые, прижимаясь носами к стеклу, азартно спорили, из какой сказки те или иные персонажи. Это было трогательно и человечно, вся жизнь в этой стране казалась мирной и уютной; не хотелось верить, что и здесь существуют конфликты, жестокость, и одни люди хотят изгнать других.

Это общество, хотя и несколько сотрясенное в своих основах процессом воссоединения, пока еще способно выносить без особого ущерба для своего социально-политического и психологического состояния весьма ощутимые удары. Сформировавшиеся в послевоенные десятилетия этические нормы и ценности достаточно прочны. Одной из главных ценностей я назвала бы толерантность, терпимость к чужому мнению, непривычному облику, нетрадиционному поведению, вообще ко всему, кроме того, что резко нарушает законы человеческого общежития, что было отвергнуто как позорное прошлое. Толерантность не безгранична, она включает в себя нетерпимость к нетерпимости; ведь фашизм — это прежде всего воинствующее неприятие чужого.

Советские «черные»

Вспышки национализма и вражды к «пришлым», хоть и случались в ФРГ прежде, в нынешнем своем обостренном варианте шли с Востока, из «новых земель», где годами и десятилетиями утверждалась фальшивая, показушная мораль «братства социалистических народов». ГДР, где вся вина за прошлое лицемерно возлагалась лишь на «другое», «империалистическое» немецкое государство, механически внедряла в сознание своих граждан набор антифашистских идеологем; но как всякая насильственная кормежка они не усваивались, отторгались, хотя на поверхности все было безмятежно и гладко. В итоге оказалось, что какая-то часть восточногерманской молодежи куда более подвержена воздействию националистических идей, чем сверстники на Западе: такова цена лжи и цинизма как государственной политики.

В конце 70-х годов вез меня на машине в кельнский аэропорт молодой водитель из советского посольства; он совсем недавно приехал в ФРГ, не очень уверенно чувствовал себя на автобане. Но зато вполне ориентировался в обычаях и нравах. Когда я заметила, как пустынно дороги и улицы — а дело было воскресным утром, — молодой человек тут же объяснил: «На выходные дни немцы все из города уезжают. А тут только всякие турки и прочие гастарбайтеры ошиваются». Я всегда вспоминаю этого молодого водителя, когда в московских очередях слышу разговоры о «черных», скапующих все продукты (сначала я думала, что «черные» — это негры, а потом оказалось — «лица кавказской национальности»). Или — как же без этого! — о евреях, которые «занимают все ключевые посты в государстве» и у которых «все схвачено». В ФРГ же ни один уважающий себя человек не станет пренебрежительно говорить об иностранных рабочих, иммигрантах, беженцах — это просто дурной тон, это среди интеллигентных людей невозможно. И при слове «еврей» никто не ухмыльнется и не начнет рассказывать похабные анекдоты. Один мой давний немецкий знакомый сказал мне как-то запомнившуюся фразу: «Гитлер навсегда отучил нас подчитать, какой в ком процент чужой крови».

Чувство вины и индивидуальной ответственности за содеянное фашизмом определило духовную атмосферу этой страны, как и особую интонацию послевоенной западногерманской литературы. Преодоление прошлого стало стержнем общественной дискуссии. И каким бы поверхностным и неудовлетворительным порой ни был этот процесс, он не прекращается до сих пор, накладывая отпечаток на обсуждение любой общественно значимой, острой проблемы.

Кажется, не было в минувшие месяцы темы, более волнующей немецкое общество, чем «Штази» (служба госбезопасности ГДР) и ее архивы, постепенно раскрывающиеся такие факты и обстоятельства, что у немцев в «старых землях» просто дух захватывает. Еще совсем недавно обладавшие безупречной репутацией граждане оказываются банальными осведомителями или даже высокопоставленными штатными агентами.

Но и в этой дискуссии, которая не может не разжигать страсти, все же преобладает дух интеллигентной сдержанности. Идет совместное осмысление ситуации. Толерантность, воспитанная за четыре с половиной послевоенных десятилетия, сказывается и здесь, как и в дискуссии об усилении национализма и вражды к иностранцам. Урок немецкого, к которому так полезно прислушаться, есть, как выясняется, в первую очередь урок толерантности.

Если позволит Додо

Из семи глав правительств Нигерии трое убиты, трое насильственно отстранены от власти. Генерал Ибрагим Бабангида — нынешний глава администрации в Лагосе — надеется с почетом уйти в отставку

Меня пригласили на встречу с вождем племени йоруба в Абеокуту. Сто километров дороги от Лагоса — и никакого радующего глаз ландшафта: одни заводские корпуса, административные здания, линии электропередач... У европейцев это побережье Западной Африки получило зловещее название — Могила белого человека. Жара, малярия, другие тропические болезни косили когда-то ряды белокожих торговцев, солдат, чиновников... в общем, всех тех, кто, по словам великого Киплинга, нес тяжкое «бремя белого человека» среди «угрюмых племен, полудьяволов и полудетей». Вот ведь парадокс: мы, белые, удивляемся цвету кожи африканцев, а они — нашей красной, опаленной на солнце коже, острым, как у птиц, носам, тонким губам... Йоруба называют белых «ойибо» — людьми, потерявшими цвет, выгоревшими на ветру. Но для всех — и белых, и черных — здесь царствует Додо — злой дух, обитающий, по поверьям, в зарослях или в водоемах.

Среди гранитных холмов зажата Абеокута. От дороги бесконечными рядами тянутся насаждения деревьев какао. От сбора бобов, от колебания цен на них зависит жизнь крестьян йоруба — народа древней земледельческой цивилизации.

Малюсенькие лавки на каждом шагу предлагают товар или услуги на любой вкус. Да, это, конечно, не Париж, но зато какие вывески! «Лондонский портной. Фасоны европейские, цены африканские». Или — «Сапожник царя Соломона. Обслуживаю днем и ночью, но только не в кредит»...

Здесь гордятся скалой Олумо на восточной окраине города. Это две овальной формы каменные глыбы, поставленные одна на другую. Именно под скалой и встретил меня вождь (оба) племени йоруба — А.О.Шоэтан.

Наперегонки с вождем

Оба 61 год, у него две жены и много детей. Он является одним из четырнадцати советников большого оба из штата Огун. На молодом вожде ослепительно белая шелковая агбада — на-

циональная одежда, похожая на балахон. На груди — массивные и тяжелые коралловые ожерелья. У Шоэтана — сочно-черная кожа, что считается у африканцев символом здоровья и жизнеспособности. Разумеется, оба имеет высшее образование и, конечно же, получил его в Лондоне. «У нас не найдете оба без высшего образования», — с гордостью сообщает мне Шоэтан. Вождь — дипломированный инженер. Он не предается лени, хотя и имеет на это все основания. С утра до вечера гоняет вождя на автомобиле по делам своей фирмы «Сити инжиниринг», в которой он исполняет обязанности председателя правления и директора. Детям — никаких льгот и привилегий. Один из них — Дэвид — скромно служит в федеральном министерстве информации, хотя и носит почетный титул сына вождя. Так и крутится целый день оба: днем — по делам собственной фирмы, вечерами — ведет различные гражданские споры или заседает в консультативном совете при главном оба штата Огун.

Вождь, ведущий, как у нас принято говорить, здоровый образ жизни, предложил мне наперегонки взобраться по крутой винтообразной лестнице на вершину скалы Олумо. Стыдно признаться, но он опередил меня в этом соревновании, хотя его соперник лет на двадцать моложе... Отдышавшись, спрашиваю у оба: уважаемый вождь, там внизу, в долине, кипят политические страсти. Не угрожают ли они традиционным институтам власти?

— Нет. Здесь вам не франкофонские страны, где колонизаторы вождей разогнали и создали гнусные префектуры. Институт оба никогда не будет отменен в Нигерии. Власти в Лагосе перед принятием любого решения, которое касается штата Огун, приезжают сюда на совет — а это уже наше дело, признать их решение или нет.

— А как стать вождем?

А.О.Шоэтан доброжелательно улыбается.

— Надо прежде всего быть гражданином Нигерии. Затем есть два пути к завоеванию этого почетного звания. Один — по наследству. Скажем, мой старший сын таким образом станет вождем. Другой — по заслугам перед племенем йоруба...

— Второй путь сложнее и, наверное, практически невыполним...

— Не скажите. Вот

Национальный герб Нигерии. И ее президент Ибрагим Бабангида

Хранительницы вечного огня на горе Олумо

только что мы на совете присвоили звание вождя госпоже-Дабул...

— Сенсация?

— Нет. Эта женщина из нашего города, из племени йоруба. Она уехала учиться в Лагос. И там благодаря своим талантам и прилежанию основала и возглавила туристскую компанию «Дабул тревел эйдженси». Туристов, как вы уже догадались, она направляет в Абеокуту. Вот и весь гешефт. Город поправил свои финансовые дела, она разбогатела, довольны торговцы, предприниматели... Одним словом, мадам Дабул всерьез расшевелила наш муравейник. Ну чем не вождь?

Я не стал спорить с уважаемым обá. Вожди на то и вожди, что они всегда правы.

Нигерийский Марадона

Но все же жизнь более ста миллионов нигерийцев (каждый пятый африканец — выходец из Нигерии) зависит не от мифического покровителя йоруба Олумо и даже, при всем моем уважении, не от благосклонности обá, а от тех решений, которые принимаются в Лагосе.

Захватив в 1985 году власть у военного же режима генерала Бухари, Ибрагим Бабангида, прозванный в народе за свою изворотливость и нестандартные ходы «нигерийским Марадоной», уже после двух лет своего тоталитарного правления объявил программу ухода военных с политической арены. В августе прошлого года Бабангида отпраздновал свое пятидесятилетие. Вся его карьера связана с армией. Окончил нигерийский военный колледж, затем продолжил подготовку в Великобритании, Индии, США. Имеет большой вес в международных делах: с 1991 года — пред-

седатель Организации африканского единства.

После прихода к власти бригадный генерал предпринял решительные меры по стабилизации экономического положения в стране. В 1986 году была принята программа структурной перестройки. Ее разработали западные экономисты. Затем она была одобрена МВФ и ее согласился финансировать Всемирный банк. Западные банкиры знали, во что вкладывать деньги: Нигерия занимает 9-е место по запасам нефти и 5-е — по запасам газа. Одним словом, Бабангида пошел тем путем, который уже привел к успеху многие страны «третьего мира».

В то же время генерал поставил жесткий заслон гигантским и убыточным проектам страны, так называемым «белым слонам». Это, в частности, металлургический комбинат в Аджокуте, строившийся при содействии Советского Союза. Тот самый, который воспевался в советской печати как «стальное сердце нигерийской промышленности». Резко были снижены ассигнования на амбициозный проект строительства новой столицы в Абудже.

Стабилизировав экономику, предоставив счастливым шанс разбогатеть предприимчивым людям, создав фундамент общества — средний класс, Ибрагим Бабангида приступил к своей программе демократизации.

Стервятники против тягловых животных

Прежде всего была разрешена деятельность партий и общественных организаций, разработана новая конституция страны, как две капли воды похожая на американскую. На

переходный период созвана Конституционная ассамблея. Старым политическим волкам запрещалось «играть в политику». Решительный заслон был поставлен и перед организациями, проповедовавшими идеи «научного коммунизма».

За короткий срок в стране возникло 13 политических партий. Ознакомившись с их предвыборными манифестами, «нигерийский Марадона» пришел к выводу, что ни одна из них не заслуживает признания, ибо, по его словам, «лишь самые высокие моральные стандарты могут удовлетворить нигерийцев». И в октябре 1989 года Бабангида разогнал «аморальных политиков». Он отдал распоряжение создать две неплеменные партии и разработать для них такие программы, которые способствовали бы «единению и благополучию» Нигерии.

На арену политических страстей вышли две партии: одна, по замыслу Бабангиды, — «немного левее центра», другая — «немного правее центра». Финансируются они только государством. Партиям категорически запрещено принимать пожертвования как от местных жителей, так и от иностранцев. По правилам игры, продиктованным генералом, в декабре 1990 года состоялись выборы в местные органы власти, год спустя — на уровне штатов, а к 1 октября 1992 года, после всеобщих президентских выборов, власть от военных должна окончательно перейти к гражданскому президенту — представителю одной из двух политических партий.

Социал-демократическую партию — «немного левее центра» — возглавил бывший дипломат Баба Кингибе. Партия, на флажке которой изображен вставший на дыбы белый конь на зеленом фоне, выдвинула лозунг «пяти свобод» — от безлесья, бедности, невежества, эксплуатации и угнетения.

Национальным республиканским конвентом — «немного правее центра» — управляет Омогхегбе Икми, бывший архитектор, ставший предпринимателем — миллионером. На флаге НРК — орел на белом фоне. Суть лозунгов партии: свободное и справедливое предпринимательство, пища и вода для всех, впрочем, как и работа, бесплатное образование и медицинская помощь.

Рая на земле обе партии обещают добиться ровно за 900 дней.

Две партии непрерывно сутяжничают, поливают друг друга оскорблениями. Для социал-демократов члены НРК — «стервятники», для конвентистов эсдеки — «тягловое животное». Иногда доходит до рукоприкладства, до схваток «стенка на стенку». Но кровь пока не пролилась. Военные начеку.

Будь я нигерийцем, просто не знал бы, кому отдать предпочтение.

ние... Впрочем, вероятно, как и я, в неведении и сами нигерийцы. Во время последних выборов к избирательным урнам пришло не более 40 процентов избирателей.

Выборы по-нигерийски — это надо видеть! На зеленой лужайке выборщики выстраиваются в затылок портрета «своего» кандидата, образуя очереди различной длины. Причина — половину населения Нигерии составляют неграмотные. Выборы проходят с полудня до шести вечера. Военные тоже голосуют, но непременно в штатском. За день до выборов не работают магазины, банки, рестораны... За много верст не достать спиртного. Избирателям запрещено иметь при себе колющие и режущие предметы. Промеж двух очередей — вооруженные дубинками полицейские.

Уйдет ли «папа» Бабангида в отставку? Вполне возможно, что его могут «попросить» остаться у власти.

Нигерийцы опасаются, что в случае ухода военных от власти страна погружится в хаос гражданской войны и никто не сможет гарантировать территориальную целостность государства и продолжение экономических реформ. Вот мнение высокопоставленного чиновника в Абудже, пожелавшего остаться неизвестным: «Что бы ни произошло, я не думаю, что гражданские смогут продержаться больше одного года, армия во главе с Бабангидой вмешается вновь».

Кто знает, может, по вечерам генерал примеряет гражданское платье?..

Христиане, мусульмане...

«Нигерия — грязная, бессердечная, шумная, хвастливая, бесчестная и вульгарная страна... Короче говоря, это одно из самых неприятных мест на Земле» — эти слова вышли из-под пера крупнейшего нигерийского писателя Чинуа Ачебе. Представляю, что сказали бы отечественные «патриоты», осмелюсь кто-либо из русских писателей не то что сказать — просто подумать такое о России! В Нигерии между тем сие возможно. А сказаны были эти «богохульские» слова писателем в связи с тем, что уже 31 год его страну сотрясают межобщинные и межрелигиозные розни.

200 различных языков и диалектов. Постоянная драчка между тремя крупнейшими народностями: хауса, йоруба, ибо (вкупе 60 процентов населения). Есть крупные племена, но есть и такие, которые уме-

Вождь племени йоруба А.О.Шостан

щаются в одной-двух деревнях. Раньше и бумага с 5-м пунктом не требовалось: татуировки и племенные знаки на лице или груди владельца говорили обо всем. Сегодня люди на практике пользуются несколькими языками: одним — дома, другим — в офисе, третьим — на рынке... Власти пытались даже создать искусственный язык для Нигерии — «гуоса», но из этой затеи ничего не вышло. Вот и было принято тогда «соломоново решение»: ни один из языков не является официальным, а в делопроизводстве можно использовать на выбор английский, хауса, йоруба или ибо.

Христиане, играющие явно доминирующую роль в экономической системе страны и в привнесении западного образа жизни в Нигерию, обвиняют нынешнюю администрацию в пособничестве мусульманам. Острую ярость христиан вызвало вступление Нигерии в 1986 году в Организацию Исламская конференция (ОИК). Любопытнее христианам поддержит свои претензии статистическими выкладками: из семи президентов Нигерии пятеро — «северяне», то есть представители феодальных мусульманских правителей севера Нигерии. Сегодня из 10 министров лишь трое — христиане, из 17 генеральных директоров департаментов — только пятеро... Одним словом, христиане обвиняют мусульман во всех смертных грехах...

Католический архиепископ Лагоса Олунбунми Окиогие призывает к отпору мусульманского давления. «Вот увидите, обязательно будет братоубийственная война, — уверял

меня священник римско-католической церкви М.Дама. — Христиане чувствуют, что их приперли к стенке».

Недовольство, подогреваемое сверху, выплескивается наружу. И вот уже демонстрации христиан с лозунгом: «Нет — насильственной исламизации». Религиозный момент был во многом той пружиной, которая подвигла младшие офицерские чины на военный путч в апреле 1990 года. Он окончился неудачей. Несмотря на просьбы верховной католической церкви, «папа» Бабангида был крут: 42 человека были расстреляны по приговору специального военного трибунала. Вообще-то путч — дело привычное для Нигерии. Как-никак 7 попыток переворотов за 30 лет существования государства — дело нешутливое... Но местные политики тем не менее грустно почесывают затылок: как же все-таки опасны заговорщики! Группа в составе менее ста человек, имея финан-

совые средства в миллион долларов, чуть было не свергла правительство стомиллионной страны!

Мусульмане, гордящиеся тем, что Нигерия — одна из древнейших стран исламской цивилизации (первый хадж нигерийца в Мекку датируется 1124 годом), в свою очередь обвиняют христиан в «комплексе превосходства», в экстремизме, космополитизме и отсутствии патриотизма.

А что же правительство? Бабангида подчеркивает, что для администрации единственным критерием при перестановках в высших эшелонах власти являются личные качества, а не религиозная принадлежность. Когда исламские фундаменталисты пытались организовать беспорядки в штате Баучи, Бабангида, сам ревностный мусульманин, приказал войскам жестоко расправиться с бунтовщиками.

Вряд ли двум «ручным партиям» под силу удержать страну от экономического разора и столкновений на межрелигиозной почве. Обручем, стягивающим Нигерию в единое целое, выступают военные. Бабангида уверен, что при любом раскладе он и его друзья-генералы смогут удержать страну под своим контролем.

Если, конечно, позволит Додо...

Яков Боровой,
спец. корр. «Нового времени»
АБЕОКУТА — ЛАГОС — МОСКВА

Фото автора

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ИНТЕРВЬЮ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Олег Гордиевский:

Смертный приговор — моя награда

Бывший советский разведчик, ставший агентом британской Интеллидженс сервис, пришел на встречу с корреспондентом «НВ» Львом Елиным без обычного парика и грима

Олег Гордиевский делал прекрасную карьеру в КГБ. После нескольких зарубежных командировок он уже исполнял обязанности лондонского резидента. В мае 1985 года Гордиевского вызвали в Москву — якобы за новым назначением. На самом деле его ждали допросы с пристрастием. Гордиевский до сих пор не понимает, как на Лубянке узнали, что он более 10 лет работал на англичан.

После допросов изменника держали «под колпаком», но он таинственным образом исчез — и объявился в Англии. Такую «потерю лица» комитету было трудно пережить. И уж тем более казалось нереальным, что семье Гордиевского когда-либо удастся выехать в Англию.

«Новое время» писало тогда о деле Гордиевского с позиций прав человека. Лорд Николас Бетелл с наших страниц призывал не препятствовать воссоединению семьи.

В сентябре 1991 года новый шеф КГБ Вадим Бакатин открыл дверцу клетки, в которой шесть лет сидели Лейла Гордиевская и две ее дочери. Гордиевский и Бетелл встретили их в аэропорту Хитроу.

И вот — интервью для «НВ» в лондонском доме лорда Бетелла. Встреча началась с того, что Гордиевский достал из портфеля несколько документов и разложил передо мной.

«Совершенно секретно. Экземпляр № 1. Резидентам. Направляем указания... о планировании и организации работы подразделений Службы и заграничных аппаратов... тов. Горнову (кодовое имя Гордиевского. — Л.Е.), тов. Брауну, тов. Елину...»

И еще — «совершенно секретно. Резидентам». И опять — «тов. Елину». И подпись, правда, на мою не похожая.

— ?!

— Я тоже, когда начал читать ваши статьи в «Новом времени», удивился, — смеется Гордиевский. — Думаю, неужели «всплыл» тот самый Елин?

Оказывается, такой псевдоним избрал себе некий аналитик КГБ, работавший в лондонской резидентуре с конца 70-х до 1984 года.

— Очень сильный аналитик, — комментирует Гордиевский, — но злоупотреблял алко-

голем. Пил прямо с утра, на работе: ему море было по колено, знал, как его ценили... Но потом этот Елин, опять под хмельком, столкнулся в Москве с новым начальником — а тот трезвенник, на Крючкова равнялся. И в Лондон Елин больше не поехал. С тех пор не было в резидентуре хорошего аналитика...

Выяснив, что Елин Елину рознь, мы приступили к интервью.

Лев Елин. На телеэкране вы появляетесь в парике, в гриме. По фотографиям, которые публикуют английские газеты, я бы вас тоже не узнал. Вы считаете, угроза вашей жизни реальна?

Олег Гордиевский. Соответствующий аппарат у КГБ есть. В НКВД/КГБ давно существовала специальная служба, которая до войны занималась всякими мокрыми делами,

а в военные годы участвовала в организации партизанского движения. Потом эта служба готовила агентуру для будущих диверсионных групп на территории враждебных стран в случае конфликта. К ней принадлежал Олег Лялин, который сбежал в 1971 году. Поскольку Лялин все рассказал Западу, а кроме того, было ясно, что эта служба дублировала подобные службы в армии и к тому же в случае ядерного конфликта никакие диверсионные группы не понадобятся, ее сократили. Лишили независимого статуса и сделали маленьким отделом управления «С».

Однако, после того как эта группа сыграла большую роль в убийстве Амина в Афганистане и с общим похолоданием в международных отношениях, ее значение возросло.

В январе 1985 года генерал Юрий Дроздов, который отвечал и за эту группу, высказал мне ряд очень характерных пожеланий. Меня тогда вызвали в Москву, потому что всерьез готовили на должность резидента в Англии. Дроздов попросил подобрать данные о таинственных нераскрытых убийствах в Англии; достать легкие бронезилеты; прислать фильмы о всех английских подразделениях, которые действуют в специальных ситуациях, — как учебный материал. Они явно планировали террористические акции в 1985-м...

С другой стороны, я понимаю ваш скепсис: никаких политических убийств не было уже 35 лет, если не считать того, что КГБ прямо или косвенно помогал болгарам (убийство Георгия Маркова в

Олег Гордиевский — пока в парике, с накладными усами и бородкой

конце 70-х с помощью изготовленного в КГБ зонтика), восточным немцам.

Л.Е. Зачем тогда парик, грим, тайна?

О.Г. Знаете, когда существует даже гипотетическая возможность, что твою смерть планируют, что тебя ищут, это неприятно. А парик, грим... Я скрывался не от КГБ, в КГБ мои фотографии есть. Я скрывался от соседей: если бы они узнали, кто я есть, они бы начали говорить с прессой. Пресса даст мой адрес. КГБ мог послать агента, чтобы выяснить мой образ жизни, как это было с Георгием Марковым. Знали бы каждый мой шаг. Зачем лишний раз рисковать?

Теперь все это кончилось. Уже один журналист меня разыскал, другая журналистка написала, в какой школе собираются учиться мои дети... Прятаться становится бессмысленно.

Л.Е. Может быть, тогда я вас сфотографирую — без грима?

О.Г. Давайте подождем, пока я приму окончательное решение.

Л.Е. Я хотел бы уточнить, когда вы начали сотрудничать с британской разведкой. Центр общественных связей КГБ называет 1972 год, вы — 1974-й...

О.Г. Теперь говорят даже, что меня завербовали в 68-м! В КГБ вообще большие параноики. Воображают порой нечто невероятное. Например, было несколько публикаций, будто из-за меня пострадали нелегалы. Это полнейшая чепуха! Действительно, я с 1970 по 1972 год работал по нелегалам в Москве, но не знал никаких конкретных данных. А с 1966 по конец 1969-го я работал по нелегалам в Скандинавии. Сажал их тайком на советские пароходы, которые шли в Ленинград и обратно, продельвал всякие манипуляции с паспортами. Но до конца 1974-го я не сотрудничал с английской разведкой, и ничего английская разведка об этих нелегалах не знала! В КГБ, как выяснили, что Гордиевский — британский агент, стали думать, что я был агентом чуть ли не со студенческой скамьи. И все, что случилось с нелегалами в 60-х годах, начали на меня валить!

Л.Е. И так, конец 74-го...

О.Г. В 68-м, после вторжения в Чехословакию, я просто принял решение, что надо что-то делать против этой системы. Я стал окончательным диссидентом, причем таким, который хотел практически что-то делать.

Л.Е. После того, как вы были вызваны в Москву и вас допрашивали, держали «под колпаком», вашим бри-

«Совершенно секретно. Товарищу Елину...» Но это был не настоящий Елин

танским друзьям не приходила в голову мысль, что вы перевербованы?

О.Г. Нет, англичане проявляли ко мне трогательное доверие. Даже в первый период сотрудничества они мне рассказывали, как работает их государственная машина, делились важной информацией, помогая разузнать последние предсказания о Западе. Когда я приехал в командировку в Англию, меня встретили как старого друга.

Л.Е. Вы, очевидно, приложили большие усилия, чтобы оказаться в Лондоне?

О.Г. Да, большие усилия.

Л.Е. Как это делается в КГБ? Долгие карьерные игры? Ужин в ресторане?

О.Г. Главная трудность была в том, что я все годы не мог заняться изучением английского языка. Учил немецкий, потом шведский, потом датский, потом французский. По какому принципу это делалось? Вот, например, в Аргентине то ли в 70-м, то ли в 71-м поймали нелегалов, с которыми я встречался в Скандинавии. А я уже сидел в Центре и ничего об их провале не знал. Руководство КГБ автоматически считало, что, если советский нелегал пойман, значит, он все расскажет. Героический образ советского разведчика — это для печати... Значит, если ты с нелегалом один раз встречался в Копенгагене, он тебя обязательно опишет, и противник будет знать, что ты, Гордиевский, — сотрудник КГБ. И мне кто-то нечаянно проговорился: все, ты засвечен. И дали мне французский учитель, чтобы послать в Алжир или Марокко.

Но пришел другой начальник, сказал: «А плевать, что ты засвечен, мы все засвечены». И перетя-

нул меня в скандинавско-английский отдел. Вскоре я стал ходить на курсы английского языка. А потом никак не могли найти подходящего кандидата на ту должность, которая была в лондонском посольстве. И я начал потихонечку предлагать свои услуги.

Л.Е. И так, вы поехали в Англию, никого не сводив в ресторан? Позвольте вам не поверить...

О.Г. Нет, конечно, я пригласил к себе Грушко — он стал потом заместителем председателя КГБ, а теперь в тюрьме сидит. Мне Михаил Любимов сказал: «Пригласи Грушко домой. У тебя ребенок родился — хороший предлог».

Л.Е. Я знаю, вы отказались от интервью с Урмасом Оттом. Но и мне хочется спросить: сколько вы получали от англичан? Шли какие-то деньги на счет в Лондоне или Цюрихе?

О.Г. Англичане мне сказали: если хотите, мы будем вам платить. Я ответил, что работаю по убеждению, мне платить не надо. И все, никаких выплат не было. Потом, в середине нашего сотрудничества, они говорят: вы отказались от того, чтобы мы вам платили деньги, но в прошлом месяце мы решили переводить небольшую сумму на ваш счет — к будущей пенсии. В течение нескольких лет они так и делали. Вот и все. То есть это было достаточно бескорыстное сотрудничество. Особенно в начале, когда я был большим идеалистом.

Потом я начал задумываться о будущем. В 1980-м и 1981-м у меня родились дети. Но я все равно был тогда в Москве и ничего изменить не мог. А в 1982 году я англичанам говорю: знаете, дело уже жареным пахнет, и, если все не кончится катастрофой, я должен буду остаться на Западе.

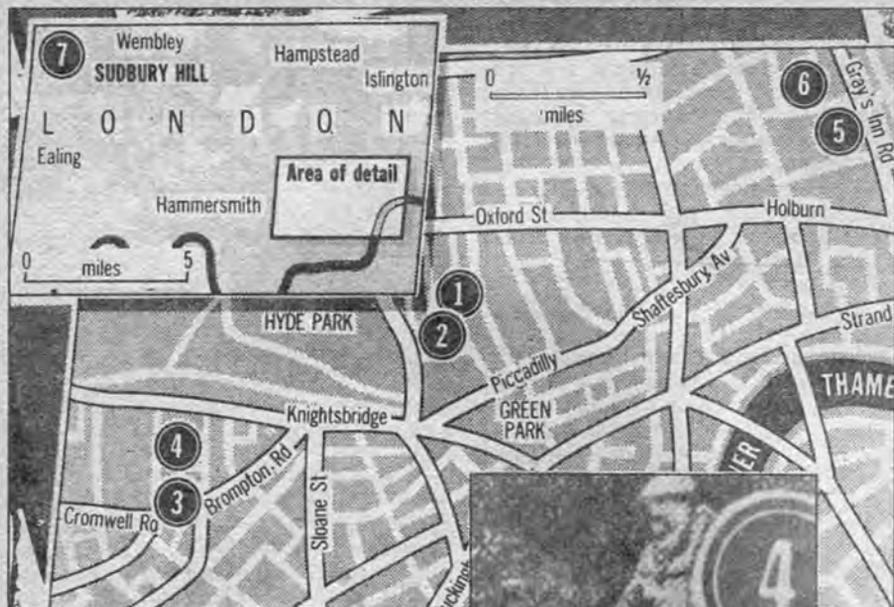
Л.Е. В итоге вы состоятельный человек?

О.Г. Я достаточно обеспечен. На все те деньги, которые были положены на счет, я купил дом (прекрасный по нашим меркам, но абсолютно рядовой — по английским. Дом Гордиевского стоит приблизительно 150 тысяч долларов. — Л.Е.).

Л.Е. Вы консультант-редактор журнала «Интеллидженс энд Нэйшн Секьюрити». Это ваш основной стабильный заработок сегодня?

О.Г. Нет, это мой стабильный титул. Помимо той небольшой пенсии, которую мне платят, для меня источник доходов — статьи, книги (первая книга Гордиевского, написанная в соавторстве с Кристофером Эндрю, стала бестселлером. — Л.Е.) и то, что я получаю как консультант. Например, какая-то американская корпорация приглашает меня на пару дней читать лекции своим чиновникам.

Л.Е. Несмотря на множество ваших интервью, статей и даже две

На этой карте, составленной Гордиевским, отмечены тайники, которыми КГБ пользовался в Лондоне до 1985 года. Один из них — за статуей святого Франциска Ассизского у церкви Святой Троицы...

книги, в вашей истории есть еще «белые пятна». Так точно и не известно, как вы перешли границу, когда бежали в 85-м из-под жесткой опеки КГБ.

О.Г. У меня есть собственное представление о том, что можно говорить, а что нельзя, но есть и пожелания со стороны английского правительства не рассказывать некоторые детали. Как бы то ни было, я опровергаю выдумки КГБ. Они выдумали версию и через своего агента Виктора Луи распространили ее в конце 85-го года: якобы меня в Москве подхватил микроавтобус, меня доставили в посольство, а ночью вывезли оттуда в дипломатической машине («как в консервной банке» — цитирую Центр общественных связей КГБ. — **Л.Е.**). Это полная чепуха.

На самом деле я сел на поезд, поехал в западном направлении, ехал ночь, потом еще полдня пробирался сквозь лесистую местность и достиг границы пешком.

В одном городке около границы я вошел в кафе. Вскоре туда вошла группа — явно «наружка» (наружное наблюдение, слежка КГБ. — **Л.Е.**). Мне оставалось два часа до пересечения границы... Они явно обратили на меня внимание. Я закончил еду, вышел — и пошел в противоположную от границы сторону: показать, что мне туда не надо. Двадцать минут прошло, смотрю — никого за мной нет...

Через несколько часов я оказался на территории другой страны. И скоро на самолете — в Англию.

Л.Е. Из ваших слов можно заключить, что вы действовали по заранее разработанному плану...

О.Г. У меня был план, впервые

составленный в 1977 году, и он восемь лет ждал своего осуществления. Естественно, план совершенствовался.

Л.Е. Чтобы знать точный час (а вы сказали, что до перехода оставалось два часа), вы должны были в последний момент связаться с англичанами.

О.Г. ...

Л.Е. Похоже, это была граница с Финляндией.

О.Г. ...

Л.Е. Вы по-прежнему связаны с теми, на кого работали больше 10 лет?

О.Г. Я с английской разведкой сейчас не работаю. Первые год-два я с ними общался, составлял разные аналитические бумаги. Но теперь я просто свободный человек. Могу преподавать, заниматься бизнесом, писать.

Л.Е. Вам приходится выступать перед секретными агентами? Преподавать в английском эквиваленте андроповского института?

О.Г. Начну с того, что параллели тут вряд ли уместны. КГБ был огромной машиной. Я когда-то написал, что в Первом главном управ-

лении работают 12 тысяч человек. А недавно объявили — 16 тысяч! А еще есть огромное ГРУ. В демократических же странах, за исключением Соединенных Штатов, разведки и внутренние службы безопасности (контрразведки) очень маленькие. Если говорить о Великобритании, то их «ПГУ» — это крошечный отдел. Очень скромный, очень бедный и чрезвычайно ограниченный законодателем в своих действиях. Когда я говорю на Западе, что андроповский институт выпускает каждый год для ПГУ 300 человек, никто не верит. У Британии и школ-то таких нет. Какие-то курсы по два-три месяца — вот и все.

Естественно, иногда я выступаю на этих курсах.

Л.Е. Как эксперт по КГБ, предупреждали ли вы англичан о возможности путча в СССР?

О.Г. Я написал статью (она была напечатана 6 января 1991 года в «Санди таймс»), где предсказал путч. Предсказывали многие, в том числе и ваш журнал, — просто я получил хорошую трибуну. Я видел, что вся советская административная система — КГБ, армия, военно-промышленный комплекс — и демократизация, либерализация должны войти в такое противоречие, когда конфликт неизбежен. А тут как раз очевидный сдвиг вправо, Крючков и компания, которые сначала говорили о сотрудничестве с ЦРУ, вдруг явно потеряли к этому интерес. Зачем-де нам с противниками якшаться? Начались разговоры о том, что Садам Хусейн не такой уж плохой... В общем, моей статье многие поверили. Сказалось и то, что за последние 5-6 лет с моей помощью (я не без гордости это говорю) Запад, особенно Британия и Соединенные Штаты, стал гораздо лучше понимать Советский Союз. Я настойчиво работал, выступал, публиковал документы КГБ.

Л.Е. Крючков как-то в интервью нашему журналу сказал: КГБ сотрудничает с западными спецслужбами в том, что касается борьбы с терроризмом, предупреждения покушений. Было ли это лишь данью либеральным веяниям или Крючков говорил правду?

О.Г. Все годы, которые я был в КГБ, по линии КР (это одно из трех главных направлений работы КГБ — контрразведка, проникновение в спецслужбы противника. — **Л.Е.**) время от времени приходили телеграммы резиденту примерно такого содержания: пожалуйста, поручите офицеру безопасности (а в тех случаях, когда офицера безопасности в советской колонии нет, попросите заведующего консульским отделом: он обычно доверенное лицо КГБ либо агент, а иногда просто хороший контакт) встретиться с представителем местной полиции и сообщить ему следующую информа-

цию... Информация была обычно о каких-либо планах террористов, но... Всегда было очень большое «но». Почти никогда не было сведений о действительно опасных европейских террористах, скажем, из республиканской «Фракции Красной Армии», красных бригад. Поскольку немецкую Красную Армию прикрывала ГДРовская «Штази», КГБ притворился, что ничего об этом не знает. Или, скажем, для англичан была важна информация о террористах из Ирландской республиканской армии. Им КГБ не помогал, но было такое чувство, что раз они борются против британского империализма, то вредить им нельзя...

Л.Е. О чем же все-таки сообщали?

О.Г. Как правило, это была информация по тем арабским группировкам, которые в КГБ рассматривали как недружественные. Большинство были дружественные, а «плохиши» — это те, которые с Арафатом и с коммунистами враждовали. И еще сообщали об армянах, когда они планировали акции против турок.

Л.Е. Некоторые сотрудники госбезопасности, бежавшие на Запад, сейчас добиваются реабилитации, отмены приговоров. Вы об этом подумываете или долгие годы работы на иностранную разведку исключают подобный шаг? Сложнее доказать свое диссидентство?

О.Г. Я рассматриваю преследования в Советском Союзе, смертный приговор не как дискриминацию, а как награду. Лучших людей России либо перестреляли, либо они сумели бежать. Приговорив к смертной казни, меня причислили к числу этих лучших людей России. Мне будет жалко, если этот приговор отменят. И я никаких ходатайств посылать не буду. Это во-первых. Во-вторых, я всегда прекрасно осознавал, насколько оболванено советское население. Я считал, что если меня кто-то поймет, то — в других поколениях, в совершенно новой России. Какое-то понимание, хотя и очень ограниченное, которое проскальзывает в некоторых статьях, кажется просто невероятным. Мне этого вполне достаточно, и требовать большего — полной реабилитации — я не хочу.

Л.Е. Но вы действительно верите, что это возможно?

О.Г. В Чехо-Словакии, например, всех, кто сотрудничал с Западом, рассматривают как национальных героев и просят вернуться, чтобы объяснять, как вести дела с Западом, помочь наладить связи. Вот эта страна стала по-настоящему демократическая! Я там, кстати, побывал. Я посетил 25 стран за последние годы, но Чехо-Словакия — это номер один. И то, что они сделали со своими службами, для меня образец. А то, что происходит в бывшем Союзе...

Карты тусуют, тусуют, тусуют, но ни одна со стола не упала. Все тот же КГБ. Вот Примаков сказал: ликвидируем журналистские прикрытия! Но ни один журналист от КГБ не уехал домой.

Л.Е. Вы называли мне имена сотрудников КГБ, работающих под журналистским прикрытием. Но они ведь все засвечены...

О.Г. Когда Лялин сбежал в 1971 году, когда Носенко сбежал в 60-х, это рассматривалось как катастрофа. Отзывали тех, кого знали Носенко и Лялин. Потом Джон Бэррон написал книгу «КГБ», представил обширный список сотрудников комитета. Каждому из них в личное дело всунули листик: «проходит по книге Бэррона». Значит, если будут посылать за границу, надо семь раз подумать. А потом и книг стало больше, и статей, и высылки, и побегов. В 1984 году сбежал полковник Кутергин, который 17 лет работал на ФРГ. Он теперь очень прячется, не выступает — самый малоизвестный перебежчик. А по времени работы на Запад ему нет равных.

Ну и вот, все эти проколы постепенно приучили КГБ: если отзывали каждый раз, когда кто-то сбежит или статья появится в газете, за границей никого не останется...

Л.Е. Мне раньше приходилось слышать, что сотрудников КГБ легко отличить от «чистых» дипломатов и журналистов по тому, что у них — прекрасные машины. И еще — журналисты от КГБ к 9.00 являлись в посольство. Так ли это?

О.Г. Почти так. Машины дают далеко не всем дипломатам, но в КГБ каждый оперативный работник должен иметь машину. Если ему надо уроки взять, ему автоматически дают деньги на уроки.

Не обязательно, чтобы все комитетчики-журналисты приходили к девяти в посольство. Это уж слишком. Но они знают, что жить вне резидентуры невозможно. Во-первых, им надо писать свои многочисленные бумаги, а во-вторых, типично карьерное соображение (у англичан такого нет) — надо, чтобы начальство их видело. А то резидент сразу начнет роптать: «А где же товарищ Иванов Иван Иванович? Чего-то его не видно». Ему говорят: «Иванову нечего делать в посольстве. Он вроде как журналист...» — «А кто работать будет? Его что, сюда работать прислали или свое прикрытие охранять? Чтобы каждый день тут был во столько-то!» И особенно нервничают все КГБовцы в шесть часов: вдруг вызовут? А ведь после шести журналисту в посольстве действительно делать нечего. Рабочий день кончается. И как пробьет шесть, они бегут от своего начальства. А некоторым не удается — и уж тогда им конец. Абсолютно ясно, что это не журналисты.

Л.Е. В вашей второй книге «Инструкции из Центра» меня больше всего поразили секретные директивы КГБ, касавшиеся «программы предупреждения ракетно-ядерного нападения Запада». Прежде я полагал, что, когда советские лидеры в 70–80-е говорили о ядерной угрозе с Запада, они занимались чистой пропагандой. Но, оказывается, руководство КГБ искренне верило в такую угрозу — и соответственно строило работу мощного аппарата разведки!

О.Г. Англичане и американцы были просто поражены, когда я показал эти документы. Они не могли представить, какая степень невежества и паранойи господствует в советском руководстве. В 1988 году Крючков выступал на конференции в МИД, где собрался советский внешнеполитический истеблишмент. И даже тогда он продолжал говорить: не просмотреть, не прозевать ракетно-ядерное нападение...

Л.Е. Из вашей книги я узнал и о том, что еще в 70-е КГБ был обеспокоен якобы имевшими место попытками Запада поставить Советскому Союзу негодное зерно по завышенным ценам. От резидентур требовали «вскрывать подобные факты». То же самое мы услышали от Крюčkова незадолго до путча. Руководители были последовательны в своей паранойе... Но как реагировали на подобные директивы оперативные работники?

О.Г. В резидентуре даже самые тупые понимали, что это полная глупость. И с зерном — глупость. И не планируют ни Англия, ни США никакой ядерный удар по Советскому Союзу. Но задание было писать каждые две недели. Резидент, который был при мне, рассуждал так: центр есть центр, что начальник скажет, то и будет. Глупо, умно — им видней. Может быть, в этой глупости есть какой-то политический смысл?

И вот начинали выискивать. А это очень трудно... Но, к счастью, американцы начали размещать крылатые ракеты. Значит, завоз крылатых ракет, размещение, мониторинг... КГБ шлет шифровки по газетным материалам.

Потом такая глупость: вычитают, что началась реконструкция портовых сооружений в каких-то городах. Ага — стратегическое строительство для переброски резервов из США на случай военного конфликта с Советским Союзом!

Планируется новая автострада или улучшается одна из старых — тоже сойдет как подготовка к войне. Кампания по сбору донорской крови, которая здесь проводится каждый год, трактовалась как приготовление к ядерному удару.

Л.Е. После шести лет ваша семья воссоединилась. Было ли упорство

советских властей для вас неожиданным?

О.Г. В общем, от этих людей всего можно было ожидать. С другой стороны, за мою семью ходатайствовали Тэтчер, Мейджор, Рейган, Буш, не говоря уже о руководителях Форин офиса, госдепартамента США. И никакого влияния это не оказывало ни на КГБ, ни на МИД, ни на Горбачева, хотя они явно нарушали международные соглашения в области прав человека. Кстати, ко всем, кто по каким-либо причинам бежал из США, Германии, Великобритании в СССР, безо всяких ограничений ездят дети, родственники...

Л.Е. Как складывается жизнь вашей жены Лейлы и дочерей в Англии?

О.Г. Все хорошо, дочери пошли в английскую школу. Один раз только сказала советская отрыжка. Жена пошла в консульский отдел какую-то доверенность оформить, а консул посмотрел в ее паспорт и говорит: а вы знаете, что у вас виза частная? Если поедете обратно в Союз, придется снова подавать ходатайство на выезд... Она: как же так? Мне же англичане дали визу на постоянное проживание. Разве вы не можете оформить мне такую же выездную? Он: нет, придется вам все сначала начинать.

А это огромный риск. Вдруг ей опять начнут мстить за меня, как шесть лет мстили? Лейлу пригласили на презентацию моей книги, которая должна выйти в Москве в январе. Но я колеблюсь.

Лейла все шесть лет и два месяца пробыла под ежедневной слежкой. Можете себе представить? Две-три машины, круглосуточно, шесть лет. Кроме того, квартира прослушивалась и, очевидно, квартира брата, квартира моей сестры, квартира родителей — четыре квартиры. Все это выливается по старым ценам в 40 миллионов рублей, а по новым — в 100 миллионов! Бессмысленная трата денег на слежку за женщиной и двумя маленькими детьми.

Л.Е. У вас остались друзья в России?

О.Г. У меня есть некоторые контакты, но те, кто был связан со мной и работал в МИД, КГБ, — они и сейчас боятся. Внутренний страх быть с предателем в связи. Моя жена, естественно, оказалась в страшной изоляции. Жена предателя... Слежка всех отпугивала. И тем не менее вместе с ней было два ее брата, родители — и несколько верных друзей. И был один человек в КГБ, капитан Александр Федотов. Это изумительный случай.

Федотов — технический работник, он был в командировке в Англии. В 85-м в Москве он навещил меня уже в последние дни перед побегом: пришел подбодрить. И говорит: «Вы же понимаете, мы живем в

тоталитарной стране». Я в ужасе: квартира прослушивается, они все записывают. Выгонят Федотова! И выгнали — через несколько месяцев после моего ухода. Он и его семья все эти годы продолжали поддерживать мою жену. Федотов основал кооператив. Он талантливый, мастер на все руки. Вот с такими людьми мне хочется поддерживать контакт, отплатить им добром.

Л.Е. А новые друзья — в Англии?

О.Г. Сначала это были дипломаты, разведчики, многие уже на пенсии — те, кто работал по России, Польше, Финляндии, Германии, Чехо-Словакии, Китаю, Болгарии, то есть люди с тем же бекграундом,

что у меня. Сейчас появился новый, очень хороший круг: это ребята с русской службы Би-би-си — Владимирова, Новгородцев.

Л.Е. Каким вы видите свое будущее?

О.Г. Никаких грандиозных планов у меня нет. Я напишу, видимо, биографическую книгу. И еще, что мне действительно нравится делать, — писать рецензии на книги, связанные с советской тематикой. Я опубликовал рецензии на последнюю книгу Горбачева, на книгу Ваксберга про Вышинского, на Волкогонова, я откликнулся на книгу Джорджа Блейка. Чувствую, что это мое призвание...

ИЗ ДОСЬЕ ОЛЕГА ГОРДИЕВСКОГО

Инструкция ПГУ КГБ СССР: О некоторых национально-психологических особенностях китайцев и учете их в разведывательной работе

№ 822/ПР/62
от 13 сентября 1976 г.

Резидентам

Китайские власти внушают представителям КНР за рубежом мысль о том, что советская разведка широко использует метод спаивания для вербовки агентуры. В силу этого расчет на угощение крепкими напитками китайцев, с тем чтобы они «развязали языки», мало себя оправдывает, так как китайские представители при одном только упоминании о водке испытывают известный страх и отказываются от угощения, еще больше уверовав в правильность сделанных им в Пекине или в посольстве предупреждений.

На наш взгляд, целесообразно угостить китайцев высококачественным чаем, фруктовыми соками, предложить пирожные, конфеты, бутерброды с деликатесами. Принимая во внимание тот факт, что сотрудники представительства КНР за рубежом питаются очень скромно, не говоря уже о строго лимитированном снабжении их дефицитными продуктами, такой жест должен вызвать положительную реакцию китайцев. Их настороженность по отношению к советскому человеку снизится и может, наоборот, смениться расположением, если вести с китайцами спокойную, непринужденную беседу на бытовые темы, без навязчивой идеологической полемики и назойливого интереса к служеб-

ным вопросам. И, конечно же, можно превзойти все ожидания китайцев, если у хозяина «случайно» окажется что-либо из китайских продуктов (цветочный чай, арахис, соевая приправа и т.д.) или предметы их национального реквизита (календарь, изданный в КНР, посуда, пейзажный альбом, китайская картина и т.п.)...

Китайцы очень ревниво следят за отношением иностранцев к женщинам своей национальности. Нельзя, например, брать китаянку за руку или под руку, произносить двусмысленные шутки и комплименты, затрагивающие внешность женщины, так как в Китае это не принято...

В Китае смешанный брак считается позором, не говоря уже о кратковременной связи женщины с иностранцем. Тем не менее до начала «большого скачка» китаянки не особенно строго придерживались правил морали в отношениях с иностранцами, если позволяли условия. Особое предпочтение они отдавали представителям некоторых наиболее «революционных» по мнению официального Пекина стран, например Албании.

Что касается китайцев-мужчин, то, как свидетельствуют примеры, они, находясь в долгосрочной командировке без жен, иногда поступают принципами и вступают в связь с иностранками.

Второго кота в мешок

Спор между президентом России и российским парламентом о том, стоит ли создавать объединенную структуру МВВД, вскоре должен решить Конституционный суд

Второй раз Конституционный суд России будет решать спор между парламентом и президентом, и второй раз этот спор касается вопросов обеспечения порядка в стране. В первый раз «яблоком раздора» были Чечня и город Грозный, где президент своим указом решил ввести чрезвычайное положение для восстановления конституционности. Напомним, спор тогда выиграл парламент. Теперь суду предстоит решить, насколько будет способствовать охране порядка создание единой службы МВВД на базе трех существовавших ранее ведомств — МВД СССР и РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и российского Агентства федеральной безопасности. Мнения на этот счет пока неоднозначны. В разведке царят хаос и растерянность. А в МВД России все больше сторонников того, что слияние неизбежно и необходимо.

26 декабря Верховный Совет РСФСР почти единогласно (при одном против) проголосовал против объединения органов МВД и бывшего КГБ. Парламенту показалось, что аргументы в пользу нового детища, представленные министром Баранниковым, выглядят не очень убедительно. На следующий день в МВД прошло совещание руководящего состава МВД РСФСР и СССР, МСБ и АФБ. Как утверждают очевидцы программной речи Баранникова, он поведal: народу надоела перестройка, только вооруженные отряды смогут обеспечить успех реформ. Затем, говорят, пообщался разоблачиться с теми, кто противится и противодействует слиянию.

В качестве таковых, вероятно, в первую очередь выступают члены четырех парламентских комитетов — по законодательству, по законности и правопорядку, по правам человека, по безопасности. Именно они первыми дали правовую и юридическую оценку указу Ельцина и напомнили: у нашей страны уже есть печальная история объединения органов милиции и госбезопасности.

Действительно, подобные слияния уже проводились — в 1932, 1940, 1948 и 1953 годах (последнее окончательно так и не состоялось: Берия пытался создать объединенное МВВД сразу после смерти Сталина, но не успел). Во всех же остальных случаях объединения предшествовали массовым репрессиям и кампаниям против инакомыслящих и политических противников.

Все эти карательные монстры в результате вновь распались на два ведомства, но отнюдь не потому, что демократические тенденции в стране уси-

ливались. Просто столь крупные и сильные организации в какой-то момент начинали угрожать не только гражданам страны, но и ее тоталитарному руководству.

Возможно, расформировывая объединенные ведомства, верховные власти хотели также избавиться и от односторонней информации о положении в государстве. Однобокость оценок в монопольном ведомстве, увы, неизбежна. Не случайно в США, например, существует не одно, а одиннадцать ведомств, чья работа в той или иной мере схожа с деятельностью упраздненных ныне МВД и КГБ. Такое многообразие позволяет, во-первых, получить более объективную и более квалифицированную информацию, поскольку каждое ведомство специализируется в своей области.

Во-вторых, многообразие органов охраны порядка снижает потенциальную угрозу демократическим институтам власти. Даже если между этими органами возникает «тайный сговор» наподобие августовского, то его легко проследить по характеру информации, предоставляемой «наверх». — в силу профессиональной специфики эта информация не может быть идентичной.

В-третьих, разграничение функций позволяет избежать перегибов и перекосов в сторону репрессий. МВД

всегда занималось пресечением и захватом тех, кто уже совершил преступление. В обязанности же госбезопасности входило отслеживать процессы, которые могут привести к совершению преступления. Где гарантии, что новое суперведомство не начнет очень быстро анализировать и также быстро «сажать»? Или вообще не переставит местами два вида работы?

Примечательно, что первыми восстали оперативные работники МСБ и АФБ. Должно быть, они, как и депутаты, тоже вспомнили историю: после слияния в 1932 году большая часть сотрудников госбезопасности — в основном специалисты-аналитики — подверглась репрессиям и уничтожению. Сталину объективный анализ был невыгоден... Уже сейчас ясно, что в немилость к новому руководству попадет как минимум одна группа из бывшего КГБ — сотрудники, занимавшиеся контролем за деятельностью МВД. А они, например, выявили, что около 75 процентов работников органов внутренних дел коррумпированы. Для России это процент, впрочем, чуть ниже — 52. За последние четыре года по материалам госбезопасности было осуждено 380 сотрудников МВД, уволено свыше 2300. Даже если оставить в стороне личную боязнь служащих госбезопасности, то кто после слияния ведомств будет проводить контроль за деятельностью МВВД, не на уровне государственных и политических интересов, а в реальной практической работе?

Есть и еще один аргумент, остановивший парламентариев от крупной ломки ведомственных структур. После путча в КГБ было проведено служебное расследование. Но даже оно не принесло серьезных практических результатов и перемен в руководстве ведомства. Из материалов этого расследования, опубликованных недавно в прессе, видно, что большинство руководящих работников остались на своих местах, а некоторые даже получили повышение. Потребовать генералитет оказалось не просто, но общество получило хотя бы возможность заглянуть в здание на Лубянке. Например, узнать, что в основном сотрудники госбезопасности путч не поддержали.

В МВД подобного расследования не проводилось. Кто знает, чем дышало и дышит это ведомство? И, влив КГБ в МВД, не посадит ли новое российское руководство второго кота в мешок?

И, наконец, оставив в стороне все «за» и «против», зададим вопрос: кому нужно создание организационного монополиста в правоохранительной области? Не исключено, что со временем этот вопрос выйдет на первый план.

Рисунок Виктора Богорада

Ирина Филиппова

Блаженны изгнанные правды ради

Их русский остался прекрасным и лица русскими

Алексей Аджубей

В спектакле, только что сыгранном в Московском театре имени Вл. Маяковского, творятся невероятные вещи. Недаром автор дал своей пьесе интригующее название «Кто боится Рэя Брэдбери?». В сюжетном клубке действуют три пары близнецов. Два брата — скульпторы, их жены-близняшки да еще старушки-соседки, похожие друг на друга как две капли воды. По ходу пьесы, правда, выясняется, что одна из сестер-старушек давно умерла и «хранится» в комнате под кроватью. Однако герои пьесы этого долго не замечают. Тайну старушек пытается выяснить «некто», как становится известно чуть позже — агент специальной службы. Он давно обнаружил, что старушек нет, а есть лишь старушка, которая морочит голову всем другим, успевая каждый раз появляться на сцене в платье своей скончавшейся сестры. Не подумайте, однако, что агент расследует какое-нибудь государственное преступление или ищет шпионку. Нет, его интересует другое: какими тайными снадобьями пользуется оставшаяся в живых «дама из прошлого», умудряющаяся без всяких институтов и прочего «научного обеспечения» содержать труп в нетленном состоянии. Это важно узнать для настоящего большого дела. «Ведь там, — агент многозначительно поднимает палец к небу, — все можно было бы упростить и удешевить...»

Белеет парус одиноко?

Но это, так сказать, гарнир пьесы, гротесковая приправа к более сложной и серьезной проблеме, разыгранной театром. Один из братьев-скульпторов — за «бугром» и преуспевает, другой — в Москве и весь в комплексах. Он и его тщеславная жена в мучительных раздумьях: не уехать ли вслед за удачливым братом?

Неожиданно в мастерской появляется «заграничная пара», приехали как снег на голову — богатые, громкие, раскованные. Веселая, а к

концу нервно-пьяная вечеринка оканчивается неожиданно. Приезжие не так счастливы, как казалось, и веселы вовсе не от легкости бытия, а от безысходной бравады. Братья и жены ссорятся. Московские не верят своим родственникам, и тогда те отдают им свои паспорта и билеты (на границе никто не заподозрит подмены, ведь они близнецы) и, как говорят, скатертью дорога, попробуйте сами.

На сцене появляется соседский мальчик. Он не замечает, что в мастерской другая пара. Медленно гаснет свет софитов, полутемнота туманит сцену. Неожиданно мальчик тоненьким голосом начинает читать Лермонтова: «Белеет парус одинокой в тумане моря голубом. Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?..»

Если бы автором пьесы был не Владимир Максимов, тот самый «злостствующий диссидент», которого тринадцать лет назад выдворили из Москвы, я бы подумал, что вижу «агитку» на тему: не покидай родину, нет счастья на чужбине. Но зрители знали, кто автор и что все это не выдумка, а собственные мироощущения и страдания писателя.

Аплодисменты были двойного свойства: и за спектакль, и потому, что на сцене появился автор, подтвердивший своим присутствием право говорить так, как он сказал.

«Белые» и «красные»

Три года назад, хотя мне кажется, что это было давным-давно, я пришел на русское кладбище в Сен-Женевье де Буа. Точнее сказать, оно было чисто русским некогда, а теперь принадлежит местному муниципалитету. Если и хоронят русских, то в старые могилы. Даже мертвым стало тесно. Только в конце восьмидесятых начали широко писать об этом городе мертвых, вспоминать имена: Бунин, Мережковский, Гиппиус, а теперь вот Тарковский, Галич, Некрасов. Я отыскивал их могилы, и вдруг что-то остановило меня. Среди белых как снег крестов я увидел небольшую пирамидку, а когда подошел ближе, прочел эпитафию солдатам и офицерам генерала Деникина. Чуть поодаль, на флангах, как в строю лежали плиты над могилами «дроздовцев», офицеров из армии Врангеля.

Последний приют «белых». А я рос «красным». Смутное ощущение какого-то душевного беспокойства и тоска погнали меня прочь. И вот я у креста над могилой Александра Галича. Всего одна строка на прощание от близких: «Блаженны изгнанные правды ради...»

Правды ради! Как непросто отыскать ее в самом себе, не выкрикивая громкие слова, не переметываясь в мгновение ока из одной краски в другую. Стоя здесь, я думал о том,

Париж, 1947 год. Встреча русских эмигрантов...

что некогда казалось незыблемым, упрощенно вечным и вот рассыпается в прах. Легко ли это? А тот, кому дается легко, искренне ли в нем прозрение? Лев Толстой справедливо заметил: прежде чем научиться говорить правду, необходимо научиться говорить ее самому себе.

Странная мода набрала у нас силу. Прославлять все «белое», казнить всех «красных». К виновникам российских бед уже отнесли декабристов, Герцена и народолюбцев, социал-демократов, даже Анну Ахматову. Максимов рассказывал мне, что кое-кто ставит ее в один ряд с поэтами-автоматчиками Грибачевым и Софоновым. Что уж там говорить о Ленине, большевиках в особенности, о кровавом диктаторе Сталине? Мне стыдно за тех, кто научился истоиво креститься, не обретая веры. Невольно думаешь — за чем же так громко!

Уже слышен в Москве колокольный звон, а где-то гортанное пение муэдзинов. Как не порадоваться тому, что уходит прочь нетерпимость и нравственное невежество и что человеку дается право верить в то, что он сам считает для себя святым, а не в определяемое командой. Вот-вот начнут собирать (или уже собирают) деньги на восстановление храма Христа Спасителя, взорванного в тридцатые. Я все ждал, что церковные иерархи скажут пастве: «Погодите, люди, не время сейчас, каждая копейка дорога. Восстановим Храм в душах своих прежде всего». Не услышал такого. А тем временем ни разу не видел ни цветка, ни склоненной головы у Триумфальной арки, воздвигнутой в память воинов первой Отечественной.

Сиротливо стоит покрытый серой краской каменный сарайчик на Новослободской улице в Москве. Встал около него, спросил у десятка прохожих: «Что это за сооружение?» Никто не ответил. А ведь сия часовенка создана на медные гроши оставшихся в живых солдат первого азовского похода царя Петра Великого.

Сровняли под нивелир Поклонную гору. Тщимся возвести памятник Победы. Как же так, без грандиозного монумента к славному 50-летию, а по всем просторам наших земель еще не захоронены кости павших. Да и сколько же их было — 20 миллионов, как сказал Хрущев, 27 — как мы узнали от Горбачева?!

Объявляли разные конкурсы на памятник Победы, но никак не решились вернуть сюда, в Москву, солдата из Трептов-парка. Пусть и не такое уж великое произведение создано скульптором Вучетичем, но это возвращение оправдано многими соображениями. Не в последнюю очередь иной, чем прежде, мерой наших отношений с Германией.

Не ждате же нам дипломатического уведомления от господина Геншера на сей счет. Я что-то не знаю подобных памятников Победителю в поверженной стране. Солдатским могилам на родной земле было бы куда спокойнее. При нынешних возможностях кто из близких сможет приехать поклониться родной могиле? В 94-м уйдет из Германии наша армия. Уверен, могилы и дальше будут содержаться в достойном порядке и убранстве. Но пусто будет в Трептов-парке в день поминовения павших.

За все этим какая-то суетность, душевное мельтешение.

«Бывшие» в яви

Так случилось, что вслед за пьесой Владимира Максимова я увидел документальный фильм Владислава Виноградова. Все та же тема — цена, заплаченная за возвращенную в наших душах ненависть к инакомыслию. «Русский дом» вне России. Как мы говорили еще совсем недавно об осколках бывшей царской империи. О «белых» из богоугодного заведения княгини Веры Кирилловны Мещерской. Снова кладбище Сен-Женевье де Буа. Снова могилы. Но фильм о живых. Оставшихся в живых. Им за восемьдесят, за девяносто.

Легко было сбиться на мелодраму. Или на прославление. Ничего этого в фильме нет. Да, мы знали, что белые генералы и офицеры становились шоферами такси, балабачниками и выпибалами в ресторанах. Как мы весело смеялись над сценой из фильма «Бег» по Булгакову, когда по Парижу в нижнем белье шел к другу миллионщику бравого генерал. Великолепные актеры Ульянов и Евстигнеев играли в карты, и голодный, а потому быстро захмелевший генерал лез лобызаться к миллионщику, и тот брезгливо отталкивал его от себя.

Все это мы знали. Мы не знали другого. Что они не только в могилах или пьесах. Они есть в этом мире. Соединили своими судьбами начало двадцатого и близящийся двадцать первый век. Мир людей из старой кинохроники, воспринимавший нами как-то отстраненно, ожил в портретах современной съемки. Нельзя было не подумывать: господи, неужели это они, «бывшие», в яви? Что скажут они нам в час тяжелых испытаний нашей стойкости, прозрения и надежд.

Нет ни тени самодовольства в их речах, в спокойствии лиц и, мне это показалось самым существенным, в невысказанном сострадании, как бы говорившем: «Мы пережили подобные времена, останьтесь людьми, не возвращайтесь к реваншу, не тщитесь себя надеждой мстить поверженным».

Их русский остался прекрасным и лица русскими. А то, что фильм сделал петербургский режиссер, сообщало съемке ту классическую простоту, какая присуща этому городу и его обитателям, бывшим и нынешним.

Дочь генерала Деникина, племянник царского адмирала Старка, священник на кладбище отец Силюян, многие другие.

Для меня соединимы размышления Владимира Максимова и лента о Русском доме. Но никогда не приму я истерики тех, кто кричит: «Все и всех под корень». Папанина, Чкалова, Королева, Ландау, Уланову, Шостаковича, а там уже и ближних — Ахмадулину, Любимова, Окуджаву, Айтматова, Высоцкого?! Договорились до того, что и умер-то он вовремя. Все, к чему был призван, спел — и хватил.

Незнание и невежество укладываются в простейшую формулу причины и следствия. Современный мазохизм, некое душевное истязание, копание в глубинах «загадочной» души, заполняет многие публикации. Но как многого мы еще не знаем! Всего одна цитата из очерка о Юлие Мартове, опубликованного только что в книге «Россия на рубеже веков».

Мартов, один из основателей и лидеров российской социал-демократии, идеолог меньшевизма, писал другу Н.Кристи в декабре 1917 года (письмо опубликовано прежде лишь в Нью-Йорке в 1959 году в сборнике «Мартов и его близкие»): «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с тем аракечевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве... Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, их высшим воплощением. А так как действительность сильнее всякой идеологии, потому под покровом «власти пролетариата» на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распушенностью, безответственностью и проч., то ужас берет при мысли, что надолго в сознании народа дискредитируется сама идея социализма... мы идем через анархию несомненно к какому-нибудь цезаризму».

Страшно узнавать очень многое из нашей истории. Но не узнавать еще страшнее.

Юбилей психушки

Во Всесоюзном институте общей и судебной психиатрии имени В.П.Сербского по-прежнему ни о чем не сожалеют

За два десятка лет — с конца 60-х до 1989 года — через институт по «протекции» КГБ прошли десятки известных диссидентов, среди которых были Леонид Плющ, Владимир Буковский, Есенин-Вольпин, генерал Петр Григоренко. Дабы облегчить чекистам борьбу с правозащитниками, все клиенты института признавались психически больными и невменяемыми — повод для содержания в больничных камерах и соответствующего принудительного лечения. Возможно, некоторые из психиатров, выполнявших заказ КГБ, были почти искренни. С их точки зрения, нормальный советский человек не мог бороться с самым прогрессивным и неизблемым режимом. За свое усердие в борьбе с инакомыслием институт удостоился ордена Трудового Красного Знамени и перехода из третьей во вторую категорию научных учреждений с соответствующим повышением зарплаты.

Отлучение советской психиатрии от Всемирной психиатрической ассоциации продолжалось до 1989 года. Условием возвращения в ассоциацию были реабилитация пострадавших и смена руководства института. Однако целый год эти условия замалчивались. Когда же они были опубликованы, то пункт о замене руководства был переведен столь туманно и невразумительно, что никто ничего и не понял. Тем не менее возглавлявшему в течение 30 лет институт академику Академии медицинских наук Георгию Морозову все же пришлось уйти. Правда, не на заслуженный отдых, а на должность почетного директора института и почетного председателя Всесоюзного общества психиатров. Реабилитация же

пока коснулась только одного генерала Григоренко, да и то так и не доведена до конца (см. «НВ» № 44/91). Те, кто подтасовывал историю его болезни, так и остались безнаказанными. В стороне остался и академик Морозов, уличенный в постановке заведомо ложного диагноза генерала.

И вот институту исполнилось 70 лет.

Юбилей был уникальной возможностью очищающего покаяния. Так оно поначалу и казалось, когда новый молодой директор института Татьяна Дмитриева назвала вещи своими именами. Однако вслед за-

тем на трибуну поднялся встреченный аплодисментами сам Морозов. В своем длинном докладе, представлявшем реестр заслуг института в развитии отечественной психиатрии, лишь однажды он позволил себе оговориться, сказав, что на длинном пути института «были трудные моменты, оценка которых может быть неоднозначной»...

Как особую заслугу Г. Морозов отметил 75 докторских диссертаций, защищенных в институте. Забыв сообщить, что большинство этих диссертаций не соответствуют требованиям Высшей аттестационной комиссии, в них под удобным руководством вывод подгонялись любые результаты исследований.

...Напор официальных

здравец был такой, что казалось, как мрачно пошутит один из известных профессоров, пришлет свои поздравления и ГУЛАГ. В самом деле пропитанность института сотрудниками КГБ, как официальными, так и работающими на общественных началах, была всегда на порядок выше, чем в других медицинских учреждениях.

А вот зарубежные коллеги юбилей института бойкотировали, если не считать, правда, кубинскую делегацию. И связано это в первую очередь с фигурой Морозова.

Недавно два известных американских психиатра — директор Американской психиатрической ассоциации Мелвин Сабшин и ведущий специалист по праву в психиатрии Лорен Рот (кстати, участник инспекций советской психиатрии в 1989 и 1991 годах) отказались от участия в симпозиуме, проводимом Институтом имени Сербского, из-за присутствия на нем академика Морозова.

Чиновничий дух — основная беда Института имени Сербского — вряд ли может быть изгнан из его стен при том положении, которое продолжают занимать в нем старые кадры, прославившиеся преследованием инакомыслящих.

Думается, что для Института имени Сербского это была еще и попытка сохранить себя в прежнем неестественном раздутым виде — конгломерата разнородных клиник, центров, отделов, объединенных чисто ведомственными интересами.

В июне прошлого года инспекторы Всемирной психиатрической ассоциации выпустили доклад, посвященный выполнению руководством советской психиатрии взятых на себя два года назад обязательств. Ознакомившись с докладом, Американская психиатрическая ассоциация потребовала переоголосовать членство советских психиатров во Всемирной ассоциации...

Юрий Савенко,
президент
Независимой
психиатрической
ассоциации

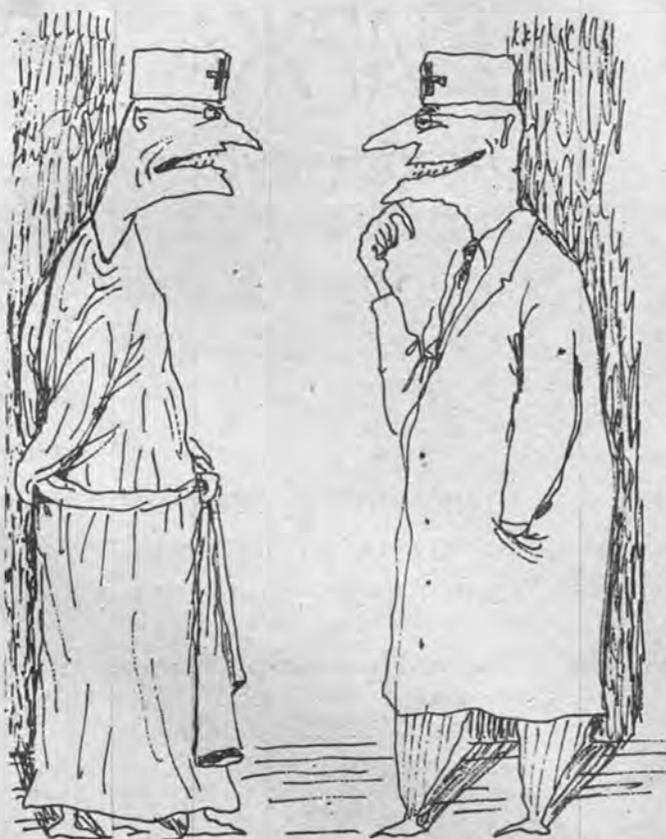

Рисунок Виктора Богорада

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФРАХТОВАЯ БИРЖА

*«Любое судно,
любые грузы
в любое место,
в любое время»*

Приглашаем к сотрудничеству всех, кто заинтересован
в перевозках грузов и пассажиров морем.
Мы рассмотрим любые Ваши предложения.

Наш адрес: 193015, Санкт-Петербург, Кавалергардская ул., 6.
Контактный ☎ (812) 271-81-59.
Факс (812) 274-29-66.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Через пару недель читатели смогут увидеть книгу Ги Сормана «Выйти из социализма» на книжных прилавках. Рукопись ее, правда, не горела в огне. Но тем не менее книга «горячая». Написанная по горячим следам перемен в СССР и «бархатных» революций в Восточной Европе. Написана очень быстро и по «горячей» линии издательства «Новости» издана у нас в стране. Написана талантливо — легко и ярко, в ней сочетаются энергичный деловой стиль и остроумие, авторское «я» и аналитическая ясность, точность формулировок. Впрочем, панегирики автору вряд ли что добавят к очевидным достоин-

ствам его произведения. Разумеется, кто-то обнаружит в представляемой работе и упрощения, кому-то авторская позиция вовсе не покажется оригинальной. Кто-то, пожалуй, будет разочарован тем, что автор вроде бы и не предлагает готовых и эффективных рецептов.

Не будем, однако, требовать от автора того, что выше его сил. В конце концов он ставил перед собой достаточно ограниченную задачу — доказать, что безвыходных ситуаций нет и что исторический процесс является принципиально открытым. В этих размышлениях Ги Сорман идет той дорогой, по которой до него уже прошли Дж. Стюарт Милль, Фридрих Хайек, Карл Поппер. На Западе эта дорога — уже давно гладкое асфальтированное шоссе. На Востоке — неустроенный проселок. Заслуга автора в том,

что он попытался составить набросок плана будущих авто-страд там, где их пока нет. И не надо обижаться, если суждения его порой задевают чьи-то чувства. Ведь он лишь констатирует реалии исследуемой местности. А уж в «социальной топографии» он искушен.

47-летний Ги Сорман уже издал шесть книг об экономике и политике. К его мнению прислушиваются сильные мира сего, а работы издаются и переиздаются во многих странах. Он занимается преподавательской и научной работой и издает книги не только во Франции, но и в других странах, в частности — в США. Блестящее образование (Институт политических наук, Национальная школа администрации и Школа восточных языков) и накопленный исследовательский опыт открывают

автору большой простор для обобщений. Следует к этому добавить и его огромную энергию, и особый интерес к Востоку Европы (в его жилах течет русская и польская кровь). Горячий сторонник свободы, Ги Сорман абсолютно свободен и в форме изложения. И студентом — как и четверых своих детей — тоже воспитывает в духе приверженности идеалам свободы и готовности за нее бороться.

Как выйти из социализма?

Ги Сорман

Итак, антикоммунистическая революция в Советском Союзе состоялась, хотя она и далека от завершения. А вот либеральная революция и вовсе не началась. Таково мое ощущение «пристрастного наблюдателя», сложившееся в результате исторических событий лета 1991 года... Однако не будем забывать о том, что речь идет о стране, где как раз идеи формировали историю в большей степени, чем где-либо, иногда даже чересчур... Именно в результате этого советские люди на 74 года стали заложниками убийственной идеи. Интеллектуальный долг нашего времени заключается в борьбе за верные идеи или по крайней мере менее ложные, но главное — те, что не убивают, а помогают жить...

Возникает вопрос: а необходим ли путь либерализма вообще и является ли он судьбой народов СССР? Я считаю, что ему нет доброкачественной альтернативы, которую могли бы предположить здравомыслящие люди. Конечно, вполне еще возможно вообразить возврат к коммунистическому тоталитаризму, но это стало бы несчастьем для народов. Нужно понять, что как идеология коммунизм умер, а как экономическая модель «биологически» истощен. Коммунизм... может продолжат существовать как некое товарищество, как клановое сознание, как способ защиты материальных интересов...

Однако остережемся иллюзии возможности лишь двух путей развития — коммунизма или либерализма. Немало и других, в частности националистический деспотизм, экономическую суть которого можно определить как государственный капитализм. Этот путь в условиях распада СССР может привести к узурпации

политических и экономических структур авторитарными режимами и их носителями в каждой республике. Новые деспоты будут, разумеется, считать себя более просвещенными, чем их предшественники, и под прикрытием национальных интересов заберут под контроль все материальные ресурсы, будучи при этом убежденными, что с помощью авторитарных методов смогут управлять экономикой более эффективно, чем частный сектор. Реализация такой модели развития, вероятная во многих республиках нынешнего Союза, приведет к угнетению национальных меньшинств и, быть может, к междоусобным войнам наподобие закавказских. Такие режимы не решат экономических проблем. В действительности экономическое развитие

способно возродиться лишь тогда, когда людей мотивирует частная собственность, а класс настоящих предпринимателей ведет дела предприятий, следуя экономической, а не политической логике. Только переход от государственной к частной собственности, от централизма к автономии, от политической аргументации к экономической целесообразности делает возможным, если не очевидным, медленное возобновление роста. Нужно сокрушить не просто данную номенклатуру, но и саму идею всякой номенклатуры. Искусение просвещенным деспотизмом, национализмом в качестве идеологии и государственным капитализмом сегодня представляет, на мой взгляд, главную угрозу для либерализма. Добавлю в пользу необходимости экономической и политической децентрализации, что зарубежная помощь окажется эффективной, лишь когда предприятия Запада смогут непосредственно вступать в деловые отношения с подлинными, из плоти и крови предпринимателями, а не с безликими организациями. Именно в этом смысле западная по-

мощь обусловлена предварительными реформами в СССР.

Не чреват ли либерализация, децентрализация, независимость республик опасностью balkанизации, неэффективности и гражданской войны? Нет, если экономика одержит верх над политикой. Революция — это хорошо, но кто в это время будет убирать картошку? В этом вопросе заключается настоящая озабоченность большинства граждан. Но никому не придет в голову покушение на соседа, если и сам он обрабатывает свою собственную землю, держит свою торговлю или работает за справедливую плату. Рыночная экономия в принципе настраивает на малоагрессивный, мирный лад в человеческих отношениях, а если она и бывает повинна в обратном этому свойству эффекте, то бурный характер последнего весьма маловероятен. Добавлю, что модель Европейского экономического сообщества показывает, как разные народы этой части континента, долгое время конфликтовавшие, смогли создать систему экономического обмена, которая обеспечивает гармоничное сочетание национальной специфики и общего материального процветания.

Либеральная революция в СССР предполагает существование либералов для ее реализации, настоящих либералов, а не болтунов, только и способных развесить потемкинские декорации с начертанными на них словами «рыночная экономика». Такие либералы есть, но они разобщены, плохо организованы и представляют не очень сильный противовес националистическому экстремизму и поспешно перекрасившимся коммунистам...

Коммунизм претендует на изменение человека, а либерализм, напротив, принимает и уважает его таким, какой он есть. Либерал может быть русским или украинцем, сохраняя глубоко национальные черты, и может исповедовать православие, униатство или атеизм. А вот коммунист должен быть коммунистом в первую очередь, а во вторую... тоже коммунистом. Либерализм, напротив, возвращает каждому его индивидуальность. Наконец, либерализм в отличие от коммунизма не является импортированной идеологией, это русская традиция, которая сопровождает весьма длительный период истории России. Прочитайте, например, Герцена, чтобы убедиться в этом...

Социализм, надо отметить, замечательно однообразен в противоположность капитализму, который может расцветать лишь в том случае, если прочно сочетается с национальными культурами. Такое единообразие социализма поражает и речь, и поведение, и эстетику. Ничто так не напоминает марксистскую речь кубинца, как речь северного корейца, а болгарский аппаратчик так похож на аппаратчика румынского!.. В большой степени это объясняется религиозным характером марксизма...

Под прикрытием лозунга экономической эффективности колхозы или народные коммуны являются прежде всего воссозданием родоплеменных структур. Парадокс социалистических институтов заключается в следующем: теоретически они основываются на научных исследованиях и на принципе экономической эффективности, на деле же оказываются архаичными, исходящими из достижений вчерашнего дня, что и объясняет их неэффективность. Ни одна из форм организации человеческого общества не является более реакционной, чем общество «передового социализма». Социализм отвергает в современности самое главное, присутствующее ей: индивидуализацию и бесконечное разделение труда. По причине такого родоплеменного уклада социализм не способен создавать богатства, он умеет лишь перераспределять дефицит согласно классической модели любой первобытной экономики...

Выход из социализма по своим последствиям вполне сравним с падением Римской империи. Мы присутствуем не при простом правительственном кризисе, а при событиях, которые выходят за временные рамки одного поколения. Руководители СССР, Китая и стран Восточной Европы делают вид, будто именно они организаторы этих событий, на самом же деле выход из социализма не направляется твердой рукой ни крупных государственных деятелей, ни каких бы то ни было исключительных мудрецов. Частично это объясняется неревOLUTIONНЫМ характером происходящих событий. Коммунистические режимы разрушились изнутри, причем разрушение это гораздо более быстрое и более глубокое, чем если бы оно произошло путем переворота, осуществленного организованной оппозицией, имеющей альтернативную программу...

Но преждевременно было бы либералам радоваться своей идеологической победе над социализмом. Более того, скорее можно опасаться обратного: как бы они не проиграли, не успев выиграть, и как бы переход от реального социализма к реальному либерализму не оказался невозможным! Именно в таком тяжелом положении оказались все политики-либералы на Востоке...

Отчего же действительно так тяжело проводить

длинную либеральную политику, которая, например, приватизировала бы сразу все предприятия? Не демократия ли противится этому, парализуя политические решения, подчиняя их бесконечным парламентским процедурам и вмешательству различных групп, оказывающих давление? Если это так, то невозможно одновременно стремиться к демократизации политики и либерализации экономики. Согласно этой же гипотезе именно сильному правительству надлежит сразу же поставить общество принять либерализацию.

В подтверждение этого тезиса следует заметить, что исторические прецеденты перехода к либерализму подчинялись именно такой схеме: в Испании — при Франко, на Тайване — при Чан Кайши, в Корее или в Чили — также при диктаторских режимах, в Японии — под властью мощного иностранного присутствия. Во всех названных случаях определенный деспотизм смог обеспечить в нужный момент реальные права и интересы граждан и вызвать возникновение среднего класса. Можно ли вообще говорить о демократии, не имея среднего класса? Поддержанный своими реальными правами, этот средний класс затем потребовал и получил политическую свободу.

Можно допустить, что такой метод (два этапа — экономическая либерализация, затем демократизация) был действительно исторически обоснован как наиболее эффективный, поскольку он предусматривает, что народы сами осуществляют свой выбор между просвещенным деспотизмом, либерализмом или любой другой формой государственного устройства. Однако История делается не так. Во всех названных выше примерах именно обстоятельства — будь то гражданская война в Испании и в Китае, мировая война и американская оккупация Японии, — привели к тем ситуациям, которые мы констатируем и анализируем апостериори. Желание воспроизвести их априори в условиях, совершенно не схожих, не имеет никакого смысла. Более того, как мы уже убедились, просвещенные деспоты, выступающие за либерализм, довольно редки. Поэтому лучше уж принять к сведению одновременные требования политической свободы и экономического благополучия в посткоммунистических обществах и задаться вопросом о том, возможно ли в этой реальной и беспрецедентной обстановке проводить одновременно и демократизацию, и либерализацию.

Существенного возражения против этого нет, глав-

Для возрождения общества нужны настоящие реформаторы, а не болтуны, расставляющие потемкинские декорации с плакатами «Рынок и народ едины!»

ное, чтобы в этих странах имелись бы либералы с собственной либеральной программой. Но чего больше всего не хватает на Востоке сегодня, так это либералов, выстоявших в интеллектуальных и моральных погромах социализма. Между тем, повторяю, реальная либерализация возможна при выходе из социализма только в том случае, если есть либералы, способные организоваться, предложить проект развития и установить тесные связи между собой и с либералами других стран. Социалистические интернационалы являются совсем не плохой моделью для активного либерального интернационала в СССР, Восточной Европе, Китае и странах «третьего мира». Такой интернационал предостигает организацию для распространения ее идей и проектов как внутри стран-участниц, так и за их пределами, а также для того, чтобы оказывать давление на государства и международные организации.

Можно ожидать, что на смену социалистическим империям на первом этапе придут не либеральные общества, а скорее всего разновидность авторитарных общественных форм. Среди форм, которые должны возникнуть, две, на мой взгляд, будут проявляться чаще всего: авторитарно-капиталистическая и неотрайбалистская (т.е. националистическая — Ред.) модели.

По отношению к историческим прецедентам можно назвать первую модель «франкистским и корейским» решением. Как и во франкистской Испании, вполне можно предвидеть появление новых режимов, в которых авторитарное правительство будет сосуществовать с частным капитализмом, или же как в Корее, где военное правительство объединилось с государственным капитализмом. В обоих случаях мы имеем вариант деспотизма, заботящегося о поступательном развитии подлинной рыночной экономики. Известно, что в Корее и в Испании эти модели постепенно эволюционировали в сторону реальной свободы как в политическом, так и в экономическом плане. Это, конечно, вовсе не означает, что подобный опыт может быть в точности воспроизведен где-то в другой стране. Тем не менее многие руководители восточных стран именно так и считают, что увеличивает вероятность попыток создания моделей, подобных испанской и корейской.

Хотя и следует вообще осторожно относиться к понятию «прогресса», применительно к человеческому обществу авторитарный режим, несомненно, значительно лучше, чем тоталитарный. Авторитарные правительства, как правило, не пытаются уничтожить гражданское общество, что оставляет свободное поле деятельности для личной инициативы. На этом авторитарном этапе, таким образом, может быть продолжена борьба за действительный выход из социализма.

Молодой француз, молодой немец чувствуют себя европейцами. Молодые советские ребята чувствуют себя русскими, казахами или латышами. Первые стремятся выйти за пределы своих национальных культур, которые расцениваются ими как скучные и архаичные, вторые стремятся раствориться в языке и обычаях своих отцов. Наш мир, стремившийся, как казалось, к единообразию, стоит сегодня на пути к раздробленности. Международный порядок, который, как считалось ранее, был поделен простой разграничительной линией между либерализмом и социализмом, сегодня перестраивается вокруг новых границ, делающих зигзаги между либерализмом, меняющимся социализмом и неотрайбализмом.

Очевидно, многие народы, выходящие из социализма, будут стремиться к неотрайбализму, являющемуся самой близкой к социализму идеологической формой:

шаг, который нужно сделать от одного к другому, действительно самый что ни на есть короткий. Неотрайбалистские общества будут авторитарными, хотя и не обязательно становясь такими же тоталитарными, какими были социалистические режимы. Они будут особенно суровыми по отношению к меньшинствам и свободным мыслителям, что предвещают широкие миграционные движения из неотрайбалистской сферы в сферу либеральную. Это вызовет в либеральных странах защитную реакцию, которая рикошетом ударит по неотрайбализму.

В либеральной сфере народы станут все более космополитичными, кочующими, индивидуалистичными и процветающими. В неотрайбалистской сфере отсутствие развития приведет к возврату к коллективизму, к этнической и культурной солидарности. Падение жизненного уровня народов будет подпитывать неотрайбализм, который, в свою очередь, будет препятствовать экономическому росту, поскольку либеральная этика, стимулирующая такой рост, противоречит неотрайбалистским верованиям. Федерация государств станет нормой организации либерального мира, феодальное же государство — нормой неотрайбалистского мира с его вереницей этнических и религиозных войн...

В этой разрозненной вселенной, вероятно, проявятся несколько полюсов,

которые станут для периферии образцовыми моделями по примеру Японии, ставшей эталоном успеха в Азии. Одним из таких полюсов могло бы стать Европейское экономическое сообщество — в случае, если оно откроет свои двери для стран Восточной Европы. Наиболее вероятно, что на Западе таким полюсом станет Германия, в то время как Япония в своей части света втянет (уже не в войну, а в экономический подъем) восточную часть Китая...

Но как воспрепятствовать тому, чтобы у потерявших терпение народов создалось впечатление, будто либерализм — всего лишь носитель политических иллюзий и экономических осложнений? Только путем активной борьбы.

Нельзя считать себя либералом, не будучи активным борцом. Я убедился в этом моральном обязательстве во время своей последней беседы с Фридрихом фон Хайеком, которого в один прекрасный день назовут самым прозорливым политическим мыслителем XX века... Опираясь на трость, со свисающей из кармана жилетки цепочкой часов, он преподал мне последний урок. «Будьте агитатором, — сказал он мне, — нас ведь так немного! Только капитализм может спасти от голода большую часть человечества!» Но что означает для либерала «бороться»? Ведь по своему темпераменту либералы — индивидуалисты и в них мало бойцовских качеств.

Бороться — значит прежде всего приводить факты, объяснять, что либеральные решения существуют, но их воплощение в жизнь в полном объеме пока не началось. Бороться — значит выставлять напоказ ложь и клевету, которые под прикрытием либерализации стремятся увековечить государства-левиафаны. Бороться — значит противостоять «святому союзу» между технократами Запада и Востока, предрасположенными исходя из своих интересов к увековечению сильных государств и слабых обществ... Союз политической свободы и рыночной экономики не является новым «концом Истории», а капитализм, разумеется, может быть заменен чем-то иным. Либерализм, как мне кажется, — всего лишь попытка найти решение проблем нашего времени при нашем скромном овладении Историей.

СПИДУ — 70 лет

Новая теория происхождения страшной болезни: темная сторона медицинских экспериментов

Опыт на заключенных в тюрьмах США, возможно, все же являются причиной распространения среди людей синдрома приобретенного иммунодефицита — СПИДа. Нет, популярная в былые годы версия Москвы о злонамеренном создании биологического оружия в лабораториях Пентагона так и остается несостоятельной версией. Однако выясняется, что в США занимались необдуманным экспериментированием с кровью обезьян, содержащей схожий вирус. К такому выводу пришел английский ученый Чарлз Джилкс, проводивший в последние годы «расследование медицинского преступления», число жертв которого стремительно растет. Найти правильный ответ на вопрос о возникновении СПИДа важно не только для медицинской истории, но также по политическим и морально-этическим соображениям.

В Африке, которая признана эпицентром распространения по крайней мере обезьяньего вируса иммунодефицита (ИД), страсти накалены до предела, поскольку попытки найти канал инфекции между обезьяной и человеком породили не всегда чисто научный интерес к сексуальным обрядам некоторых племен. Менее обидный для африканцев вариант инфицирования — укусы обезьянами людей и употребление человеком в пищу обезьяньего мяса — не исключается, но вызывает массу сомнений.

В любом случае ранее предполагалось, что вирус ИД в центральных районах Африки сначала попал в кровь местного населения, затем в середине 1970-х годов был завезен путешественниками и солдатами кубинского экспедиционного корпуса в Америку, а позже распространялся среди гомосексуалистов в США. Опубликовав в уважаемом научном журнале «Нэйчур» свою статью, эксперт из Оксфорда, похоже, снимает подозрения с африканцев, хотя на деле это мало

что меняет: по темпам распространения СПИДа Черный континент не имеет равных.

Работая в центре медицинских исследований в Найроби (Кения) Чарлз Джилкс обнаружил документы, свидетельствующие: в 1920–1930-х годах в рамках работ по борьбе с малярией африканские обезьяны вывозились в институты США и Европы. В ходе рискованных по сегодняшним меркам экспериментов обезьянья кровь с носителем малярии переливалась как минимум 70 человекам, в том числе заключенным в США, которых в американскому законодательству допускается использовать в качестве «добровольцев». Найденные отчеты свидетельствуют: 34 лицам вводилась кровь шимпанзе, остальным — иных видов обезьян. Есть свидетельства и того, что затем кровь подопытных впрыскивали другим людям.

Исследователи пытались найти метод лечения тяжелых форм сифилиса, в частности, поражающих мозг. Бактерии этой болезни чувствительны к повышению температуры человеческого организма, а малярия как раз дает резкий скачок температуры. По идее, бактерии должны погибать в результате введения крови, инфицированной носителем малярии, что ведет к облегчению состояния пациента. Тепловая терапия использовалась даже в 1950-х годах и, по мнению шведского эксперта по СПИДУ Ханса Вигзеля, кое-где применяется и сегодня.

Именно в результате такого рода экспериментов, утверждает английский ученый, вирус-ИД попал от обезьян к людям. Очевидно, экспериментов было гораздо больше, чем пока удалось выяснить, и только они — абсолютно установленный канал прямого контакта крови обезьян и человека. Распространенный среди макак, шимпанзе и их сородичей вирус входит в ту же семью ретровирусов, что и поражающие людей ИД-1 и ИД-2. Запоздание в появлении СПИДа по сравнению со временем проведения злополучных опытов может объясняться процессом мутации носителя заболевания, оказавшегося в непривычных условиях человеческого организма.

Знаменитый английский певец Фредди Меркьюри из группы «Куин» — одна из последних жертв СПИДа
Фото из газеты «Гардиан» (Великобритания)

Теперь предстоит подкрепить догадку Чарлза Джилкса поиском и тщательным изучением возможно сохранившихся после малярийных экспериментов образцов крови, а также проведением экспертизы всей дошедшей до нас документации об опытах с малярией и тепловой терапией сифилиса. Криминалистический подход должен помочь выявить потенциальную последовательность передачи вируса от человека к человеку за последние 60–70 лет. Трудно представить, какой объем информации требуется переработать, чтобы поименно установить каждого участника хотя бы одной такой цепочки.

— Теория представит практический интерес, только если удастся получить прямые доказательства, — полагает Ханс Вигзель. — Если же найти их не удастся, мир, быть может, уже никогда не узнает правду о «чуме XX века». Что это — кара Божья или дело рук человеческих?..

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

Профессиональная литература о капитализме посвящена обычно масштабным проблемам на уровне страны, общества. Простому человеку, с его каждодневными заботами, ориентироваться в ней и найти ответы на свои житейские вопросы нелегко. Между тем на многие из них я бы мог ответить, поделившись накопленными знаниями.

Налоги

Их существует несколько видов. Основные из них — это подоходные налоги: федеральный, штатный (не во всех штатах) и иногда местный.

Следующие: штатные и местные налоги (наценки) на большинство покупок, в том числе и на продовольственные товары. Затем — налог для целей социального обеспечения и налоги на землю и на недвижимость.

Помимо описанных налогов есть еще и много мелких местных поборов: ежегодная штатная, а зачастую и местная, лицензия на автомобиль, профессиональные лицензии, лицензия на бизнес (предприятие), налог на полученное наследство, школьный налог и так далее.

Подоходный налог в Америке — «прогрессивный»: чем больше вы зарабатываете, тем больше платите. Есть и льготы, снижающие размер налога, связанные с переездом на новое место жительства, размером семьи, расходами семьи на медицину, количеством детей на иждивении, расходами по уходу за маленькими детьми и другими подобными затратами.

Все граждане обязаны раз в год отправлять в налоговое ведомство специальную налоговую декларацию, определяющую сумму их годового подоходного налога. У каждого работающего его работодатель обязан регулярно вычитать налоги из зарплаты. Если в конце года сумма этих вычетов оказалась больше, чем положено по налоговой декларации, ему возвращают разницу. И наоборот, если он заплатил меньше, надо доплатить.

В первый американский год наш

общесемейный заработок оказался ниже уровня бедности. Поэтому с нас не только не взяли налогов, но еще и доплатили несколько тысяч долларов: по статье федерального бюджета о помощи бедным.

Условия взимания подоходного налога постоянно корректируются с целью стимулирования капиталовложений в те отрасли экономики, где они нужны в этот момент больше всего. Предположим, плохи дела в жилищном строительстве — в закон о подоходном налоге вводятся определенные льготы для застройщиков. Если в стране вкладывается мало денег в развитие производственных мощностей — в закон вводятся статьи, стимулирующие такие капиталовложения. Есть и другие приемы, при помощи которых федеральное правительство использует подо-

няты на частных предприятиях: на заводе, на ферме, в конторе. Обычно это небольшие предприятия, человек в десять — двадцать, а то и меньше, часто — семейные. Такой величины фирмы составляют костяк американских компаний. Но даже крупные предприятия в тысячу и более человек в большинстве своем децентрализованы. Они состоят из отдельных, практически независимо управляемых единиц, которые могут, при определенных условиях, даже конкурировать между собой. Центральная администрация только координирует общую экономическую и техническую стратегию.

Крупная американская фирма, в которой я проработал пять лет, представляла собой конгломерат, состоящий из десятка мало связанных между собой фирм, к тому же расположенных не только в разных городах и штатах, но и в разных государствах.

Такое разукрупнение очень хорошо «работало». Во главе компании в несколько тысяч человек стояло тридцать два партнера, которые собирались вместе не более одного-двух раз в году. Подытоживали успехи и неудачи, намечали общий план действий и делили прибыли. В остальное время филиалы были предостаточно самостоятельными самими себе: клиентура, заказы, финансовая и кадровая политика, техника, хозяйственные дела. Вся их повседневная деятельность никем не регламентировалась.

В Советском Союзе всегда считалось, что разукрупнение предприятий ведет к нерациональному увеличению доли «административно-управленческого аппарата». На-

верно, менеджеров, конторских служащих действительно становится больше. Но хорошо это или плохо? В Америке критерий один — себестоимость единицы продукции. Поэтому в тех случаях, когда это выгодно, никого не смущает, если на одного производителя приходится несколько руководителей, администраторов, клерков.

Убедил меня в этом опыт работы небольшой компании, занимавшейся застройкой и недвижимостью.

Владели фирмой два человека — партнеры, привлекавшие время от

КАПИТАЛИЗМ— ЭТО ПРОСТО

Че Кагов

ходное налоговое законодательство в виде механизма регулирования дел в экономике.

Главными успехами эта экономика обязана прежде своей организации производства.

Производство

Средний американец как правило не предприниматель, он на кого-нибудь работает. Причем довольно часто меняет место работы, а иногда и специальность. За исключением тех, кто служит в государственном аппарате, почти все американцы за-

Продолжение. Начало см. в № 1/92.

времени различных инвесторов, в зависимости от характера и объема работ. Кроме этих двух партнеров в фирме постоянно работало еще четыре-пять человек. На мне лежала техническая сторона дела, я «производил». По мере необходимости я находил иногда одного-двух помощников и брал их на временную работу. Отдельные разделы проектов выполнялись субподрядно другими фирмами, я координировал их работу.

Кроме меня в постоянный штат компании входили две секретарши, одна из которых занималась попутно административными делами, и бухгалтер. В конце каждого квартала на помощь бухгалтеру брали пару помощников на несколько дней, а в конце отчетного года эти консультанты сидели у нас по месяцу. Еще там работал на полставки слесарь-дворник, он же — уборщик.

Итак: один технический работник, на которого — два руководителя, две секретарши, бухгалтер и «полслесаря». И это в фирме с многомиллионным оборотом!

Этот пример не уникален. Американский предприниматель знает, что, во-первых, малооплачиваемый вспомогательный персонал экономит время квалифицированного «дорогого» работника, а во-вторых, менеджмент в бизнесе нередко более важная часть общего процесса, чем само «производство».

В Соединенных Штатах широко развита система консультативных фирм: по сложным специальным вопросам принято приглашать квалифицированных специалистов. Это выгоднее, чем держать этих людей у себя в компании, где невозможно загружать их постоянно на 100 процентов. Многие консультативные компании заняты переподготовкой работников фирм на рабочих местах, например обучением работе на новом оборудовании, компьютерах. Некоторые фирмы ведут курсы по обучению зарабатывания денег. (Не знаю, как их студенты, но учителя обычно зарабатывают на этом хорошо.)

Расходы фирмы на приглашенных со стороны консультантов и инструкторов окупаются за счет повышения производительной отдачи работников и уменьшения текучести кадров. Кроме того, это прибыльно за счет налоговых льгот: практически все эти расходы «списываются» с налогов. Что, впрочем, естественно — государство заинтересовано в процветании предприятий.

Антрепренерство

Под антрепренерством и антрепренерами имеется в виду не организация зрелищ, а предпринимательство и предприниматель вообще,

человек, готовый рискнуть материальным благополучием ради заманчивого дела. Такой не ждёт, пока его уволят, он начинает свой бизнес, как только чувствует, что созрел. Само собой разумеется, чем раньше человек начал свое дело, тем у него больше времени впереди на исправление неизбежных поначалу ошибок. Мне понадобилось еще несколько лет работы на кого-то, чтобы понять, что собственная компания — это очень увлекательная затея, а не вынужденный шаг.

У многих этот процесс происходит быстрее. Иногда, торопясь поскорее открыть свой бизнес, люди бросают даже учебу в университете, как это сделал основатель ныне всемирно известной компании, производящей компьютеры. (Что же, ради такого успеха, наверно, не жаль остаться и недоучкой.)

Так успешно получается не у всех. Кроме того, не все антрепренеры хотят организовать большие компании. Мечта большинства из них — свое маленькое, но прочно стоящее на ногах дело. Поэтому кроме крупных и мелких фирм в Америке существуют еще и микрофирмы. Это компании, состоящие из одного человека. Начать такое предприятие — дело несложное, ему на первых порах и продержаться легче. (В Америке на ноябрь 1991 года было 9 миллионов микробизнесов.) Некоторые из них навсегда остаются в своем качестве. Часть из них быстро умирает. Многие, пережив первые два-три критических года, начинают процветать, а некоторые и расти.

Антрепренерство — девиз Америки, дух антрепренерства — мораль американского общества, антрепренеры — главная движущая сила американской экономики.

Один мой знакомый, способный инженер, открыл лет 40–45 назад небольшую фабрику по производству электроизмерительных приборов. Были годы, когда он мог расширить производство (и соответственно — увеличить прибыль) в несколько раз, но не захотел. Зарабатывает он и так хорошо. Гордится тем, что его приборы покупают авиастроительные заводы, НАСА устанавливает их на спутниках и «Шаттлах». Начи-

нал дело один, у себя в гараже. Теперь на его фабрике работает 49 человек. Атмосфера на предприятии — почти что семейная. В свои 75 лет он активно руководит делом, агрессивно внедряет новую технику, компьютеры. В свободное время пишет и издает книги по экзорсизму, член метафизического общества, выступает с докладами на конференциях. Жертвует регулярно в благотворительные организации. Типичный американский бизнесмен, антрепренер.

Другой мой знакомый, недавний эмигрант из Польши — автомеханик. Работая на хозяина, в свободное время, по вечерам, начал подрабатывать, ремонтируя машины. Появилась клиентура. Собрал немного денег. Остальное одолжил и построил небольшую, на 3 машины, мастерскую. Теперь работает на себя, превращается в антрепренера.

Люди интеллектуальных профессий не стесняются пробовать себя в различных других областях, в бизнесе. Профессор университета помимо своих академических занятий в своем домашнем гараже организует выпуск компьютерных программ на продажу. Через год это дело превращается в серьезное предприятие, приносящее большие доходы. Другой профессор, уважаемый историк, открывает бизнес по подписке на газеты, журналы, книги. Доктор — не только лечит больных. Он вкладывает деньги в недвижимость или открывает ресторан. Архитектор — занимается куплей-продажей предметов искусства, монет. Первая скрипка симфонического оркестра — партнер в оптово-товарном бизнесе. Профессионал, занимающийся попутно бизнесом, — в Америке нормальное явление, уважаемое и поощряемое обществом занятие. Ну а уж обладателю любого ремесла — маляру, электрику, столяру — открыть свое дело еще проще.

Конечно, работать в чьей-то компании менее хлопотно: кто-то создает для вас место на предприятии, ищет заказы, собирает платежи с клиентов, берет на себя головную боль — сводить концы с концами, вычислять по ночам — сможет ли он выплатить вам очередную зарплату, арендует помещение, покупает оборудование, материалы — конца этому нет. А вы спокойно отработываете с 9 до 5, отдыхаете в субботу, воскресенье и в праздники (при том, что хозяин не всегда может себе это позволить).

С другой стороны, антрепренерство дает ни с чем не сравнимое чувство внутренней свободы. Мне кажется, что, однажды испытав это чувство, мало кто согласится добровольно от него отказаться.

(Продолжение следует)

«Когда я впервые стал отцом в 1964 году, то сам был почти мальчишкой. Но теперь, будучи зрелым человеком, я ощущаю счастье более полно, чем когда-либо». Самый знаменитый актер французского экрана 56-летний **Ален Делон** не может до конца поверить своему счастью. Мужчина, околдовавший миллионы женщин во всем мире, совсем потерял голову из-за своей дочки **Аннушки**, родившейся год назад в результате его брака с «мисс Голландией» **Розали ван Бреэмен**, которая моложе Делона на 28 лет.

«Рождение Аннушки было самым большим потрясением в моей жизни, — говорит актер. — Отныне вся моя жизнь принадлежит ей, остальное не имеет никакого значения».

Со своей последней женой Делон познакомился четыре года назад во время презентации диска «Как в кино» и утверждает, что это была любовь с первого взгляда.

Делон, считающийся неисправимым ловеласом (против его чар не устояла в свое время даже Роми Шнайдер), не перестает утверждать, что в жизни не обольстил ни одной женщины. «Всегда решение принимала сама женщина», — говорит он. Так ли? Последний фильм с участием Делона

называется «Возвращение Казановы»...

Наибольшие шансы победить на предстоящих в апреле 1992 года президентских выборах в Австрии имеет по расчетам специалистов 52-летний **Рудольф Штрайхер**, занимающий сейчас пост министра транспорта. Его кандидатура выдвинута правящей социал-демократической партией.

Выходец из рабочей семьи, Рудольф начал свой трудовой путь механиком. Успешное окончание

Горной академии в Леобене открыло дорогу на руководящие посты в государственном секторе экономики. Шесть лет назад, будучи уже генеральным директором одного из крупнейших концернов страны «Штейр-Даймлер - Пух», Штрайхер получил приглашение от канцлера Враницкого войти в состав его кабинета, где проявил себя как талантливый менеджер и ярый сторонник приватизации, с помощью которой ему удалось спасти многие убыточные государственные предприятия.

До весны будущего года Штрайхер намерен оставаться на посту министра, а для начавшейся уже предвыборной кампании уделять лишь выходные и праздничные дни. В случае поражения он думает вернуться к предпринимательской деятельности. Правда, у министра есть еще одна «запасная» профессия: он страстно

любит музыку и дирижерское искусство. Под его управлением регулярно выступает оркестр австрийских железнодорожников. А совсем недавно Рудольф справился и со всемирно известным Венским симфоническим оркестром, с блеском исполнившим под указку его дирижерской палочки несколько сюит.

Штрайхер страстный рыбак и охотник. Любит кататься на лыжах, совершать прогулки в горах. На заданный ему на днях вопрос, с кем бы он хотел провести вечер, ответил: «С

Михаилом Горбачевым».

А.Ковригин,
соб. корр. «НВ»
ВЕНА

Из 14 миллионов курдов, населяющих земной шар, 60-летний **Надир Надилов** — первый и единственный академик, член научного совета по нефтехимии Академии наук.

Надир родился в селе Кикач Нахичеванской автономной республики. Ему едва исполнилось 6 лет, когда его семью депортировали в казахстанские степи. Он до сих пор помнит, как в 1937 году в дом пришли сотрудники НКВД и велели собираться «с вещами». В степях курды жили в шалашах, им категорически воспрещалось покидать свои поселения-резервации...

Два года назад Надилов включился в борьбу за права репрессированного курдского народа, который за годы совет-

«Караван» из Алма-Аты

В середине июля не избалованная обилием прессы Алма-Ата была буквально взорвана появлением новой независимой газеты «Караван», в короткое время ставшей одной из самых популярных в городе.

Ее основатель и главный редактор — 56-летний **Григорий Брейгин**, журналист, более 30 лет проработавший в различных казахстанских изданиях, бывший собкор «Казахстанской правды» на Алтае и в Волгограде.

Три года назад он неожиданно ушел с поста главного редактора студии «Казахтелефильм» и бросился в волны независимой журналистики. Однако выход первого номера «Каравана» долго откладывался.

— «Караван» — газета для Казахстана совершенно необычная. Мы взяли на себя дерзость сразу заявить, что делаем газету для обывателя. Я не вижу в этом слове уничижительного оттенка, — говорит Брейгин.

«Караван» не политизирован. «Наша политика — это собственное отношение к реалиям дня, это информация о происходящем, это точность подачи» — таково мнение редактора.

Григорий Брейгин жалеет об одном: поздновато взялся за дело, пик формы позади. Тем не менее пятидесятитысячный тираж газеты расходуется в киосках за один день.

М.Ростовский

ской власти был рас-
сеян по 9 республикам
страны. Парижский ин-
ститут курдов 2 года на-
зад пригласил Нади-
рова участвовать в
международной кон-
ференции по правам
человека. Он привез в
Париж доклад «О поло-
жении курдов в СССР»,
в котором потребовал
восстановления Совет-
ского Курдистана, воз-
вращения курдов на ис-
конные земли их пред-
ков. Так Надиров оказа-
лся в центре внимания
европейской прессы и
вскоре стал почетным
гостем многих конфе-
ренций по правам кур-
дов.

В Москве и Алма-Ате
с июля 1991 года идет
акция «Социальный
прогресс курдов», ко-
торую возглавляет На-
диров.

— Моя цель — прив-
лечь внимание людей к
бедственному положе-
нию курдской нации, —
говорит он.

менитый художник. Он
хотел сделать подарок
своей жене, но, увидев
картины, которые укра-
шали интерьер мага-
зинчика, воскликнул:
«Какой хороший ху-
дожник!» «Я никогда
не посмел бы сам по-
дойти к Мастеру», —
замечает Понс.

Выставки литографи-
и увидели в Германии,
Дании, Норвегии, Вос-
точной Европе и, нако-
нец, в Москве. «Мос-

ковские широты, много
деревьев, милые дети
и красивые женщины»
— вот яркие впечатле-
ния художника от крат-
кого посещения столи-
цы.

Общая разрядка напря-
женности в мире, воз-
можно, сыграет свою
положительную роль и
в судьбе 54-летнего на-
следника итальянского
престола **Витторио**

Эммануэле, который
вот уже 45 лет выну-
жденно живет в сосед-
ней Швейцарии. Спе-
циальное положение
конституции, отменив-
шее монархию и уста-
новившее Итальянскую
республику, не только
запрещает потомкам
мужского пола послед-
него короля Умберто I
ступать на землю своих
предков, но даже пере-
секать порог итальян-
ских дипломатических
представительств за
рубежом (на женскую
половину королев-
ского дома это запре-
щение не распростра-
няется).

Неспокойная жизнь
Витторио Эммануэле
нередко ставила в
трудное положение
сторонников реставра-
ции Савойской дина-
стии. Похождения в
«злых местах» раз-
личных городов Евро-
пы, столкновения со
стражами порядка, ув-
лечения модными тан-

цовщицами и, наконец,
женитьба принца на
«неподходящей осо-
бе» старше его на пару
лет сильно подорвали
монархические на-
строения в Италии. В
довершение ко всему
13 лет назад прои-
зошло странное собы-
тие, в результате кото-
рого был убит немец-
кий турист. Роковой вы-
стрел произвел ита-
льянский принц, который
был затем арестован и
в наручниках препро-
вожден в тюрьму.
Только в ноябре 1991
года парижский суд
присяжных наконец
оправдал принца. Вит-
торио ответит лишь за
незаконное хранение
оружия. Справедли-
вости ради следует за-
метить, что все эти
годы принц находился
на свободе.

После оправдатель-
ного приговора наслед-
ный принц, по его сло-
вам, намерен всеми си-
лами добиваться от-
мены положения кон-
ституции, запреща-
ющего ему возвра-
щаться на родину. Этот
вопрос поднимался, в
частности, на встрече
сестры принца Марии
Габриэлы с президен-
том Итальянской ре-
спублики Коссигой.

По словам принцес-
сы, президент впервые
назвал ее «ваше коро-
левское высочество» и
заверил, что поста-
рается использовать
свое влияние для того,
чтобы наследник ита-
льянского престола по-
лучил возможность всту-
пить на итальянскую
землю.

Об Индии с любовью...

В отличие от героя шпионских романов
о Джеймсе Бонде его индийский одно-
фамилец не увлекается автомобиль-
ными гонками и не замечен в пристра-
стии к мартини. Машинам просто негде
разогнаться на узких улочках малень-
кого городка Массури в предгорьях Ги-
малаев, где вот уже 27 лет живет **Рас-
кин Бонд**, популярнейший и, похоже,
самый плодовитый в Индии писатель.
Его перу принадлежат более 200 рас-
сказов и новелл, примерно столько же
эссе и сорок детских книг. Что касается
мартини, то он противопоказан боль-
ным раком — именно таков поставлен-
ный Бонду диагноз.

И все же в свои 57 лет писатель не теряет бодрости и оптимиз-
ма, проводя ежедневно за письменным столом по три часа. Сю-
жеты для своих произведений он черпает из окружающей жизни,
с полным основанием утверждая, что настоящая Индия живет не
в мегаполисах, а в деревнях и таких небольших поселениях, как
Массури.

Бонд не считает, что хороший писатель должен много путеше-
ствовать, а поэтому редко покидает свои пенаты. Впрочем, одно
время он дважды в месяц регулярно являлся в бомбейский суд,
когда его обвинили в непристойности за публикацию в журнале
«Дебонэр» рассказа «Сластолюбец». Герой произведения после
бурно проведенной молодости решил отказаться от мирской суеты
и стать отшельником. Уйдя на долгие годы в горы, он нет-нет да
и вспоминает свои шальные юношеские выходки... Судебное дело
кончилось полным оправданием Бонда, но с тех пор на подобные
темы он писать не рискует.

С.Иродов,
соб. корр. «НВ»
ДЕЛИ

«Москва — это провин-
ция Парижа», —
утверждает 78-летний
француз **Жан Понс**, ко-
торый впервые при-
ехал в Москву с выстав-
кой литографии париж-
ской школы под назва-
нием «Жан Понс и его
русские друзья».

Понс приглашал в
свою парижскую мас-
терскую талантливых
русских художников-
эмигрантов — Василия
Кандинского, Марка
Шагала, Михаила Ла-
рионова. Марсель
Марсо, Жан Кокто и
Серж Поляков, Пабло
Пикассо — со всеми
этим людьми Жан
Понс был «на короткой
ноге».

Благодаря
встрече и совместной
работе Понса с худож-
никами, приехавшими
из Восточной Европы,
искусство Парижа при-
обрело новую, «рус-
скую» грань.

Интересно его зна-
комство с Матиссом:
солнечным днем 1951
года в частный мага-
зинчик одежды, владе-
лицей которого была
жена Понса, зашел зна-

Мистер Питкин в тылу партнера

Проездом из Советского Союза в Союз суверенных государств у себя на родине побывал известный американский советолог, потомок героя Крымской войны мистера Питкина-старшего мистер Маршалл Питкин-младший. Он выступил с туром лекций, которые потрясли американцев глубоким знанием никому не понятного предмета. Бурю восторга вызвал аналого-индукционный метод анализа, построенный на основе трех анекдотов эпохи первых невинных лет перестройки.

Первый анекдот обрисовывает контуры экономической политики в условиях перехода к рынку: Тэтчер, Рейган и Горбачев как-то жалуются на жизнь. «У меня десять министров, и один из них имеет любовницу, но я не могу найти — кто», — говорит Тэтчер. «Ну, это что, у меня десять членов администрации, один из них агент КГБ, но я не знаю — кто», — сокрушается Рейган. «Мне бы ваши заботы, вот у меня десять советников по экономике, но я никак не могу понять, кто из них экономист», — затужил Михаил Сергеевич.

Второй анекдот посвящен социальной политике: один гражданин ходит по магазинам, спрашивая о том, есть ли в продаже колбаса отдельная, шейка копченая, сыр костромской, а также задавая другие злобные провокационные вопросы. К нему подходит другой гражданин в неброском плаще и спрашивает, чем первый гражданин занимается. Тот отвечает, что по указанию жены составляет список о том, что происходит в городе; человек в плаще говорит, что за такие шутки в былые времена расстреляли бы на месте; гражданин записывает: «Пуль тоже нет».

Наконец, третий анекдот затрагивает проблемы соотношения политических и экономических реформ: пиво подорожало до пятидесяти копеек — такова плата за гласность, говорит продавец. Хорошо, говорит покупатель и протягивает рубль, получая 50 коп. сдачи. А где же пиво? — спрашивает покупатель. Пива нет, отвечает продавец.

Автор аналого-индукционного метода мистер Питкин-младший любезно согласился ответить на вопросы «Нового времени».

«Новое время». Что вы ощущаете от частого пребывания в нашей стране?

Мистер Питкин. Алло, Балаклава! Алло, Балаклава!

«НВ». Вы что, меня не слышите?

М.П. Это мои позывные, я по привычке проверяю связь. Знаете, ваша инфраструктура еще отстает от высших мировых стандартов.

«НВ». Вы хотите сказать, что телефоны ни к чертовой матери не годятся и вы привыкли орать?

М.П. С таким определением моей мысли можно согласиться.

«НВ». У нас никто не может понять, что творится у нас. Хотелось бы спросить у вас, что творится у нас. Прежде всего расскажите, в чем суть вашего метода анализа.

М.П. Я веду наблюдение.

«НВ». Чего?

М.П. Стремительного падения.

«НВ». Метеоритов, что ли?

М.П. Нет, вашей экономики.

«НВ». И каково у вас ощущение?

М.П. Большого свободного полета.

«НВ». Что бы вы посоветовали, чтобы преодолеть этот, как вы выражаетесь, большой свободный полет?

М.П. Самая главная, самая неотложная задача — ускорение падения.

«НВ». (Немая сцена из «Ревизора» в сольном исполнении собкора.)

М.П. Ведь вы — русские, украинцы, грузины, казахи и другие представители суверенных независимых государств — не начнете шевелиться, пока вас крепко не тряханет.

«НВ». Побойтесь Бога. Куда уж больше нас тряхать.

М.П. Увы, пока-то как слону дробина. Надо вас так тряхануть, чтобы вдребезги. В дрыбадан. Мо-

жет, после этого начнете шевелиться.

«НВ». Как вы оцениваете с высоты вашего анализа текущий момент?

М.П. Оптимистичнее, чем раньше. Похоже, скоро тряханет так, что вы придете в чувство. Меня очень порадовало заблаговременное оповещение населения о предстоящей либерализации цен. А точнее — реакция на это оповещение. У ваших людей любопытный склад ума: они восприняли будущую либерализацию как фантастическое повышение цен.

«НВ». А вы что — считаете их круглыми идиотами?

М.П. Зачем же так? Не я.

«НВ». Конечно, с окончательным искоренением проклятия магазинов кое-что получилось. Давненько таким очумелым не был народ. Но в принципе это номера из рыжковско-павловского репертуара.

М.П. Не скажите. Важно то, что мы называем таймингом, то есть хорошим чувством выбора момента и срока. Двойная шокотерапия с интервалом около двух месяцев — это почти гениально: как два расстрела. Здесь присутствуют по-хитчковский закрученная интрига ожидания детального исхода, по-карповски тонкое понимание позиции и по-каспаровски свободный полет импровизации. Если бы либерализацию оттянуть еще на пару месяцев, а потом уж шарахнуть со всего размаха, думаю, результаты были бы еще положительнее...

«НВ». Что еще вас обнадеживает?

М.П. Предстоящее свободное плавание курса рубля. Надеюсь, оно быстро перейдет в стремительный свободный полет.

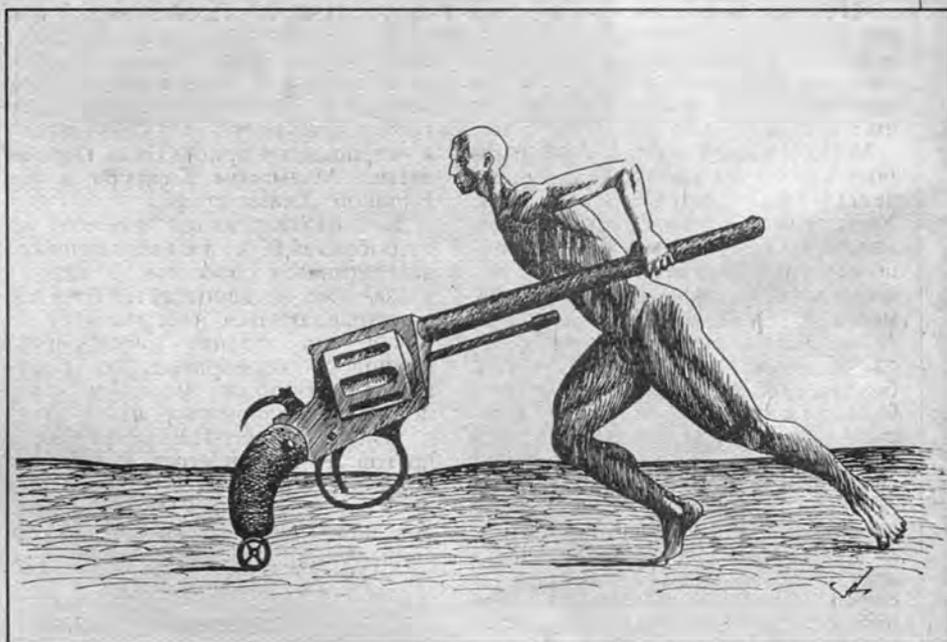

Рисунок Аркадия Гурского

«НВ». Куда уж дальше лететь? Уже при нынешнем банковском курсе в сто рублей за доллар по американским ценам батон хлеба стоит за сто пятьдесят рублей, а рубашка — от тысячи до трех тысяч.

М.П. Ну, у вас еще есть резервы. Вот у Мобуту в июле один доллар стоил семь с половиной тысяч за иров, а сейчас — все шестьдесят пять тысяч.

«НВ». Что у вас там еще есть в заглавнике по части рекомендаций?

М.П. Надо выпустить на свободу Павлова, Стародубцева и Тизякова. Валентину хорошо бы поручить стабилизацию рубля, Василию — проведение земельной реформы, а Александру — приватизацию и прочее разгосударствление.

«НВ». Вы сомневаетесь в Егор Тимуровиче и его команде?

М.П. Отчего же? Молодость — недостаток, который быстро проходит. Особенно если тряханет. И потому, я всегда ценю хорошее перо и романтический порыв.

«НВ». Как вам видятся международные аспекты проблемы падения: помощь Запада, урегулирование внешних долгов, иностранные капиталовложения и так далее?

М.П. В целом у вас получается неплохо: для западных бизнесменов вы устроили настоящую школу выживания. Многие из тех, кто запросто возвращается в джунглях капитализма, навсегда потеряли в джунглях перехода от социализма к рынку. Правда, некоторые компании все же умудрились иметь кое-какие сделки с вашей страной, что явно не содействовало ускорению падения. Но и здесь есть обнадеживающие признаки. Меня очень вдохновляет решение России одним указом забрать под себя всю нефть и прочие богатства. Особенно то, что в этом указе нет ни слова о предыдущих контрактах.

«НВ». Неужели вы думаете, что все прежние контракты тью-тью, если не будет высочайшего российского соизволения? Но ведь закон обратной силы не имеет. Не может иметь.

М.П. В вашей стране чудес и героев все может иметь. Пусть наши дельцы покрутятся. Это им не Уолл-стрит. Есть кое-какие надежды и на переговоры с «Шевроном» по поводу освоения Тенгизского нефтяного месторождения. Еще пару месяцев, еще побольше положительных заявлений и поменьше дела, и сделка благополучно почит в бозе сама по себе. Вы должны зарубить себе на носу, что наш бизнесмен в отличие от вашего кооператора — жулик и ворюга, который хочет разграбить Россию и другие суверенные государства, оставив с носом вас и ваших внуков.

И еще один совет: гоните в шею всех ваших кредиторов. В крайнем случае можно пообещать им вернуть долги, даже бумажки подписать. Но вы же теперь свободные суверенные независимые государ-

ства: захотели сегодня — подписали, захотели завтра — показали кукиш с маслом.

Таков в основном пакет моих предложений.

«НВ». Значит, не все еще потеряно?

М.П. Да, есть все основания надеяться, что тряханет окончательно. Осталось ждать недолго. И еще: еще решительнее боритесь с Центром.

«НВ». С кем и с чем бороться? Центра-то уже нет... Даже президента не осталось — попрощался и ушел...

М.П. Главное, как в футболе, — результативность. Помните: кпд борьбы с Центром неизмеримо выше кпд борьбы с очередями. Неплохо бы нанести превентивный ядерный удар по Госкомгидромету.

«НВ». За что?

М.П. Ведь он продолжает свою имперскую политику, сообщая о погоде в суверенных государствах без их разрешения.

«НВ». Но это же был бы Судный день!

М.П. Ну, не обязательно с ходу. Достаточно обсудить, поговорить. Одним словом, поугарать. Не дураки же выдумали стратегию «устрашения». Мир отстояли, сохранили и укрепили.

«НВ». И последний вопрос личного характера. Как вы себя чувствуете в тылу врага, когда враг уже не враг, а партнер?

М.П. Скажу откровенно: нелегко. Ведь хороший враг на дороге не валяется. Партнеров и союзников хоть пруд пруди, и каждый если даже не просит, то обязательно недоволен. А такого надежного, предказуемого, стабильно-глупого и в то же время жутко «страшного» противника, как бывший Советский Союз, нам — сейчас это можно честно признать — просто послало Провидение. Куда, куда вы удалились, златые дни... Вот видите, даже запел. (Смахивает слезу.) В Пентагоне и ЦРУ объявлен бессрочный траур — до выявления нового надежно-глупого и «страшного» врага. Пока перебиваемся Муамаром Каддафи и его Великой Джамахерией.

Да и партнер из вас какой-то медузообразный и размножающийся вегетативным способом. У меня в глазах уже не двоится, не троится, а пятнадцатится и сорокаится. Я почти на грани шизофрении. Пришлось перебраться из Балаклавы в Бологое. Все-таки обзор получше: с одной стороны, Собчак с «Виват, Санкт-Петербургом», с другой — Попов: хоть и мэр, но все-таки экономист. Да и от Фороса подальше. А то ненароком еще какой-нибудь Минин и Пожарский объявится...

Евгений Русаков,
соб.кorp. «Нового времени»
НЬЮ-ЙОРК

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● Если Вы решили продать или купить, сдать или получить в аренду квартиру, дачу, дом, гараж, машину, различные типы нежилых помещений и объектов социальной сферы, СВОЙ ЛУЧШИЙ ВЫБОР ВЫ СДЕЛАЕТЕ У НАС!

«А.О. ПЕТЕРБУРГСКИЙ АУКЦИОН» решит любые проблемы с недвижимостью наиболее выгодно для Вас.

Ждем Вас по адресу: 190000, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д.5, к.34.

Звоните по телефонам: (812) 3110656, (812) 3110192;
Факс: (812) 3110601.

● Итальянский стиль известен во всем мире. В нашем агентстве «Новое время DESIGN» итальянские специалисты работают в области рекламы и маркетинга. Наши телефоны в Москве: 209-92-82; 209-76-52; 209-95-71.

● В наше трудное время Вы желаете стать мужественным и неотразимым для женщин. Тогда Вам просто необходима книга «Лидер». Купив ее, Вы получите комплекс упражнений, с помощью которых уже через три месяца обнаружите у себя фигуру атлета. Цена 30 руб.

Наша фирма не забывает и слабый пол. Женщинам выслаются рецепты по приготовлению косметических средств и рецепты народной медицины. Быть неотразимыми в Ваших силах. Цена книги 25 руб.

Заявки присылать по адресу: 693006, г. Южно-Сахалинск, а/я 16.

Книги высылаются наложенным платежом.

● Акционерная корпорация «Планета-Центр» выполняет

PLANETA-CENTRE

дорогой ремонт квартир из своего материала и материала заказчика. Телефон в Москве: 279-22-08.

Для размещения экспресс-информации «Фирмы сообщают» обращайтесь в агентство «Новое время DESIGN» по адресу: 103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская площадь. Телефоны: 209-92-82, 209-76-52, 209-95-71. Телефаксы: 200-42-23 и 200-41-92.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

«Мисс Ханой» осталась без работы

Революционный вьетнамский театр умирает — романтика войны с империализмом больше не волнует зрителей

После сорока с лишним лет господства коммунистической идеологии на Севере Вьетнама и спустя шестнадцать лет со дня окончания войны с США «Революционные театральные труппы» Ханоя теряют свой блеск. Их актеры, славившиеся храбростью, в самые тяжелые периоды войны развлекали вьетнамскую армию. Теперь многие из них — старые и молодые — лишены средств к существованию. Вьетнамцы предпочитают смотреть не их спектакли, а американские видеофильмы.

— Наши роли исполняют теперь престарелые политики, — вздыхает Тхуй Нгуен, 33-летняя актриса, досрочно ушедшая на пенсию. — В том, что я оказалась в таком положении, безусловно, виноваты видеофильмы. Многие вьетнамцы привезли из Восточной Европы видеомагнитофоны и цветные телевизоры. И наши постановки никто не смотрит.

Нгуен зарабатывает на жизнь тем, что вышивает шелком картины и продает их иностранцам. Она права: видеомагнитофоны стали самым ценным предметом роскоши в ветхих перенаселенных домах Ханоя.

В скромной квартире одного оставшегося правительственного чиновника десяток людей сидят на корточках прямо на полу и смотрят «Охоту за Красным Октябрем» — американский фильм о русских шпионах с Шоном Коннери в главной роли. Некоторые из зрителей — «клиенты», заплатившие хозяину за просмотр.

— Если бы я мог достать серию о Джеймсе Бонде, я бы заработал настоящие деньги, — говорит владелец западной диковины, раньше служивший под началом Хо Ши Мина.

Иностранцы пользуются на ханойском «черном рынке» большим спросом. Картины, идущие в кинотеатрах, прошли проверку цензора и не особо интересны. Зато из-под полы можно за соответствующую цену купить практически любую видеопродукцию, содержание которой доказывает: цензуры она не знала. Набор спекулянтов включает все: от вестернов до порнографии. Впрочем, другая ушедшая со сцены на пенсию актриса, до этого 35 лет развлекавшая войска Вьетконга и население Ханоя, Ха Май утверждает, что «даже полиция смотрит все,

что она конфискует. Полицейские любят видеофильмы, как и все вьетнамцы».

Ха Май любит вспоминать прошлое. Живет она в относительно большой однокомнатной квартире — привилегия, данная правительством за особые заслуги: ведь жилая площадь — самый дефицитный товар в Ханое. На стенах висят черно-белые фотографии Май в различных героических ролях — она играла женщин, погибших в борьбе с французскими и американскими захватчиками.

— Наша задача как актеров заключалась в том, чтобы вдохновить товарищей на борьбу, напомнить им об их героических целях, — рассказывает Май. — Ради этого мы рисковали жизнью.

Вьетнамский театр проиграл американским видеофильмам

Друг Май — Кхань Хоа, тоже ушедший на пенсию актер и хореограф, добавляет:

— Без нас бойцы сошли бы с ума. Трудно столько времени жить под постоянными бомбежками, да к тому же вдали от дома.

Хоа дважды получал осколочные ранения, когда выступал у Тропы Хо Ши Мина. Май и Хоа помнят, сколь преданы они были идеям марксизма и сколь преисполнены были решимости освободить Юг из-под контроля американцев. Но сейчас идеология отмирает, и в стране идет «дой мой» — вьетнамская перестройка. Оба актера пришли к выводу, что нужда в революционном театре отпала.

— Многие из нас, актеров и певцов, были ранены или погибли на войне, — с горечью замечает Хоа. — А теперь взгляните на нас: мы — никто и ничто.

— Проблема в том, — объясняет Тхуй Нгуен падение ханойского театра, — что у нас нет современных пьес. Старые драматурги по-прежнему пишут о том, какие нехорошие американцы и сколь героичны и самоотверженны мы, жители Севера. И основная тема не меняется — «коммунизм велик».

Зрители в Ханое стали моложе, добавляет Нгуен. Они разочаровались в коммунизме. Более трети 67-миллионного населения Вьетнама родились в последние два с половиной десятилетия. Их не интересуют пьесы о войне, которую они не видели.

В Ханое в последнее время возник новый тип комедии. Среди молодежи вошло в моду смеяться всякий раз, когда какой-либо политический деятель произносит длинную речь по телевидению. Когда на экране появляется убежденный сединой чиновник и произносит длинную речь об учении Хо Ши Мина и о грядущем социалистическом рае, зрители отвечают взрывами хохота и саркастическими замечаниями. Политики действительно исполняют роли, которые раньше играли актеры.

В своем последнем спектакле перед уходом на пенсию Ха Май играла мать убитого революционера. Героиня пьесы решает, сохранить ли жизнь захваченного революционером «жадного капиталиста». Проявляя коммунистическое великодушие, она щадит его.

— Я пощадила его, — говорит Май, путая свою реальную и сценическую жизнь, — а он бежал в Америку и посылает на мою родину видеомагнитофоны, чтобы уничтожить меня. Если бы я знала об этом тогда, возможно, я бы не была такой великодушной...

Эндрю Лам,
Пасифик ньюс сервис

ХАНОЙ — САН-ФРАНЦИСКО

АЭРОФЛОТ ПРЕДЛАГАЕТ НОВУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ АВИАЛИНИЮ

МОСКВА

ГЕТЕБОРГ

По этому маршруту самолет Аэрофлота ТУ-134 летает один раз в неделю.

SU 213 Воскресенье	Аэропорт	SU 214 Воскресенье
09.40 о.	Москва	п. 17.30
11.15 п.	Копенгаген	
12.15 о.	Гетеборг	о. 14.00
13.00 п.		

Время указано местное.

Подробную информацию о полетах Вы можете получить в любом представительстве Аэрофлота, а также в международной справочной Аэрофлота в Москве по телефону: 156-80-19.

INTERNATIONAL
ELECTROTECHNICAL
COMMODITY
STOCK
EXCHANGE

Международная
электротехническая
товарно-фондовая
биржа в
Новосибирске
становится центром
притяжения
производителей
электротехники.

Ее учредители –
более 200
предприятий
от Балтики
до Камчатки.

Уставный
капитал –
100 миллионов
рублей.

Биржа принимает в
число учредителей тех,
кто производит
электротехническую
продукцию.

Учредительская акция –
50 тыс. рублей или 15
тыс. долларов США –
дает право на два
брокерских места.

Для посредников биржа
предлагает свободную
продажу брокерских
мест. Стоимость
каждого – 500 тыс.
рублей или 50 тыс.
долларов США.

Наш адрес: 630104, Новосибирск, Красный проспект, д. 67-а.
Телефоны: (3832) 20-08-00, 21-99-57; факс: 21-50-54